

Правительство Рязанской области
Управление культуры и массовых коммуникаций Рязанской области
Управление по делам образования, науки и молодежной политики Рязанской области
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
Российская библиотечная ассоциация (Секция юношеских библиотек)
Рязанская областная юношеская библиотека им. К.Г.Паустовского

Международная научно-практическая конференция

**Наследие К.Г. Паустовского
и современность:
экология, культура, нравственность**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Рязань
29-31 мая 2007 г.

Редактор: Гомозова Е.А.
Корректор: Шайкина О.Л.
Ответственный за выпуск: Алёшина Н.В.

Наследие К.Г. Паустовского и современность: экология, культура, нравственность: материалы Международной научно-практической конференции / Рязан. обл. юнош. б-ка им. К.Г. Паустовского. – Рязань, 2007. – 1 ____ с.

Тексты докладов и списки литературы воспроизводятся с сохранением содержания, орфографии и синтаксиса, представленных авторами текста.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

К.Г. Паустовский и традиции русской художественно-документальной прозы.....	7
<i>Сафронов А.В.,</i> <i>доцент Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина</i>	
Проект «Тропа Паустовского» как воспитательный процесс через произведения К.Г. Паустовского	10
<i>Глушаков В.И.,</i> <i>директор музея К.Г. Паустовского (Украина, г. Одесса)</i>	
«Клуб Паустовского» Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого	12
<i>Тарасинская И.З.,</i> <i>доцент Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)</i>	
Концепция природы и человека в творчестве К.Г. Паустовского	14
<i>Касаткин В.М.,</i> <i>краевед, член Союза журналистов России и Рязанского исторического общества (г. Рязань)</i>	
Круг чтения К.Г. Паустовского в детстве и юности	17
<i>Давыдова М.И.,</i> <i>профессор Московского государственного университета культуры и искусств</i>	
«Книга живёт для людей, если в книгу вложена жизнь»	19
<i>Суорова В.В.,</i> <i>директор Рязанского областной юношеской библиотеки им. К.Г.Паустовского</i>	

СЕКЦИЯ 1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ И ЛИНГВИСТЫ

Художественная философия К. Паустовского и М. Пришвина	24
<i>Соколова Р.А.,</i> <i>доцент Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)</i>	
Образ-символ в осмыслении революции И.А. Буниным и К.Г. Паустовским.....	26
<i>Курбатова Ю.В.,</i> <i>аспирант Белгородского государственного университета (г. Белгород)</i>	
Тема Родины у Константина Паустовского и Марины Цветаевой	28
<i>Козлова Л.Н.,</i> <i>профессор Ульяновского педагогического университета, член Московского Союза литераторов (г. Ульяновск)</i>	

Повесть К. Паустовского «Шевченко» (образ и жанр)	32	Диалектная лексика в произведениях К.Г. Паустовского	50
<i>Ляшенко А.В.,</i> исследователь творчества К.Г. Паустовского (Украина, г. Киев)		<i>Курилла И.П.,</i> магистр филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)	
Уроки мастерства (Ю.П. Казаков – ученик К.Г. Паустовского)	34	Использование антонимов для создания психологического портрета в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского	52
<i>Омельян А.М.,</i> аспирант Белгородского государственного университета (г. Белгород)		<i>Витько Н. Н.,</i> студент Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)	
Герой-преобразователь в повестях К.Г. Паустовского «Кара-Бугаз» и «Колхида»	36	Фещенко Ю. В., магистрант Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)	
<i>Мантрова С.А.,</i> учитель русского языка и литературы Тамбовского областного государственного образовательного учреждения – общеобразовательной школы-интерната «Мичуринский лицей-интернат» (г. Мичуринск, Тамбовская область)		Заемствованная (французская) лексика в произведениях К.Г. Паустовского	53
Анализ рассказа К.Г. Паустовского «Рассказ о лимоне» (1944). К вопросу о философских и фольклорных основах прозы писателя	38	<i>Ляшенко А.А.,</i> студент факультета русской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)	
<i>Летохо Е.В.,</i> аспирант Московского педагогического государственного университета (г. Москва)		<i>Румянцева Т.М.,</i> студент факультета русской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)	
К. Паустовский в годы оттепели	40	Экспрессия языка художественных произведений К. Г. Паустовского (Художественное мастерство К. Г. Паустовского)	55
<i>Рудик И.В.,</i> студент факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)		<i>Ершов Н.Н.,</i> учитель русского языка и литературы муниципального общеобразовательного учреждения Кораблинская средняя школа №2 (Кораблинский район, Рязанская область)	
Мастерство Паустовского-пейзажиста	43	Портретные описания в рассказах К. Паустовского	58
<i>Комкова А.В.,</i> ученица Гремячковой средней общеобразовательной школы (Скопинский район, Рязанская область)		<i>Литвин И.Н.,</i> доцент кафедры общего и русского языкознания Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)	
<i>Безрукова Е.В.,</i> учитель Гремячковой средней общеобразовательной школы (Скопинский район, Рязанская область)		Дополнение к комментарию («Кордон «273» К.Г.Паустовского)	60
Мастерство художественного слова К.Г. Паустовского	45	<i>Соколянская Е.П.,</i> член общества «Мир К.Г. Паустовского» (Украина, г. Одесса)	
<i>Магомедова Я.К.,</i> учитель русского языка и литературы Малиновской основной общеобразовательной школы (Михайловский район, Рязанская область)		Способы художественного обобщения у К. Паустовского (повести 20-30-х годов)	61
Тема искусства в творчестве К.Г. Паустовского	46	<i>Логвин Г.П.,</i> Киевский открытый международный университет развития человека «Украина» – Николаевский филиал	
<i>Зыкова Е.А.,</i> студент факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)			
Импрессионизм в творчестве К.Г. Паустовского	48		
<i>Ведищева С.А.,</i> студент факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)			

СЕКЦИЯ 2. КРАЕВЕДЫ

Моя дорога к Паустовскому	64
<i>Башкарев П.Г.,</i> научный сотрудник музея К.Г. Паустовского (Украина, г. Одесса)	
Мотивы и образы художественной и очерковой прозы К.Г. Паустовского 1930-х годов в повести «Мещерская сторона»	65
<i>Касаткин В.М.,</i> краевед, член Союза журналистов России и Рязанского исторического общества (г. Рязань)	
Они оба были певцами родного края	68
<i>Афанасьев В.М.,</i> краевед (г. Рязань)	
Белая ночь Паустовского	70
<i>Линник Ю.В.,</i> доктор философских наук, преподаватель Карельского государственного педагогического университета (г. Петрозаводск)	
Ливенские прототипы героев К.Г. Паустовского	73
<i>Беляева Л.А.,</i> краевед (г. Ливны, Орловская область)	
Паустовский и музыка	76
<i>Коровникова З.Н.,</i> учитель Сохинской общеобразовательной школы (Старожилковский район, Рязанская область)	
<i>Гребенникова З.С.,</i> учитель Сохинской общеобразовательной школы (Старожилковский район, Рязанская область)	
<i>Муравьева Н.В.,</i> организатор воспитательной работы Сохинской общеобразовательной школы (Старожилковский район, Рязанская область)	
Уроки Паустовского	79
<i>Силкин А.В.,</i> руководитель клуба «Летописцы родного края» Дома детского творчества р.п. Гусь-Железный (Касимовский район, Рязанская область)	
.....	81
<i>Вайсберг Б.С.,</i> писатель, краевед (г. Екатеринбург)	

К.Г. ПАУСТОВСКИЙ И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Сафронов А.В.,

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой,
доцент Рязанского государственного
университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Творчество Константина Паустовского развивалось в русле традиций великой русской прозы, в которой художественная документалистика всегда занимала достаточно заметное место. «Литература факта» отвечала потребности общества в научном и художественном постижении современной действительности и исторического опыта страны. Расцвету проблемного, нравоописательного, публицистического очерка, мемуарных жанров способствовали писатели-«физиологи» 40-х годов XIX века, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский. Постижению народной души посвящено творчество Н.С. Лескова, Г.И. Успенского, В.А. Слепцова, А.И. Левитова, С.В. Максимова, состоящее в значительной степени из очерков о быте различных сословий тогдашней России. Видными мастерами «литературы факта» были те, кого безоговорочно признают учителями Паустовского: И.С. Тургенев, И.А. Бунин, А.П. Чехов.

Виднейшие представители очерковой прозы углубили и обогатили русский реализм, заложили основу поэтики документальных форм. Для них характерным было глубокое проникновение в народную жизнь, фактическая достоверность, психологизм и реалистичность характеров. Живость изложения, обилие содержательных и остроумных диалогов, лаконизм, лиризм и красочность пейзажей немало способствовали популярности очерка.

Заслуживает внимания тот факт, что первой публикацией Паустовского был очерковый этюд «На воде», описывавший впечатления от поездки на пароходе по Днепру. В дальнейшем мы видим в его творческом багаже мемуары, портреты классиков мировой литературы и современников («Оскар Уайльд», «Эдгар По», «Встречи с Гайдаром», «Несколько слов о Бабеле»), путевые очерки («Странствия»), заметки («Памяти Аксакова /рыболовные заметки/»), зарисовки, репортажи, публицистику. Немало помогла усвоению принципов документального повествования работа журналиста в двадцатые годы; до сих пор не утратили, на наш взгляд, свежести, непосредственности, актуальности психологически точные портретные зарисовки мелких ростовских торговцев из «Писем с пути»:

«Болячка ему в бок! Что? Нам-таки разрешают торговать, но это такое разрешение, как мертвому припарки. Все идут «у ларек», потому там дешевле. Это же бессознательный народ! Они совсем и не хотят знать, почему мы торгуем дороже».

«Я приехал за товарами, - у меня в станице мануфактурная лавка. Мне нужна бязь, так трест дает мне бязь, и еще дает шерсть, и еще дает шелк, и если я не возьму его шерсти и не возьму его паскудного шелка, так он не даст мне бязи. Ну, как это вам нравится? И я взял и имею на этом чистый убыток. Я им говорил: зачем мне ваша шерсть, возьмите ее себе, если она вам нравится, и обейте мебель в вашем американском тресте или наклейте ее на стенку. Зачем она мне, я вас спрашиваю, когда казак не носит шерстяных штанов! Зачем? И вот теперь поезд у меня в двенадцать часов, а я сижу, как дурной, стал весь нервный и ничего не могу кушать» /Собр. соч. в 9-ти тт., т. 7, с. 66/. Нельзя не отметить здесь и точной речевой характеристики, стремления передать специфический южно-русский акцент.

Романтизированные черты эпохи мы находим в очерке «№ 314527», написанном в 1922 году. Американский моряк, встреченный автором в редакции батумской газеты, собирается на родину, чтобы рассказать там правду о России и о революции. Он испытал на себе силу рабочей солидарности. Он вошел во все мелочи нашего быта. Он никак не может понять, зачем нужна свободному человеку в свободной стране прописка. «Он - пролетарий. Он никогда не подписывает своих статей. Как у пролетария у него нет имени. Под статьями он четко пишет: «... № 314527», то есть член союза индустриальных рабочих мира № 314527. И в этом - он весь!» / Там же, с. 281 /. Уже написан пророческий роман Евгения Замятина «Мы», в котором возможность счастья в мире «номеров» подвергнута сомнению, но Паустовский восхищен личностью своего героя и разделяет его оптимизм и веру в идеалы коллективизма,

В начале тридцатых годов, собирая материал для одной из лучших своих повестей «Кара-Бугаз», писатель работал над очерками и корреспонденциями для газет, журналов и телеграфных агентств. Тематика здесь традиционная для того времени: трудовые подвиги каспийских рыбаков / «Лучшая ловецкая бригада СССР» /, паровозостроителей / «1080 паровозов» /, строителей химкомбината / «Великан на Каме» /. «Новые люди» и новые производственные отношения, рационализаторство, «перековка» преступников в сознательных членов общества – все это осветил Паустовский в «Зоне голубого огня». Проблемность, публицистичность на первом плане в очерках «Колхозная академия», «Строительство социалистических городов». Ряд очерков относится к портретным, их героями были летчицы Осипенко, Гризодубова и Раскова, знаменитый полководец гражданской войны маршал Блюхер. Документальная точность, художественная образность, сочетаясь с не противоречащим реальности творческим вымыслом, помогали главному: созданию человеческих характеров, раскрытию сущности событий и явлений. Важнейшей особенностью очеркистики Паустовского становится глубокий лиризм. Вот как заканчивает он очерк, посвященный научной проблеме, выведению каучуконосных растений:

«Нас окружают неслыханные богатства. Жизнь растений берет нас в плен, как сумрачные и пышные заросли. В ней спрессован драгоценный материал. Его хватит на сотни книг и на многие часы работы. Неподвижное растение заражает нас действительностью. Скука растворяется в свежих запахах, усталость проходит от прохладного прикосновения листы, гениальная мысль заключена в прирученном гваюле. Поэтому я посвящаю этот очерк всем, кто не видит романтики нашей эпохи и оплакивает пафос недавних лет. Есть пафос борьбы и пафос упорной и талантливой работы. Есть романтика Перекопа и романтика селекции. И то и другое равноценно.» / «Погоня за растениями», там же, с. 312 /.

В качестве корреспондента ТАСС писатель с первых дней Великой Отечественной войны находится на фронте. Тема патриотизма становится главной в эти годы. Рассказывая в лирико-романтическом ключе о героизме русского народа, Паустовский, продолжая традицию Л.Н. Толстого, показывает войну как зло, как источник страданий миллионов людей. Героические характеры летчиков, моряков, партизан, тружеников тыла нарисованы в очерках «Робкое сердце», «Кружевница Настя», «Крымская весна», «Ленинградская ночь», «Томик Пушкина». Расширяют проблематику очерков, выводят ее на более высокий уровень авторские размышления об истории, о судьбах мировой культуры, о великой русской литературе:

«Вблизи города раскинулись великолепные Александрийские сады, принадлежавшие некогда графине Браницкой - дочери Екатерины Второй. В этих садах бывали Пушкин и Мицкевич» / «Белая Церковь» /.

«Крым весь оваян до последнего камня на дороге великими воспоминаниями. Здесь, в Гурзуфе, жил Пушкин. О Крыме он написал гениальные строки: «Редует облаков летучая грядя». В Крыму Лев Толстой написал свои первые рассказы о замечательном русском солдате. Защищая Крым, погибли великие «матросские адмиралы» Нахимов и Корнилов. В Крыму началось восстание на «Потемкине», в Крыму боролся лейтенант Шмидт, и Чехов писал в своем белом доме на Аутке изумительные рассказы» / «Крымская весна» /.

«Городской театр. Пушкинская улица. В июле 1941 года дом, где жил Пушкин, был разбит бомбой. Остался только небольшой кусок стены с мемориальной доской. Прислонившись к стене, лежала сломанная акация. Листья ее еще не увяли, шумели от ветра и бросали тень на мраморную доску. В этом доме был начат «Евгений Онегин» («Южная Пальмира»). Одушевленная автором / «прикоснувшись к стене» / акация, бросающая тень - скорее, как бы нежно притрагивающаяся к мраморной доске с именем великого поэта, поднимается до символа живой, вечной, нерушимой связи природы, человека, культуры.

Проблема взаимоотношений человека и окружающего мира, бережного отношения к природе возникает в послевоенный период творчества Паустовского. В те годы еще мало кого беспокоила перспектива экологической катастрофы, Паустовский был первым, кто выступил против хищнического, потребительского отношения к фауне, флоре, земле, воде, воздуху:

«Рыбные богатства никак не охраняются. Обращаются с рыбой варварски и хищнически. Ее глушат толом, травят борной кислотой, а к тому же Воскресенский комбинат спускает в Москву-реку свои ядовитые отбросные воды и переводит рыбу не только в низовьях Москвы-реки, но и в Оке и во всех общающихся с Окой озерах и старицах... По существу, величайшее это государственное преступление никого не заботит и не трогает».

«Все попытки спасти эту рощу ни к чему не привели и были встречены местными властями как проявление донкихотства. «Подумаешь, большая важность. У нас есть задачи повыше. Нашли о чем заботиться!» Как будто забота о красоте нашей земли, о целебном ее воздухе, о ее необыкновенном пейзаже, сыгравшем такую великую роль в развитии нашей культуры, - все это «плевое дело», не заслуживающее внимания солидных и весьма практически настроенных работников» / «Письма из рязанской деревни» /.

«Прекрасный ландшафт есть дело государственной важности» / «Письма из Тарусы» /.

Эти и другие многочисленные высказывания К.Г. Паустовского заложили эстетические, политические и нравственные основы для мощного экологического движения конца 80-х - начала 90-х годов. Отражение этого движения в очерках С. Залыгина, В. Пескова, В. Распутина также опирается на традиции автора «Мещерской стороны».

Высказывания К.Г. Паустовского по теоретико-литературным проблемам глубоко традиционны и совпадают с установкой русской литературы на честное и правдивое изображение реальной жизни, одухотворенной значительной идеей. Важная составляющая литературы - правда без прикрас, не зависящая от «руководящих указаний» и сложившегося «наверху» мнения, правда, которую способны понять и воспринять не только современники, но в потомки: «Если бы наши потомки стали судить о нашем поколении по книгам писателей-лакировщиков, то каким скучным и ничтожным оно показалось бы им... С тем большей резкостью мы должны начисто изгнать из нашей литературы всю мертвечину, все, что тянет в липкое болото обывательщины, всех этих раскрашенных под положительных и отрицательных героев манекенов... Нельзя допускать в нашей литературе даже в самых малых дозах фальшь и приспособленчество» /Собр. соч. в 9-ти тт., т. 8, с. 236/.

Мысли Паустовского об очерке, теоретических его проблемах, недостатках поддерживают и развивают положения статей М. Горького о его жанровой специфике, о достоверности и вымысле:

«Недостаток современного очерка и современной документальной литературы - не органический недостаток объекта, а недостаток субъекта, недостаток пишущего, страдающего или «дальтонизмом» / все кажется серым или красным /, или предвзятым пренебрежением к действительности, или, наконец, непреодолимой склонностью к халтуре... Я говорю о недостатках очерка. Каким он должен быть? Я считаю, что очерк, полный мысли и фактов, ничем не отличается от так называемой большой литературы. Мне могут возразить, что в большой литературе есть творческий вымысел, а в очерке его не должно быть. Это неверно. Вымысел в хорошем очерке останется всегда. Ничто так не вскрывает сущности вещей, как подача факта с умелым подбором деталей, освещенным некоторым блеском вымысла и пафосом эпохи» / Там же, с.276-277 /. Вся практическая деятельность Паустовского-документалиста подтверждает, что он признавал очерк одной из перспективных форм художественного познания и отражения жизни.

Писатель любых идейных устремлений, работающий в тоталитарную эпоху, в безвременье или при полном торжестве демократии поддержит мысли Константина Георгиевича Паустовского о незыблемых принципах изображения действительности - будь то «литература факта» или «литература вымысла»: «Нельзя существовать в литературе тем, кто пытается сочетать служение полуправде и полуфальши со служением своему благополучию... Жалкой бываем судьба писателя, поступившегося правдой во имя далеких от литературы соображений. Народ все видит, все понимает с полуслова и никогда не простит писателю, как бы талантлив он ни был, ни фальши, ни обмана» / Там же, с. 212 /.

ПРОЕКТ «ТРОПА ПАУСТОВСКОГО» КАК ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС, ЧЕРЕЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Глушаков В.И.,

директор музея К.Г. Паустовского (Украина, г. Одесса)

Разрабатываемый проект «Тропа Паустовского» представляет собой соединение работы педагогов, литераторов и краеведов. Все начиналось когда-то в Одессе со знакомства с произведениями К.Г.Паустовского и, конкретно, его повести «Время больших ожиданий». Каждый из нас по зову души становился участником событий в книге и участником скитаний писателя, которые можно нанести на географическую карту не только Одессы, Украины, но и Карелии, Средней Азии, Кавказа и Крыма.

Для Одессы это отдельный разговор.

1977 год ознаменовался созданием первой музейной экспозиции, посвященной К.Г. Паустовскому в Одесском государственном литературном музее. Так начинались первые путешествия по тропам писателя. Юлия Комаровских и Валентина Ковач, Зоя Квитко, Татьяна Липтуга и многие другие почитатели творчества К.Г. Паустовского направлялись в самые разные географические точки Евро-Азиатской части СССР. Это были первые уроки массового познания книг и образа жизни К.Г. Паустовского, в том числе для молодежи: воспитанников общеобразовательных школ, профтехучилищ, массового читателя – рабо-

чих и творческой интеллигенции. Из Москвы в Одессу приезжали школьники с Зоей Квитко. Тропа Паустовского привела к Черному морю, прививая глубокий познавательный смысл приобщения к ценностям через книги писателя. Любовь к Родине Большой и Малой. К природе, как главной человеческой ценности. Многие стали на Тропу Паустовского, проложив ее на географической карте, вобрав в себя дух «Мира Паустовского», перенесли его на ЮГ (Одесса – Крым – Кавказ – Турция и Болгария).

Библиотека имени К.Г. Паустовского – первое увековечивание имени писателя. Первые экскурсионные и литературоведческие проекты. Массовые выступления для многочисленных почитателей писателя – Дом офицеров, Дом ученых, литературный музей и областная филармония. Елена Куклова, Лариса Хонич, Сергей Сеславинский, Зинаида Савдеева, Инна Лейзерович, Валерий Нетребский. О Паустовском пишут писатели Александр Розенбойм и Михаил Бинов. Немаловажную роль (а может и главную) выполняют преподаватели русского языка и литературы одесских школ Людмила Кияновская, Екатерина Чечкина, Мария Соколова.

Это далеко не полная когорта одесситов, ведущих нас по «Тропе» в «Мир Паустовского». Необъятный «Мир познаний – удел знающего человека» - так говорил Константин Георгиевич.

Каждый ставший на Тропу Паустовского не может быть лживым и невежественным. Это залог чистоты для общества и личности. Отлучение современной молодежи от знаний и нравственности ведет к деградации и духовному обнищанию общества.

Популяризация наследия писателя – необходимый путь образовательного процесса. Особое место надо отвести работе преподавателей ВУЗов и школ, учитывая при этом дефицит программного времени, отведенного для изучения русского языка. Примером по изучению творчества писателя может стать Черкасский Национальный университет имени Богдана Хмельницкого. Это преподаватель русского языка и литературы КФН, доцент Инна Зиновьевна Тарасинская, сумевшая объединить студентов в изучении русского языка, используя творчество Паустовского. При университете создан «Клуб Паустовского», совершаются поездки, ведется публицистическая работа в СМИ и, что важно, в специализированных изданиях для преподавателей и студентов – журнале «Русский язык, литература, культура».

Наглядный пример плодотворной работы преподавателя – методиста одесской средней школы №121 Людмилы Павловны Кияновской. Людмила Павловна не только читает программы по произведениям А.С. Пушкина и К.Г. Паустовского, а также использует практическую сторону - популяризацию русских писателей через мемориальные музеи А.С. Пушкина и К.Г. Паустовского, организывает литературные праздники, конференции, является автором публикаций в Республиканских научно – методических изданиях и сборниках.

Такие работы интересны для учащейся, студенческой молодежи и преподавателей.

Не менее интересна работа по популяризации творчества и жизни К.Г. Паустовского проходит в Харькове. Многие годы на общественных началах работает клуб «Золотая роза», который возглавляет преподаватель и экскурсовод Надежда Акимова. Ее «Тропа Паустовского» соединила Харьков, Одессу и Москву.

Надо надеяться, что современное и будущие поколения молодежи достойно оценят чистоту и нравственность общечеловеческого наследия писателя – гуманиста Константина Георгиевича Паустовского.

«КЛУБ ПАУСТОВСКОГО» ЧЕРКАССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Тарасинская И.З.,

*доцент Черкасского национального университета
имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)*

К.Г. Паустовский как замечательный мастер слова пользуется известностью не только у себя на родине, но и во всем мире. За рубежом обучение русскому языку, как правило, проходит на материале творчества К. Г. Паустовского.

В России, начиная с учебников издания 1992 года, произведения Паустовского можно встретить на протяжении почти всего учебного процесса – от первого до одиннадцатого класса (в программе представлены сказки, очерки, новеллы).

В Украине в школьных программах не упоминается имя великого писателя. А жаль! Произведения К.Г. Паустовского обладают активным воспитательным и познавательным содержанием и оказывают формирующее воздействие на всем протяжении становления личности. Поскольку произведения К.Г. Паустовского в программах школ не представлены, мы попытались заняться изучением его творчества на занятиях кружка «Язык Паустовского».

На занятиях кружка мы пытались расширить литературное образование студентов, углубить их читательскую культуру, развить творческие возможности и эстетический вкус. В центре внимания членов кружка «Язык Паустовского» был лексико-семантический уровень – самый богатый по своим выразительным и изобразительным возможностям. На занятиях кружка мы обращали внимание на художественную емкость слова К. Г. Паустовского, изобразительно-выразительную силу деталей, мастерство композиции.

Занятия кружка помогли воссоздать многогранный облик писателя, пролить свет на особенности его социальных, нравственных и этических идеалов, подготовить студентов к пониманию его творческой индивидуальности.

«Шли годы. Сменялись поколения студентов, которые выступали с докладами, писали курсовые работы по языку Константина Георгиевича Паустовского, обсуждали все новое и интересное на заседаниях кружка, привлекали первокурсников в удивительный мир доброго писателя, романтика, мечтателя <...>. В 2001 году студенты предложили расширить тематику своих заседаний и образовать «Клуб Паустовского», в котором они смогли бы заниматься изучением и обсуждением не только языка великого писателя, но и другими проблемами. Так родились новые темы: «Паустовский и Украина», «Паустовский и Черкащина», «Паустовский и Пушкин», «Паустовский языками мира» (3, 76).

Научные поиски в «Клубе Паустовского» были связаны с различными аспектами краеведческой работы. Занимаясь в клубе, студенты Черкасского национального университета обращались к автобиографии писателя («Повесть о жизни»), анализируя те страницы повести, где Паустовский пишет о Черкащине. Большим подспорьем в их первых научных поисках была статья А. Коваленко «Паустовский и Смела». В ней А. Коваленко пишет: «О Смеле в «Повести о жизни» рассказывается дважды. Первый раз – в главе «Розовые олеандры» он описывает однодневную поездку с тетей

Надей к ее подруге Лизе Яворской в усадьбу около Смелы (1 мая 1819 года) <...> Во второй раз со Смелой у Паустовского мы встречаемся в главе «Свадебный подарок», в которой он рассказывает, как спасаясь от мобилизации в деникинскую армию, покидает Киев и поездом добирается до Одессы (конец октября 1919 года). (1; 23, 28).

Студенты, вслед за научными исследованиями А. Коваленко, отметили еще несколько посещений Паустовским города Смелы (1, 30). Только дважды Коваленко отмечает пребывание Паустовского у бабушки (Высочанской) в Черкассах: «... я помню, была поздняя пасха, в Черкассах зацвели сады» (2, 25); «... мне было тогда восемь лет (2, 19–20), когда бабушка с внуком ехала в одно из своих религиозных путешествий. Ехали из Черкасс в Ченстохов (ныне в Польше)». Опираясь на «Повесть о жизни», студенты в своих сообщениях на заседании «Клуба Паустовского» отмечали и другие данные о пребывании К.Г. Паустовского в Черкассах: «В Черкассах, на Днепре, жила другая моя бабушка – Викентия Ивановна, высокая старуха, полька <...> Мы **часто** приезжали к Викентии Ивановне» (2, 19).

Из «Повести о жизни» мы узнаем, что К. Паустовский гостил у бабушки в Черкассах **зимой** и **летом**: «Бабушка хорошо выращивала цветы. **Зимой** у нее в комнате всегда цвели фуксии. **Летом** в саду, заросшем около заборов лопухом, распускалось столько цветов, что сад казался сплошным букетом <...> Бабушкин сад и все эти цветы с необыкновенной силой действовали на мое воображение. Должно быть, в этом саду и родилось мое пристрастие к путешествиям» (2, 123 – 124). Таким образом, мы можем утверждать, что Паустовский жил не только в Пилипче-Городище, но и в Черкассах – у бабушки Викентии Ивановны.

У «Клуба Паустовского» в течение шести лет была очень насыщенная и интересная жизнь: 2002 год – участие в Международной конференции – Пилипче-Городище Белоцерковского района, 2003 год – участие в семинаре Одесского музея Паустовского, 2004 год – конференция, посвященная 205-ой годовщине со дня рождения А.С. Пушкина в Каменском «Музее Пушкина и Чайковского»; 2005 год – семинар в Московском литературном музее-центре К.Г. Паустовского, 2006 г. – «Паустовские чтения» в Черкасском национальном университете и ежегодные выступления «Клуба Паустовского» на Всеукраинской студенческой конференции ЧНУ имени Б. Хмельницкого. О членах «Клуба Паустовского» хочется сказать словами поэта Б. Чичибабина: «Я не верю, не допускаю, что постоянный читатель Паустовского, воспитанный на его книгах, смог бы унижить чье-то человеческое или национальное достоинство, обидеть слабого и незащищенного, оскорбить женщину, сломать дерево или куст, поиздеваться над животными, надругаться над святыней, сподличать ради карьеры или выгоды» (4, 3).

Литература:

1. Коваленко А. Паустовский и Смела // Мир Паустовского.– 2000. –№17. – С. 23.
2. Паустовский К.Г. Повесть о жизни. Т. 1. – М.: Современный писатель, 1993.
3. Тарасинская И.З. Черкасскому «Клубу Паустовского» 5 лет // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2006. – №5. – С. 76.
4. Чичибабин Б. Размышления. Слово о любимом писателе // Мир Паустовского. – 1972. – № 17. – С. 5.

КОНЦЕПЦИЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Касаткин В.М.,

*краевед, член союза журналистов России
и Рязанского исторического общества (г. Рязань)*

«С детских лет одна страсть завладела мной – любовь к природе. Временами она приобрела такую остроту, что пугала моих близких», – вспоминал Паустовский в «Повести о жизни».

С природой писатель был связан всю жизнь – с детства и до конца своих дней. И одной из самых главных тем творчества писателя стала взаимосвязь природы и человека. Различные аспекты этой проблемы нашли многообразное отражение в его художественной, автобиографической и очерковой прозе, в его драматургии, сказках и эпистолярном наследии.

Слияние с природой, бережное и чуткое к ней отношение, необходимость ее защиты стали для Паустовского жизненной и писательской позицией, его кредо гражданина и художника.

Романтик и лирик по своему мировосприятию, страстный природолюб и рыболлов по увлечению, неутомимый и любознательный путешественник по образу жизни, Паустовский – писатель из племени странников (А.М. Горький, А.И. Куприн, П.А. Оленин-Волгарь, М.М. Пришвин, Р.И. Фраерман) – за свою долгую жизнь побывал во многих регионах бывшего Союза. Русский Север и Северо-Запад, Карелия и Украина, Белоруссия и Кавказ, Крым и Урал, Черноморское побережье и Алтай, Средняя Азия и Сибирь...

Но постоянной привязанностью и глубокой любовью писателя была Средняя Россия и особенно ее заповедная часть – рязанская Мещера, неброская красота и лирическое обаяние пейзажей которой пленили Паустовского навсегда.

В своих произведениях он дал поистине яркие и великолепные, классические образцы описания природы различных ландшафтно-географических зон нашей страны, проявил себя блистательным мастером словесной живописи («Повесть о жизни», «Романтики», «Кара-Бугаз», «Колхида», «Черное море», «Судьба Шарля Лонсевилля», «Северная повесть», «Мещерская сторона», цикл рассказов «Летние дни», «Во глубине России», «Ильинский омут» и другие).

«Утверждение пейзажа, – отмечает Г.П. Трефилова, – становится одним из краеугольных камней эстетики Паустовского, приобретаая сознательный и программный характер... Разнообразие российских пейзажей Паустовского трудно не только исчерпать, но и классифицировать. Это тема специальная».

В отечественной беллетристике прошлого века (1920-1960 гг.) Паустовский по праву считается одним из самых выдающихся мастеров литературного пейзажа, который занимает не только большое место в его творчестве, но составляет одну из особенностей его стилистики и писательского мастерства.

Пейзаж у Паустовского значительно разнообразнее, чем чисто живописная его сторона. Это не только богатство красок, света и их оттенков, не только яркая палитра многоцветья окружающего нас мира, но и шум лесов, птичий гомон, звуки, шорохи и запахи родной земли – то подлинное «собрание чудес», которое зовется Природа.

Писатель полагал, что литературный пейзаж имеет более глубокое значение, чем фон действия или декоративный элемент повествования, что функции пейзажа значительно

шире. Пейзаж должен быть активным, своеобразным «действующим лицом» в сюжете. В статье «О новелле», написанной на основе семинаров в Литературном институте им. А.М. Горького, он специально останавливается на этой важной теме писательского мастерства.

На различные функции пейзажа и воздействие его на человека указывают многие исследователи творчества Паустовского. Л.С. Ачкасова отмечает, что в «концепции Паустовского контакт человека с природой во всех параметрах – важнейшее средство обнаружения души человеческой, сокровенных ее уголков... Закономерно поэтому, что и сюжетная функция пейзажа у Паустовского заметно повышена. Пейзаж в его произведениях, как правило, создает этическую ситуацию для героев, активно способствует нравственно-му их самопроявлению».

Влияние природного ландшафта, пейзажа на эмоциональное, эстетическое и нравственное состояние человека в произведениях Паустовского отмечают и другие авторы (С. Оливье, Д.В. Бочаров). «В творчестве писателя природа и человек неразделимы, – пишет Д.В. Бочаров. – Приобщение к природе, по Паустовскому, – необходимая потребность души... И в мещерской прозе явно прослеживается мысль о том, что эмоциональное и нравственное состояние человека находится в прямой зависимости от природы. Именно поэтому герои Паустовского, которые неразрывно связаны с окружающим их миром природы и органично «вписывающиеся» в этот мир, так светлы и чисты помыслами».

Действительно, среди любимых героев Паустовского, особенно в произведениях мещерского цикла 1930-1940-х годов, были простые русские люди: лесоводы и мелиораторы, лесники и бакенщички, охотники и рыболовы, огородные сторожа и корзинщики, пастухи и паромщики, – чья жизнь и труд тесно связаны с природой («Бакенщик», «Колхида», «Ленька с Малого озера», «Воитель», «Шиповник», «Кордон «273», «Во глубине России», «Повесть о лесах»). Подчас свои заветные мысли о природе, о ее красоте и сбережении он вкладывает в уста этих персонажей. Хотелось бы отметить у Паустовского еще один аспект – связь природы с социально-нравственной категорией под названием патриотизм. Тема патриотизма затрагивалась в довоенных рассказах «Акварельные краски» (1936) и «Австралиец со станции Пилево» (1937). Но особенно сильно и выразительно тема любви к родине и природе родной земли «прозвучала» в годы войны в небольшом по объему, но глубокому по содержанию рассказе «Бакенщик» (1943).

Однако проблема человека и природы у К.Г. Паустовского выходит за рамки чисто художественно-литературные. Писатель обладал большими познаниями в области истории, географии, ботаники, зоологии, фенологии, геологии, которые использовал в своих произведениях, особенно в художественно-научной прозе («Кара-Бугаз», «Теория капитана Гернета», «Колхида», «Черное море»). Этот сплав науки и художественной литературы характерен для творчества Паустовского.

В послевоенные годы творчества Паустовского проблема взаимосвязи человека и природы выходит на более высокий уровень. Писатель глубже осознает эту взаимосвязь не только как художник, но и как писатель-мыслитель с позиций естествознания, натурфилософии и социологии. Именно в эти годы действительность интересует Паустовского как художника не с точки зрения преобразования природы и в единоростве с ней человека, но с точки зрения преобразования природы самого человека.

Если в первой половине 1930-х годов Паустовский в повестях «Кара-Бугаз» и «Колхида» отражает пафос преобразования природы в духе времени, то с конца 1930-х и вплоть до конца 1960-х Паустовский предупреждает о необходимости разумного, рачительного

подхода к ее преобразованию и использованию природы в хозяйственных нуждах. Зазвучал его голос гражданина, художника, патриота о необходимости охраны природы и нашего национального достояния – природного ландшафта, сохранения природной среды обитания человека и рационального использования природных ресурсов. («Золотое время», «Повесть о лесах»).

Он откликается на многие полезные инициативы, направленные на разумное отношение к природе, приветствует планы создания лесозащитных полос, осуществления ирригационных проектов, осуждает факты хозяйственного вандализма, защищает будущее небольших городов и селений... Эти мысли писателя очень созвучны современной науке экологии, которая возникла в середине XIX века как раздел биологии, изучающий взаимодействие (взаимосвязи) между живыми организмами и окружающей внешней средой.

Познавание и понимание природы у Паустовского шло непрерывно на протяжении всей его долгой жизни. От страстной детской влюбленности в природу, от созерцания ее красоты он приходит к пониманию активного воздействия природы на различные стороны человеческой жизни, что нашло отражение в его художественном творчестве, а затем и к философскому осознанию природы как естественной первоосновы, среды, без которой невозможно само существование человека: «...в этом моем ощущении природы, – писал он в «Повести о жизни», – было нечто большее, чем удивление перед ее совершенством, что это ощущение природы было не бесцельное любование, а сознание среды, без которой человеку нельзя работать в полную меру сил. Люди обычно уходят в природу, как в отдых. Я же думал, что жизнь в природе должна быть постоянным состоянием человека».

В публицистических статьях «За красоту родной земли» и «Письмо из Тарусы» (1955) писатель пишет о сохранении красоты русского ландшафта как о деле большой государственной важности. Потому что природа, ландшафт обладают огромным влиянием на моральное, эстетическое, душевное состояние человека, создают жизнеутверждающее состояние, без которого немислима полноценная жизнь человека.

Природа наложила глубокий отпечаток на формирование характера нашего народа. С природой тесно связана великая литература, живопись, музыка и культура России – таковы глубокие мысли писателя. Паустовский в неразрывном единстве рассматривает проблему охраны природы с рациональным природопользованием и рачительным хозяйствованием, чтобы деятельность человеческого общества не наносила вреда окружающей среде, как основе самой жизни человека. Наиболее полно эти мысли писатель выразил в цикле публицистических статей «Письма из рязанской деревни», опубликованном в газете «Социалистическое земледелие» (1950): «...недалеко то время, когда мы будем охранять природу с такой же тщательностью, с какой работаем сейчас над повышением производительных сил нашей земли», – такова натурфилософская позиция Паустовского.

В своей главной книге «Повесть о жизни» как напутствие современникам и завещание потомкам Паустовский написал: «...родная земля — самое великолепное, что дано нам для жизни. Ее мы должны возделывать, беречь и охранять всеми силами своего существа».

И еще одно завещание писателя-мыслителя. За месяц до своей кончины он надиктовал мысли о природе своей жене Т.А. Паустовской: «Природа любит, требует равновесия и тишины, она, по существу, так же ласкова, как и любой хороший человек. Будем же жить с ней в мире, чтобы целиком услышать ее задумчивый голос и узнать радость ее тишины».

Литература:

1. Паустовский К.Г. Собр. сочинений в 9 томах. – М.: Художественная литература, 1982-1984. – тт. 3,4,5,6,7,8
2. Ачкасова Л.С. Человек как нравственная ценность в эстетике К.Г. Паустовского. – Издат. Крымский ун-та, 1977.
3. Бочаров Д.В. Образ автора в мещерской прозе К.Г. Паустовского // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань, 1992.
4. Паустовская Т.А. Незавершенные рукописи К.Г. Паустовского // Литературная Россия. – 1968. – 20 сентября (№3 8)
5. Трефилова Г.П. К.Г. Паустовский: Мастер прозы. – М.: Художественная литература, 1983.

КРУГ ЧТЕНИЯ К. Г. ПАУСТОВСКОГО В ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

Давыдова М.И.,

*доктор педагогических наук,
профессор Московского государственного
университета культуры и искусства (г. Москва)*

Чтение художественной литературы занимало в духовной жизни Паустовского огромное место. Произведения художественной литературы служили для него средством познания действительности, щедро восполняя его жизненный опыт – знакомя с далекими странами, с событиями прошлого, давая возможность, следуя за героями книг, пережить то, что не довелось пережить в действительности. О подобном себе читателе Паустовский писал в «Повести о жизни»: «Он мог вместе с Миклухо-Маклаем жить в тропических лесах Новой Гвинеи и скакать с Пушкиным в Эрзрум. Он мог заседать в Конвенте и прорубать первые дороги в лесах Флориды, Он мог сидеть в долговой тюрьме с отцом крошки Доррит и сопровождать в Англию прах Байрона... Я хотел бы увидеть скептика, который не согласился бы с тем, что этот второй мир обогащает человека и отзывается на его мыслях и поступках в жизни». В трудное для себя время он искал поддержки в книгах, перечитывая любимых авторов.

Эта погруженность в мир художественных образов берет начало в детские годы. Книга Р. Распе о похождениях Мюнхгаузена, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Принц и нищий» М. Твена – привычный и для подростков первой половины XX века набор книг – приносит он своей сверстнице юной гимнастке, дочери бедного шарманщика. Паустовский в детстве порою знакомится с литературными произведениями через театр – так, с пьесой Э. Ростана «Принцесса Греза» он познакомился благодаря спектаклю в драматическом театре в Киеве. Впечатления от поездки на Кавказ связываются у него со стихами и прозой Лермонтова и благодаря этому и Кавказ воспринимается им ярче и произведения Лермонтова в его сознании обретают конкретность. Позже он вновь обратился к Лермонтову, увидев картину Врубеля «Демон». «Созерцание таких картин... вызывает из глубины сознания такие мысли, о каких человек раньше и не подозревал» – пишет он в «Повести о жизни». Лермонтов «застенчиво признался: «Из-за куста мне ландыш серебристый приветливо ки-

вает головой». И кто знает, может быть, острый и режущий воздух горных вершин, забрызганных кровью демона, наполнен очень слабым, очень отдаленным запахом этого приветливого лесного цветка. А он, Лермонтов, как и этот поверженный демон, – просто ребенок, не получивший от жизни того, к чему страстно стремился: свободы, справедливости и любви».

Временем разностороннего познания отечественной и зарубежной литературы стали для Паустовского годы учебы в гимназии. В «Повести о жизни» он говорит, что увлечение чтением было характерно для всех его сверстников-гимназистов. Сначала предметом увлечения была западноевропейская литература, которая привлекала «изяществом, спокойствием и совершенством рисунка». «Дешевые желтенькие книжки «Универсальной библиотеки» ...наводнили тогда книжные магазины. За двадцать копеек можно было прочесть «Монт Ориоль», «Евгению Гранде», «Дикую утку» и «Пармский монастырь». Мы читали все это запоем».

Такой была «массовая литература» во времена юности Паустовского. Конечно, она требовала больше умственных усилий, чем современные «дамские» и детективные романы.

Увлечение французской поэзией – Верхарном, Леконтом де Лилем и Теофилом Готье – побудило гимназистов совершенствоваться в знании французского языка. «Мы читали их в подлинниках и в переводах. Легкий, временами почти неуловимый, как отдаленный запах, а временами твердый, как металл, французский язык звучал у этих поэтов колдовством. ... Но очень скоро я понял, что это – холодный блеск, тогда как рядом сверкают россыпи живой и чистой поэзии русской».

Огромную роль в осознании значения и величия русской литературы сыграло преподавание истории литературы в гимназии – во-первых, обширная, судя по «Повести о жизни», программа и во-вторых, преподаватель литературы Селиханович. «Он «промыл» перед нами русскую литературу, как опытные мастера-реставраторы промывают картины. Он снял с нее пыль и грязь неправильных и мелких оценок, равнодушия, казенных слов и скучной зубрежки. И она заиграла перед нами таким великолепием красок, глубиной мысли и такой великой правдой, что многие из нас, уже взрослые юноши, были поражены. Он открыл нам эпоху Возрождения и европейскую философию XIX века, сказки Андерсена и поэзию «Слова о полку Игореве» ...Мы пристально проследили жизнь тех людей, кому были обязаны познанием своей страны и мира и чувством прекрасного, – жизнь Пушкина, Лермонтова, Толстого, Герцена, Рылеева, Чехова, Диккенса, Бальзака и еще многих лучших людей человечества. Это наполняло нас гордостью, сознанием силы человеческого духа и искусства».

Оказавшись в гимназические годы, уже повзрослевшим, вдали от семьи, Паустовский много читал: книги помогали ему преодолевать одиночество и восприятие стало глубже. «Я увлекся в то время «Отверженными» Гюго. Пожалуй, больше, чем самое содержание романа, я любил бурные вылазки старика Гюго в историю... Я был в начале жизненного пути, но мне казалось, что я уже знаю этот путь целиком. Я вычитал у Фета стихи. Они, по моему, подходило к тому, что ожидало меня: Из царства вьюг, из царства льда и снега \ Как свеж и чист твой вылетает май».

Уже в детские и юношеские годы начинается формирование личности Паустовского – писателя. Он осознал органичность своей связи с миром литературы, которая сопровождала его всю жизнь – сначала как читателя, для которого изображаемая в книгах действи-

тельность становится второй реальностью, а потом как писателя, который создает для себя и других эту вторую реальность. Судя по «Повести о жизни» такой же «второй реальностью» литература была и для его товарищей-гимназистов.

Именно в детские и ученические годы закладывается культура, миропонимание человека – та почва, на которой впоследствии вырастает жизненная позиция, деяния взрослой жизни. И наиболее успешно способствует этому художественная литература, воздействующая на ум и чувства читателя, пробуждающая активное отношение к жизни. Об этом убедительно свидетельствует жизнь увлеченного и вдумчивого читателя, а затем замечательного писателя К. Г. Паустовского.

«КНИГА ЖИВЕТ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ЕСЛИ В КНИГУ ВЛОЖЕНА ЖИЗНЬ»

Сурова В.В.,

директор Рязанской областной юношеской библиотеки им. К.Г. Паустовского (г. Рязань)

Слова, вынесенные в название этого доклада, в свое время были произнесены Мариэттой Шагинян в связи с празднованием 75-летия К.Г. Паустовского. Как точно они передают суть творчества этого уникального писателя. Книги, ставшие жизнью, и жизнь, вложенная в книги. Именно поэтому произведения Паустовского не устаревают, продолжают радовать и удивлять все новые поколения читателей.

Мещерский край и Солотча стали второй родиной для Константина Георгиевича. Именно здесь он прожил большой отрезок жизни, написал значительную часть своих произведений. Сборник произведений «Мещерская сторона» знают во всем читающем мире. Вслед за С.А. Есениным, но уже в прозаической форме, Паустовский показал читателям красоту Рязанского края, рассказал о его людях.

Все произведения Константина Георгиевича написаны великолепным литературным языком, пронизаны огромной любовью к России, к ее природе и людям. Как считают почитатели таланта писателя, «творчество К.Г. Паустовского как лесной родник с кристально чистой водой, которую один раз попробовав, захочешь испить вновь». Именно такой чистой, написанной прекрасным словом литературы сегодня не хватает нашему обществу, особенно подрастающему поколению.

Работа по популяризации творческого наследия К.Г. Паустовского ведется в Рязанской областной юношеской библиотеке с 1998 года. Это:

- организация и проведение конкурсов литературно-художественного творчества с целью развития творческих способностей подрастающего поколения;
- клубная деятельность;
- выставочная работа;
- организация и проведение мероприятий, акций.

Начиналась эта деятельность с небольших форм – бесед, обсуждений произведений, литературно-музыкальных композиций. Нам, рязанцам, очень повезло, что Константин Георгиевич жил и творил на Рязанской земле, прославил ее в своих произведениях. И как замечательно, что находятся энтузиасты, которые изучают творчество писателя, раскрывают перед нами малоизвестные страницы его жизни. Именно такой энтузиаст и популя-

ризатор, журналист и краевед Владимир Михайлович Касаткин провел в 1998 году презентацию своей первой книги «Дом с мезонином в Солотче». Эта первая встреча с читателями и библиотекарями вылилась в многолетнюю дружбу.

Организация и проведение конкурсов. К 2001 году образовалось сообщество единомышленников – популяризаторов жизни и творчества Паустовского, в которое вошли краеведы и журналисты Владимир Михайлович Касаткин и Виктор Михайлович Афанасьев, писательница и главный редактор литературно-художественного журнала для молодежи «Утро» Ирина Константиновна Красногорская, сотрудники библиотеки и представители творческой интеллигенции города. И.К. Красногорская выступила с инициативой проведения юношеского литературного конкурса, посвященного Паустовскому. Первоначально этот конкурс был небольшим: в нем приняли участие подростки из Рязани и Рязанского района. Была выработана интересная форма проведения конкурса: в два этапа – заочный и очный. Сначала юные авторы присылали свои работы в библиотеку, жюри их просматривало и выбирало лучшие. Второй этап и подведение итогов конкурса проходили в поселке Солотча, в Доме-музее И.П. Пожалостина, где жил и работал Паустовский. Участники второго этапа, который получил название «Экспромт», в течение 2 часов должны были написать работу на заданную тему. Пока жюри оценивало работы и утверждало победителей, конкурсанты совершали пешеходную экскурсию по «Тропе Паустовского».

В 2002 году Рязанская областная юношеская библиотека провела под девизом «Тропой Паустовского» свой традиционный областной юношеский конкурс литературно-художественного творчества «Путешествие в историю книги». Он показал огромный творческий интерес к теме природы у юношеской аудитории.

В конкурсе приняли участие уже 230 конкурсантов из Рязани и 18 районов Рязанской области. Среди них:

- 63% - подростки от 11 до 14 лет;
- 37 % - юношество от 15 до 24 лет;
- 2 участника в возрасте 25 лет.

Всего на конкурс было заявлено 366 работ. В литературной номинации были представлены прозаические и поэтические произведения юных авторов, сценарии, размышления, эссе, зарисовки, отзывы о книгах Паустовского, и даже рукописные книги, посвященные писателю. В художественной номинации представили свои работы юные художники, графики, фотографы, мастера декоративно-прикладного искусства.

С этого времени уже в течение семи лет существует областной юношеский экологический конкурс литературного творчества «Тропой Паустовского», который проводится с февраля по конец мая – к дню рождения К.П. Паустовского и в рамках Общероссийских Дней защиты от экологической опасности в Рязанской области. Основной темой для конкурса и сегодня остается тема «Я и природа» Конкурс стал для многих детей стартовой площадкой в литературное творчество, объединил пишущую молодежь и юношество Рязани и Рязанской области. Лучшие произведения опубликованы на страницах литературно-художественного журнала для молодежи «Утро», в котором открыта для них специальная рубрика. Появились у конкурса и свои традиции: концертная программа в день подведения итогов и награждения победителей в поселке Солотча с участием экологического театра средней общеобразовательной школы № 41 г. Рязани, известных рязанских писателей и поэтов, уча-

щихся музыкальной школы села Агропустынь Рязанского района, чаепитие в беседке Паустовского, и самое главное – экскурсия по «Тропе Паустовского», которую проводит В.М. Касаткин.

В 2003 году Рязанская областная юношеская библиотека была удостоена чести носить имя великого русского художника слова К.Г. Паустовского. Многие годы общественность города ходатайствовала о присвоении библиотеке этого имени.

Знаменательным в этой череде событий стал и 2004 год. Подведение итогов конкурса «Тропой Паустовского» стало двойным праздником: была открыта именная доска К.Г. Паустовского на фасаде библиотеки. На торжественную церемонию награждения победителей в Рязанскую областную юношескую библиотеку прибыли гости из г. Москвы – из литературного музея-центра К.Г. Паустовского во главе с директором И.И. Комаровым. Сотрудники музея-центра подарили дипломантам книги К.Г. Паустовского и вышедший накануне номер журнала «Мир Паустовского».

Хотелось бы отметить, что с 2001 по 2005 годы конкурс «Тропой Паустовского» поддерживался помимо управления культуры и массовых коммуникаций Рязанской области Оргкомитетом по проведению Общероссийских Дней защиты от экологической опасности в Рязанской области.

В мае 2007 года были подведены итоги 7-го областного юношеского экологического конкурса литературного творчества «Тропой Паустовского». Впервые жюри ввело номинацию «Лучшее описание природы».

Главным событием конкурса стала поездка финалистов на подведение итогов в г. Москву в литературный музей-центр К.Г. Паустовского. Конкурсанты совершили прогулку по парку «Кузьминки», где располагается музей-центр, прошли с экскурсией по экспозиции музея, встретились с научными сотрудниками музея-центра и смогли задать им свои вопросы о жизни и творчестве К.Г. Паустовского. Затем в зале «Мещерская сторона» состоялась церемония награждения победителей конкурса. Ребятам были вручены дипломы и ценные подарки от организаторов конкурса, а также подарки от музея-центра – книги К.Г. Паустовского и памятные сувениры.

Клубная деятельность. В 2002 году в библиотеке был создан клуб друзей творчества К.Г. Паустовского «Золотая роза», объединивший популяризаторов творчества Паустовского и любителей его прозы. Руководителем клуба стал В.М. Касаткин. На своих заседаниях члены клуба – исследователи и почитатели творчества Паустовского – делятся мнениями о прошедших конференциях, посвященных К.Г. Паустовскому, обсуждают новый материал о писателе, очередной номер журнала «Мир Паустовского», в котором печатаются также и статьи членов клуба. На заседаниях В.М. Касаткин знакомит слушателей – учащихся и студентов образовательных учреждений – с интересными, малоизвестными страницами жизни К.Г. Паустовского, с историями жизни прототипов героев произведений писателя, показывает редкие фотографии и издания.

В 2002 году газета «Рязанские ведомости» поместила на своих страницах областную викторину о жизни и творчестве Паустовского, составленную В.М. Касаткиным к юбилею писателя. Показательно, что второе место в этой викторине заняли учащиеся 8 класса средней общеобразовательной школы № 8 г. Рязани, являющиеся членами клуба.

Летом 2004 года вышла новая книга В.М. Касаткина «Вторая родина Паустовского», которая пополнила тематику заседаний клуба «Золотая Роза». В.М. Касаткин и В.М. Афанасьев передали книги, журналы, копии фотографий о жизни и деятельности Паустовско-

го в фонд библиотеки, чтобы в перспективе была открыта мемориальная комната писателя. Для стендов, посвященных К.Г. Паустовскому, В.М. Касаткин составил хронологию жизни писателя, подготовил материалы о пребывании Константина Георгиевича в Мещерском крае и предоставил уникальные фотографии. Рязанскими художниками были написаны и переданы в дар библиотеке картины, посвященные Паустовскому. С 2006 года в библиотеке открыт зал-фойе К.Г. Паустовского, где для учащихся города проводятся экскурсии на тему «Мещера – вторая родина К.Г. Паустовского».

В период 2003-2005 годов при библиотеке работал еще один клуб, связанный с именем писателя, – эколого-туристический клуб «Кордон – 273». Каждое заседание клуба в начале нового учебного года открывалось чтением рассказа Константина Георгиевича «Кордон-273», как и каждый летний туристический сезон начинался с похода на место действия этого рассказа. Возглавлял клуб журналист, фотограф, «турист со стажем» В.В. Мамонтов, уже много лет работающий с подростками. Ребята учились не только правильно вести себя на природе, готовились к летнему походу, но и смотрели слайд-фильмы о природных красотах России, читали свои собственные произведения. Из каждого похода руководитель клуба привозил много новых фотоматериалов, из которых складывалась экспозиция новой выставки В.В. Мамонтова – своеобразный отчет о походе.

Выставочная работа. Деятельность библиотеки по экологическому и эстетическому воспитанию подрастающего поколения и работа по популяризации творческого наследия К.Г. Паустовского органично слились в оформлении художественных выставок «Галереи-клуба» библиотеки. Стало традицией ежегодно проводить выставки работ художников, фотомастеров, посвященные Рязанскому краю, Мещере, и, в частности, местам, где жил и творил писатель. Работы представляют как известные фотохудожники К. Тищенко, В. Мамонтов, А. Швед, так и начинающие художники А. Логинова, О. Гигалаева, Р. Климюк.

Организация и проведение мероприятий, акций. В юбилейном 2007 году дню рождения К.Г. Паустовского была посвящена Неделя «Книга и молодежь», которая ежегодно проводится Рязанской областной юношеской библиотекой в рамках Международного дня книги и авторского права и Международного дня солидарности молодежи.

Торжественное открытие Недели «Книга и молодежь» прошло традиционно в Рязанском областном театре для детей и молодежи. На праздник были приглашены лучшие читатели, учащиеся образовательных учреждений региона, с которыми много лет сотрудничает библиотека, ветераны Великой Отечественной войны, краеведы, писатели. На открытии Недели выступал журналист, писатель, популяризатор творчества писателя, основатель клуба любителей творчества К.Г. Паустовского «Золотая роза» В.М. Касаткин. Он рассказал о пребывании Константина Георгиевича в Мещерском крае, о произведениях, посвященных рязанскому краю.

Тема пребывания Паустовского в Солотче была продолжена на встречах с В.М. Касаткиным «Паустовский и Рязанский край» и «Гайдар в Солотче», которые прошли в библиотеке для учащихся профессионального лицея № 4 и профессионального училища № 9 г. Рязани. Участники встречи окунулись в атмосферу 1930-1940-х годов, узнали много интересных и малоизвестных фактов из жизни К.Г. Паустовского, увидели фотографии из архива краеведа.

Произведения Паустовского – образец высокого литературного слова, несущий патристический, нравственный посыл читателю. На фоне современной литературы его творчество действительно «экологически чистый продукт». И вот появилась идея: объединить

произведения о рязанском крае – прозу К.Г. Паустовского из цикла «Мещерская сторона» и поэтические иллюстрации из стихотворений С.А. Есенина – с русскими народными мелодиями и произведениями советских композиторов, посвященных Есенину в одну литературно-музыкальную композицию под названием «Экологически чистое искусство». Литературная часть мероприятия была подготовлена специалистами библиотеки, музыкальное сопровождение обеспечили учащиеся и преподаватели детской школы искусств № 1 г. Рязани. Аудиторию составили учащиеся профессионального лицея № 4 г. Рязани и читатели библиотеки. Мероприятие получилось в лирическом ключе: тончайшие описания природы Мещеры Паустовского плавно перетекали в мягкие пейзажные зарисовки Есенина с музыкальными паузами из знакомых мелодий, что очень сильно воздействовало на слушателей.

Большой популярностью пользовались экскурсии – литературные путешествия по залу К.Г. Паустовского Рязанской областной юношеской библиотеки. Экскурсии совершили учащиеся средней общеобразовательной школы № 8 и интерната № 1 г. Рязани. Помимо рассказа о жизни и творчестве Паустовского в Мещере, юных читателей ждало обсуждение известных рассказов писателя.

Завершил работу Недели «Книга и молодежь» экологический «Пресс-экспресс» по страницам популярных изданий: «Свет», «Лазурь», «Чудеса и приключения» и др. Старшеклассникам были представлены самые интересные материалы из этих изданий, посвященные вопросам экологии. Рассказы о необычных природных явлениях, уникальных природных заповедниках, проблемах городской экологии и изменения климата заставили школьников задуматься о сохранении экосистемы Земли и возможности выживания человека на ней.

Трудно назвать какую-либо часть нашей деятельности, которая каким-то образом не соприкасалась бы с темами, затронутыми К.Г. Паустовским в его произведениях. Он всегда современен и своевременен. Проводим ли мы мероприятия по русскому языку, по патристическому воспитанию или краеведению, мы не можем обойтись без высказываний писателя, его произведений, его творческого наследия. Литературный мир Паустовского обширен, и мы еще только начали плавание по этому безбрежному океану. Пусть нам в паруса дует ветер надежды, веры в будущее и любви к Родине.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ К. ПАУСТОВСКОГО И М. ПРИШВИНА

Соколова Р.А.,

*доцент Рязанского государственного университета
имени С.А. Есенина (г. Рязань)*

Творчество К. Паустовского и М. Пришвина – это художественная философия, раскрывающая проблему «человек и природа». Современные исследователи отмечают заслуги писателей в жизни нашего общества в том, что они стали соиздателями нового мышления, основанного на идее целостности мира, гармонии человека и природы. Однако долгое время их творчество рассматривали как «особую» сферу, лежащую в стороне от главного русла литературы.

В 1920-е гг. критики отчитывали писателей «за бегство» от современности: одного – в «романтику облаков», другого – в «берендеево болото». Паустовский «не может либо не хочет перебороть абстрактно-гуманистические взгляды», его книги «мало пригодны как острое оружие в борьбе за наше великое дело» [1. С. 132]. «Путь Пришвина вызывает сомнения – Берендеево царство, бегство от людей – все это уводит от современных идеалов и объясняется неумением или нежеланием служить задачам классовой борьбы» [2. С. 220].

В 1930-е гг. писатели были вынуждены выбирать для себя рамки официальной или неофициальной литературы. Они заняли позицию «присутствия на границе» между текстами-масками и книгами, в которых оставались верными своим идеалам. Тексты-маски – это очерки, статьи, повести, связанные с созданием субъекта речи, представляющего идеологию советского человека. Такие тексты Пришвин называл «личинами для дураков», это – «Ленин на охоте», «Страна света». У Паустовского – «Мясные машины», «Колхозники в Америке». Писателей включили в советскую литературу, но все же упрекнули их в «многоликости», истолковывая ее как беспринципность. Настороженное отношение к авторам подчеркивается тем, что их произведения часто публиковали нелитературные журналы: «Юный натуралист», «Охотничьи просторы»; издавала провинция: Вологда, Калуга, Ярославль. Эту ситуацию «культурного промежутка» осознавал Пришвин и отстаивал ее как свой путь в литературе: «Стоять для всей видимости на советской позиции и в то же время не расходиться с собой и не заключать компромиссы с мерзавцами». Паустовский оказался в опасной ситуации, когда поддержал книгу С. Гехта о безвинно оклеветанном человеке. У Гехта на допросе в НКГБ спросили о деятельности писателя: «На литературных чтениях у Паустовского проводилась антисоветская работа?» – «Я читал главы из романа с клеветой на действительность... У Паустовского – резкие переходы от похвал к ругани... Он вообще безмерно фантазирует. Например... что три года назад (1941) встретил на свободе писателя Бабеля».

В 1940-50-е гг. утвердилось новая концепция творчества писателей: от заблуждений к методу соцреализма, а тема природы стала интерпретироваться как черта своеобразия. Писатели получили возможность развивать главные идеи своего творчества на нескольких уровнях. 1. Философская проза: Паустовский – «Золотая роза», «Повесть о жизни»; Пришвин – «Жень-шень», «Повесть нашего времени». 2. Природоведческая проза, связанная с темами природы и путешествий: Паустовский – «Мещерская сторона», «Повесть о лесах»; Пришвин – «Неодетая весна», «Глаза земли». 3. Детская литература: Паустовский – «Теплый хлеб»; Пришвин «Лисичкин хлеб», «Кладовая солнца». В этих книгах, по

словам Паустовского, говорить о «жизни как живой, еще не до конца рассказанной сказке». Отчетливо выразил эту позицию художников жанр детского рассказа, который они считали высшим достижением искусства. Герои их книг – духовные дети, которые чувствуют красоту, радость и бессмертие жизни. Это сложнейшая работа души, но она легко доступна ребенку. Через понятие детства писатели раскрыли закон существования творческой личности: каждый взрослый, чтобы стать художником, должен сохранить в себе духовного ребенка, тогда в будничной жизни он сможет открывать необыкновенное. За произведения для детей писатели были удостоены награды – ордена «Знак Почета». Исследователи считают, что эта награда мала за столь серьезный труд, что им предоставили «маргинальное» положение в литературе, превратив в детских писателей. Но авторам она помогла укрепиться в советской литературе и отстаивать художественную философию гармонии мира в условиях, когда человека призывали покорять природу. Их роль – защитников лесов, болот – была не уходом от действительности – это была сознательная позиция писателей, пытающихся сохранить то, на чем держится жизнь. Пришвин утверждал: «Моя литература есть вызов художника – пусть грачи, но я художник». Паустовский доказывал свое право на «леса эстетического значения». Независимость писателей в советской литературе осознавалась современниками. Н. Берковский: «Когда еще был жив М. Пришвин, прозаики посылали ему свою прозу и поджидали, что он скажет, ибо тайное мнение было такое: один Пришвин – «настоящий» [3. С. 514]. Л. Левицкий о Паустовском: «В сознании его современников он... был безупречным нравственным авторитетом. К его тихому голосу прислушивались на всем просторе нашей обширной страны» [4. С. 292].

В 1980-90-е гг. литературоведение отказалось от идеологических подходов к творчеству писателей, заново осмысляя их книги в контексте экологического реализма и определяя концепцию их прозы: единство истории человечества и истории природы, при котором не возможны ни борьба, ни подчинение, а только сотворчество. Эти идеи стали завершающим выводом из их поэтической картины мира как целостности, где человек и мироздание – в гармонии. Эти идеи определили духовную близость писателей. Паустовский: «Великая любовь Пришвина к природе родилась из его любви к человеку». Пришвин: «Не будь я Пришвиным, я хотел бы писать в наше время, как Паустовский».

Имена писателей существуют в русской литературе на протяжении почти всего XX века. Но для современного серьезного читателя они существуют с репутацией неизданных классиков. В сознании массового читателя они по-прежнему остаются «певцами природы». Их до сих пор изучают только в начальной школе и в 5-м кл. средней школы, остается сожалеть, что современные школьные программы исходят из представления о писателях полувековой давности, не учитывают реальной сложности их художественной философии.

Литература:

- 1. Берегов Н. Повесть о жизни // На берегах Великой. – 1956. – № 7.*
- 2. Ефремин А. Михаил Пришвин // Красная новь. – 1930. – № 9 – 10.*
- 3. Цит. по: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. – Т. 2. – М., 2000.*
- 4. Левицкий Л. Голос Паустовского // Вопросы литературы. – 2004. – № 2.*

**ОБРАЗ-СИМВОЛ В ОСМЫСЛЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ
И.А. БУНИНЫМ И К.Г. ПАУСТОВСКИМ**

Курбатова Ю.В.,

аспирант Белгородского государственного университета (г. Белгород)

К.Г. Паустовский признавался, что на его творческое сознание оказали огромное влияние книги А.П. Чехова, А. Грина, Л. Толстого. Но среди всех писателей особое место занимал Ив. Бунин, к которому он «испытывал не только любовь, но и особое чувство душевной близости» (4, 7). В одном из своих дневников 1916 – начала 1917 годов К.Г. Паустовский сделал такую запись: «Байрон, Бунин, Моцарт, Уайльд – плеяда», отмечая тем самым особую принадлежность автора «Деревни» к мировой культуре. На наш взгляд, Бунина и Паустовского сближает мироощущение, мировосприятие и отношение к революционным событиям в России в начале XX века.

В отличие от «Повести о жизни» К.Г. Паустовского, где последовательно и детально описываются события двух русских революций и Первой мировой войны, в «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина нет развернутой картины этих крупных исторических событий XX века. В своем романе Бунин ограничивается лишь отдельными замечаниями, риторическими восклицаниями и вопросами или небольшими лирическими отступлениями, в которых, тем не менее, явственно проступает оценка общественно-политической жизни России: «И почему вообще случилось то, что случилось с Россией, погибшей на наших глазах в такой волшебной краткий срок?» (1, VI, 41). С первых же дней революционных событий Бунин не скрывал своей гражданской позиции. Он видел в торжестве большевиков гибель России. Это трагическое, в оценке писателя, событие он переживал как личную драму, как конец светлого, чистого и горячо любимого этапа своей жизни: «России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец» (1, V, 67). Паустовский не мог открыто высказывать свое мнение, поскольку тогда он поставил бы под угрозу свою жизнь, а его произведения, скорее всего, не были бы напечатаны. Тем не менее, в книге «Начало неведомого века» (третьей части «Повести о жизни») все же можно проследить его несогласие с общепринятой в Советском государстве точкой зрения на Октябрьскую революцию. К этому событию двадцатипятилетний Константин Паустовский отнесся неоднозначно: «Многое я принимал, иное отвергал, особенно все, что казалось мне пренебрежением к прошлой культуре» (5, IV, 518). Еще более интересным является сопоставление дневниковых записей Паустовского того периода и «Окаянных дней» Бунина. Большинство записей Паустовского велись «телеграфным» стилем и были опубликованы лишь недавно, а Нобелевский лауреат всегда оформлял свои мысли традиционным художественным слогом и некоторые из его записных книжек были изданы еще при жизни их автора. Несмотря на такую разницу в стиле письма и судьбе дневников, а также на тот факт, что в 1917 году Бунину исполнилось 47 лет, а Паустовскому 25, чувства и мысли писателей были порой тождественны. Например, описание Москвы 1917 года в «Окаянных днях»: «Всем существом понял, что такое вступление скота и зверя победителя в город <...> Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясающе скотски и мерзки. День темный, грязный. Москва мерзка как никогда» (2, 48). У Паустовского в дневниках находим: «Дикая, монгольская, бесстыдная Россия. Позор. Пакгаузы, серая, дождливая Москва <...> Трамваи – люди хуже скотов. <...> Нужно уметь ловко вгрызаться в горло друг другу» (6, 603). Оба писате-

ля отметили те изменения в облике столицы России, которые вынудили обоих уехать на юг, в Одессу. Обращает на себя внимание тот факт, что у Паустовского в «Повести о жизни» и в статье «Искусство и революция» (1917) возникает образ-символ, который, по справедливому замечанию профессора М. Михайловой, «необычайно точно и лаконично рисует атмосферу Москвы 1917 года» (3, 19). Речь идет о подсолнечной шелухе. Впервые этот символический образ возникает в творчестве Паустовского в 1917 году в статье «Искусство и революция». Автору сказали, что духовная культура умерла и как пример привели солдата, который стоит около Царь-пушки, «лузгает подсолнухи и норовит плюнуть в самое жерло» (5, VIII, 263). Здесь же Паустовский отвечает, что искусство не умерло, а лишь замерло в ожидании, когда созреют «зерна гнева, радости и спокойного созерцания» и «когда оно снова овеет нас своей вековечной мудростью, своими образами, выплавленными на революционном огне» (там же, 264). Но в 1963 году в неопубликованной рукописи книги «На медленном огне» Паустовский, оценивая состояние культуры в Советской стране, в частности литературы, писал: «Ей не дали расцвести. Ее обескровили. А между тем она обещала стать одним из прекраснейших явлений нового мира. Литература, способная быть величайшей опорой нового строя, стимулом к созданию нового человека и нового человеческого общества, литература свободная, мощная, радующая человеческий дух и полная зримой красоты мира, была скомкана, уничтожена в угоду мелкому, невежественному, что вцепилось мертвой хваткой в молодую жизнь и потащило ее в пропасть бед и невежества» (7, 13). Образ подсолнечной шелухи возникает в «Повести о жизни» там, где речь идет о пустых словах, где возникают бесчинства, порожденные революцией, которая будит в людях низменные, звериные качества. В главе «Я был, конечно, мальчишкой» (из повести «Далекие годы», впервые опубликованной в 1945 году) описывается эпизод, в котором в ходе волнений, вызванных событиями 17 октября 1905 года, были устроены еврейские погромы. К дому, где жила семья Паустовских, подошел «низенький парень в черном картузе <...> Весь подбородок был облеплен шелухой от семечек» (5, IV, 120). Именно этот парень, возглавляющий «толпу вороватого вида» людей с пустым мешком для ожидаемой наживы, является инициатором грабежа. Его речь отличается косноязычной смесью украинского и русского, несуразными оборотами: «иерусалимские полковники». Следующий раз образ шелухи от семечек возникает летом 1917 года в Москве. Ветер гонял по мостовым рваные газеты, в изобилии появившиеся в то время в столице: «Эти шумные и большей частью безграмотные листки жили всего один-два дня» (там же, 519). И рядом с газетами-однодневками «ветер вертел серые смерчи из подсолнечной шелухи» (там же). Как верно отметила исследователь М. Михайлова, «соединив величественное явление природы (смерч) и глобальное проявление социальной жизни (война) с самым житейским, бытовым, прозаическим, Паустовский достиг необычного результата: развенчал представление о революции как о величайшем, эпохальном событии» (3, 19). Революция порождает не человеческие блага, а пустые газетные обещания, роящиеся, как подсолнечные смерчи.

В «Окаянных днях» И.А. Бунина с семенами подсолнечника тесно связан портрет участника революции: «Весь день празднично стоящий с подсолнухами в кулаке, весь день механически жрущий эти подсолнухи дезертир <...> И физически больно от отвращения к нему, к его толстым ляжкам в толстом зимнем хаки, к телечьим ресницам, к молоку от нажеванных подсолнухов на молодых, животновывытанных губах» (2, 87). Здесь, как и у Паустовского, подсолнечник возникает рядом с пустыми словами, которым не верит даже де-

зертир: «Жрет и от времени до времени задает вопросы, - не говорит, а все только спрашивает, и ни единому ответу не верит, во всем подозревает брехню» (там же). Таким образом, в дни революции слово потеряло смысл, оно пустое, как подсолнечная шелуха. Эта бессмысленная единица речи прилипает к губам, пережевывается, но остается снаружи, как отличительный знак ее носителя.

На протяжении 1917 – 1920-х годов мироощущение, мировосприятие, чувства двух писателей были удивительно близки. Возможно, именно поэтому в их творчестве возникает образ-символ подсолнечной шелухи, характеризующий революционные события в России начала XX столетия.

Литература:

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. / И.А. Бунин. – М.: Худож. лит., 1966.
2. Бунин И.А. Окаянные дни: Повести. Рассказы. Воспоминания. / И.А. Бунин. – М.: Эксмо, 2004.
3. Михайлова М. Воспоминания К.Г. Паустовского о начале XX века. Текст и контекст / М. Михайлова К.Г. Паустовский // Мир Паустовского. – 2005. - № 23.
4. Паустовский В.К. Две открытки Ивана Бунина / В.К. Паустовский // Мир Паустовского. – 1992. – № 1.
5. Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. / К.Г. Паустовский. – М.: Худож. лит., 1982.
6. Паустовский К.Г. Дневники 1916-го – начала 1917 гг. / К.Г. Паустовский. Повесть о жизни: в 3 т. – М.: Современный писатель, 1993. – Т. I.
7. Паустовский К.Г. 1920 год. На медленном огне. Отрывок из книги / К.Г. Паустовский // Мир Паустовского. – 2005. – № 23.

ТЕМА РОДИНЫ У КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО И МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Козлова Л.Н.,

*профессор Ульяновского педагогического университета,
член Московского Союза литераторов (г. Ульяновск)*

Здесь, на Рязанской земле, в Мещерских краях, которые Константин Георгиевич назвал своей второй родиной, особенно уместен разговор о том, как выглядело это понятие «родина» у двух великих носителей света культуры, какими были Паустовский и Цветаева, объединенные, кстати, еще одной малой родиной – Тарусой.

Легче всего оттолкнуться от такого исчерпывающего определения, что дал Паустовский: «родина – это все» И, казалось бы, этого достаточно, очень часто на этом и останавливаются. Но особенно интересен текст, что следует дальше – расшифровка: «Это – ощущение счастья от зрелища огромной нашей земли, ее лесов, закатов, морских побережий, наглаженных прибоями, пажитей, деревень, смотрящих в заречную даль. Это ощущение счастья от ее легкого неба, ее ветров, ее людей, от их труда, от гудков паровозов, мчащихся к великим ее городам, к заводам, шахтам, рудникам, создающим неслыханные богатства. Это – ощущение гордости прошлым и предчувствие великолепного будущего, которого мы никому не отдадим» (с.92).

Читаем еще: «Первой родиной ... оставался Советский Союз. Но любовь к моей огромной родине жила рядом с любовью к небольшому клочку советской земли, где каждая старая ветла над водой, каждая лесная заброшенная дорога, каждое облако, оставляющее на небе туманный след, похожий на след корабля в море, и даже запах сена и дыма – все напоминало о жизни с друзьями, прочитанных книгах, спорах, радости, о событиях, то смешных, то печальных, то полных глубокого смысла, то легких и задевающих сердце, и, наконец, о людях, простых и давно уже ставших своими: ворчливых стариках, любопытных мальчишках, жалостливых бабах, корзинщиках и рыбаках.

Так постепенно росла любовь к этому краю, то чувство, которое мы привыкли называть любовью к родине» (с.84).

Проанализируем это определение Паустовского. Родина – это ощущение счастья и гордости от всего того, что любишь, что радует глаз, сердце и ум. Это чувство любви ко всему, что вокруг, что исконно наше, что можно и нужно защищать. Родину не знаешь умом – ее чувствуешь сердцем и узнаешь по этому ощущению.

Некая эмоциональная отъединенность от всего прочего мира. А вокруг – возможные посягатели и враги. Они могут родину захватить, как посягали фашисты на нашу землю, или испортить, как хищники-обыватели «с пустыми глазами» ради своей наживы и выгоды. Но это все преодолимо, если родину любишь и за нее борешься.

Позиция защиты – естественная, проверенная всей историей человечества. А вот восприятие Родины особенное – поэтическое. Родина – это то, к чему идет душа, что любишь особенно сильно. Иначе, как бы могла появиться «вторая» родина, где не родился? Только за счет любви к ней.

Итак, высветилось самое главное, что буквально пронизывает творчество обоих, и Паустовского, и Цветаевой – чувство любви, тот компас, по которому можно прийти к понятию «Родина».

Поначалу у молодой Марины Цветаевой родина ощущается традиционно и гармонично: «Вся моя жизнь, - читаем у 24-летней Марины, - роман с собственной душой, с городом, где живу, с деревом на краю дороги, - с воздухом. И я бесконечно счастлива» (1916 г. письмо Юркевичу).

«Я о земном заплачу и в раю, - пишет юная Цветаева, - Я буду петь, земная и чужая, Земной напев!» (1, 123). И Паустовский, используя для эпиграфа к «Книге скитаний» строки из этого стихотворения, усмотрел здесь «дочернюю любовь к России».

Но вот грянула революция, мир для нее резко изменился, по сути – рухнул. У Цветаевой исчезли средства к существованию – деньги в банке, оставленные матерью, были конфискованы. Нечем стало кормить детей. Но именно тогда, вместе с революцией в ее жизнь входит группа юных актеров. Театр и общение не только умещаются в ней, но как бы отодвигают, притушают на время все прочее, и прежде всего голод – в окружающую «чуму» привносятся «пир». В самые «чумные» 1918-19 годы она пишет цикл из 6 пьес, названный позднее «Романтика».

Так она сама дала название очевидному в себе: поэт-романтик. И чувство родины у нее стало ощущением меняться: все любимое отнималось одно за другим. Умерла от голода младшая дочка. Пропал без вести ушедший в Белую армию муж. Неотапливаемая квартира превратилась в трущобу. Средств для существования не стало. Голод. Повседневность как будто выталкивала ее из жизни. Все цветаевское противостояние бедам – это ее поэтическое творчество, любовь и сила духа. А еще – природная жизнерадостность, «безум-

ная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жажда жить» (1914). Взрывы «радости при малейшей удаче».

Она пишет несостоявшуюся книгу «Земные приметы» и цикл стихов «Лебединый стан», притаенный, опубликованный только через много лет после ее смерти. Эти строки оттуда:

Мать с дочерью идем – две странницы.
Чернь черная навстречу чванится.
Быть может – вздох от нас останется,
А может – Бог на нас оглянется...

Пусть будет – как Е м у захочется:
Мы не Величества, Высочества.

...

Так, скромные, богоугодные,
Душой и телом – благородные,
Дорожкой простонародною –
Так, доченька, к себе на родину:

В страну Мечты и Одиночества –
Где мы – Величества, Высочества.

Еще в 1916-м, перед самой революцией она написала: «Мне ничего не нужно, кроме своей души». И вот теперь осознала полностью: ее родина – это страна «Мечты и Одиночества», куда посторонним не попасть – страна возвышенного состояния души... Полностью отрицающего все земное неблагополучие того периода.

Паустовский не только принял советскую власть – он воспевал ее, «Даешь революцию!» – кричат в одном из рассказов мальчишки (с.27). «Колхоз не умреть!» – бормочет один из его героев. – Нет ему нужды умирать: он навеки поставлен. Не умреть!» (75).

Его герои мечтают о подчинении природы интересам людей.

«Человек проложит новые небесные дороги для дождей и гроз, – размышляет его герой, – дороги в те области земли, где дожди больше всего нужны. Человек уничтожит губительные ветры, и только легкий бриз будет дуть над лугами и переносить цветочную пыльцу» (146).

Нужно только захотеть и сложить усилия и энтузиазм людей, считает Паустовский – и все получится, светлое будущее настанет.

Вот два старика приехали помочь на строительство Волго-Донского канала «потому что их вера в победу человека над природой, в умелость рук и могущество разума была ясна, непоколебима» (143). А пассажир-писатель с волнением переживает «первую ночь на обширном и глубоком этом море, созданном руками советских людей, его соотечественников, его друзей, его сверстников» и думает: «Какое величавое, простое и человеческое время» (146).

Цветаева же революцию и советскую действительность не приняла и особенно ясно осмыслила свое сопротивление – «скажут нет, а будет да», которое смутно ощущала в детстве, осмыслила уже по-новому: «Я – мятежница лбом и чревом!». Неприятие жизни, прошедшей в первый послереволюционный период перед ее глазами, осталось у нее на-

всегда. Фронда и самоосмысление, творчество и самовыражение сопровождали ее всю оставшуюся жизнь – а также внутренний рост, одухотворение, уход в небесные высоты души. По-новому зазвучала и тема родины.

«Можно ли вернуться в дом, который скрыт?», – скажет она позже, уже из-за границы. И еще: «Той России нету, как и той меня». Остается только вспоминать счастье дореволюционных дней: «Роднее бывшее – всего» – пишет она. Самое родное – то прошлое, когда в несуществующей ныне Москве жила несуществующая больше Марина Цветаева. И так живо и больно напоминает за границей о прошлом та – родная – природа: «Но если по дороге – куст Встает, особенно – рябина...».

Цветаевой 42 года, до конца жизни остается всего 7 лет, а она чувствует себя безродной: «Душа, родившаяся – где-то»...

В стихах зарубежного периода с названием «Родина» она подробно, хотя и зашифровано, объясняет читателю, где именно она ее чувствует. Образы родины неожиданны и широкому читателю непонятны: «Даль – тридевятая земля! Чужбина, родина моя!... Недаром, голубей воды, я далью обдавала лбы. ... Распрь моих земля – Гордыня, родина моя!»

Подробный 1992 года мой разбор этого стихотворения помещен в моей книге «Одинокий дух». Из него следует, что высшие небесные земли в ограде гордыни – своеобразной защиты ее максималистской преданности своему поэтическому предназначению – это и есть истинная родина. Там, где родится возвышенное состояние души, выраженное непримиримой, горделивой позой, когда голова уходит в заоблачную бесконечность.

Снова, как и у Паустовского, родина определяется чувством, состоянием души, ощущением любви. И получается, что поэт создает себе родину сам, своим отношением к окружающему и происходящему.

Паустовский, как он видится в его произведениях, очень гармоничен. Он живет и наслаждается тем, что есть сейчас, видит светлое будущее на земле, считает, что его можно построить, если дружно взяться и устранить тех и то, что мешает. Сейчас, когда мы уже по-иному смотрим на безумие цивилизации и «победы» над природой, обернувшиеся подчас экологическим поражением, этот оптимизм видится типичной романтикой.

Романтик-Паустовский видит вокруг только то, что хочет видеть, как бы не замечая многого, веря, что это не главное и вполне устранимо, воспевая успехи и достижения, людей, природу и любовь к ней. И он счастлив этим. В пресловутом стакане, наполненном наполювину, он как будто смотрит только на воду.

Марина Цветаева гармонична по-своему, она «на одно крыло серебряная, на другое золотая» – от природы полусная и даже противоречивая. Она видит все, что мешает ей жить и быть счастливой на земле, все недостатки и неустроенность, как бы только пустую часть того же стакана. Но не принимает этого, на то она и родилась мятежницей! – достраивая свой мир в душе и насаждая справедливость своими стихами, живя в них и через них в будущем. Чем становится старше, тем больше у нее родина души в центре внимания. В 31 год она выдохнет: «Господи, душа сбылась!» а позже будет просить Бога о райском саде на земле: «За этот ад, За этот бред Пошли мне сад На старость лет!» И Цветаева главным образом, счастлива творчеством. «Жизнь, как она есть, мне определенно не нравится. Я принимаю ее только преображенную».

«Пошли мне!» Для полного счастья Цветаевой надо, чтобы что-то шло к ней, хотя сама она щедро дарит людям поэтический праздник, «обронные жемчуга» своих творений и «улыбки другим» (1937).

Так, не дано мне ничего
В ответ на праздник, мной даваем.
Так яблоня – до одного
Цветы раздаривает маем...

У Паустовского все по-другому. Как писатель-лирик он общепризнан, принят и любим читателями, отмечен государством и постоянно издавался при жизни.

Марина Цветаева до сих пор понимаема не каждым, долго была неизвестна, критиковалась Георгием Адамовичем в Париже, а в Москве – Корнелием Зелинским еще при ее жизни и Михаилом Гаспаровым в наши дни. В СССР до 1964 года она практически не издавалась. По сути, триумфальное признание Цветаевой пришло только к ее столетию. А признание – это тот воздух, которым творческая личность дышит...

«Одному не простила – всем!» – напишет она под конец жизни, имея в виду тех, кто ее не понял и не принял. Хотя цветаевский читатель уже родился и любит ее, как она и предвидела: «Как меня будут любить – читать что! – через сто лет!».

Потребность в любви к себе. Скорее всего, она есть у каждого человека вообще. Возможно, Паустовскому любви хватало при жизни, он читательскую – и не только – любовь получал и чувствовал постоянно. Сам же он отдает свою любовь естественно и безоглядно, пропитав ею все, что кладет на бумагу. Даже, возможно, не осознавая всей ценности своего дара людям. И его любовное видение жизни помогает читателю воспринимать родину так же, как и он, – и внутренне расти на этом.

Марина Цветаева покоряет читателя своей исключительно трудной жизнью, в которой, по определению Паустовского, «сплошная вереница горестей и несчастий, все время тонущая в веренице блестящих стихотворных и прозаических книг». Она поражает трагичностью непонятности и недолюбленности. Она обращается к нам «с требованьем веры и просьбой о любви!», будит совесть невнимательного, укоряя его: «Меня не посадивший с краю!». Поражает социальным миролюбием: «Двух станов не боец», сочувствием к побежденному и сопереживанием с умершим, всей необъятностью и неповторимостью своей личности, которая «всегда предпочитала быть узанной и посрамленной, нежели выдуманной и любимой!».

Фонтанирующим жизнелюбием утверждает Цветаева в сердцах людей свою поэтическую родину – страну высокой Поэзии.

И Паустовский, и Цветаева говорят, по сути, об одном и том же – о своей любви к родине, но каждый делает это по-своему, достигая удивительного положительного эффекта, освещающая и по-хорошему переворачивая жизнь читателя.

ПОВЕСТЬ К. ПАУСТОВСКОГО «ШЕВЧЕНКО» (ОБРАЗ И ЖАНР)

Ляшенко А.В.,

исследователь творчества К.Г. Паустовского (Украина, г. Киев)

Определенный практический, научный и литературоведческий интерес представляет собой аналитическое исследование повести К. Паустовского «Шевченко» как для истории русской и украинской литературы, так и для познания творчества самого писателя. В задачу

данного сообщения входит выявление особенностей создания образа Тараса Шевченко и некоторых жанровых признаков повести.

В данном сообщении, в отличие от предшествующей критики, рассматриваются историко-биографические произведения писателя как единый цикл, объединенный общей проблемой «художник и власть». Среди жизнеописаний деятелей культуры прошлого – Кипренского, Левитана и Лермонтова – повесть К. Паустовского об украинском поэте является заключительной и завершающей проблему: в ней автор выразил свою мысль об истинном долге художника. В сравнении с романами Ю. Тынянова, А. Виноградова и М. Булгакова, К. Паустовский нашел свое решение основного конфликта литературы середины двадцатого века: в личности Шевченко он дал тип борца, способного выстоять и сохранить свои убеждения несмотря на все неблагоприятные условия своей жизни. Повесть создавалась в конце тридцатых годов, когда бесконечно возрастало давление на творческую интеллигенцию и К. Паустовский вместе с другими дальновидными писателями осуждал всякое насилие над личностью, он тоже защищал право на свободу творчества. Повесть приобретала глобально-исторический смысл.

В отличие от научной литературы о К. Паустовском, в которой признавались только характеры главных персонажей его биографических повестей, автор данной работы склонен считать, что писатель создал целостный образ Тараса Шевченко, в нем он воплотил свой идеал настоящего героя и истинного деятеля культуры, отношение к нему как своему идеалу он выразил средствами революционно-романтической патетики. Писатель восхищался стойкостью и мужеством Шевченко и силой его поэтического слова.

Та же литературная критика относилась к названным повестям К. Паустовского к легендарным, но если под этим словом понимать вымысел, тогда оно явно не подойдет для определения жанрового показателя жизнеописания гения украинской культуры. Все повествование К. Паустовского о нем, о его жизни и творчестве, о его личных качествах, думках, чувствах и переживаниях построены на первоисточниках: шевченковских автобиографиях, письмах, стихотворениях, на дневниковых записях. Художественная переработка и перефразировка, цитирование их в повести свидетельствует о достоверности и правдивости описаний, убеждают в объективности концепции образа и реальности героя. Повесть посвящена тому, что было, рассказывает о том, что было, каким был Шевченко в действительности, а потому ее вполне можно назвать былью. Да и сама личность поэта не нуждалась в вымышленном изображении, Шевченко и его доля были сами по себе уникальны, исключительны, необычны. В этом значении слово легендарный полностью отвечает писательскому выбору героя для завершающей повести о судьбах русских художников XIX века.

Одновременно с К. Паустовским создавали свои произведения о жизни украинского поэта М. Зощенко, С. Васильченко, М. Шагинян, А. Ильченко, в настоящее время появились романы польского писателя Ежа Енджиевича, дилогия украинского писателя В. Шевчука и книги других авторов. Среди них и рядом с ними небольшая лирическая повесть К. Паустовского останется в русской и украинской литературах как произведение, в котором предложена самобытная и актуальная на все эпохи художественная трактовка жизни Т. Шевченко. В условиях тотального террора, деспотизма и культа правителей разных мастей всех эпох и народов сам Шевченко и его образ в художественной литературе сохранит свое значение символа духовной стойкости и внутреннего противостояния, останется знаменем борьбы за свободу своего народа, «а одна тень свободы человека возвышает», писал поэт.

УРОКИ МАСТЕРСТВА (Ю.П. КАЗАКОВ – УЧЕНИК К.Г. ПАУСТОВСКОГО)

Омельян А.М.,

аспирант Белгородского государственного университета (г. Белгород)

Замечательный писатель советской эпохи Ю.П. Казаков (1927-1982) обладал особым даром непринужденно и просто писать о сложных и вместе с тем важнейших сторонах и проблемах человеческой жизни. В своих талантливых рассказах он пытался найти собственные ответы на «вечные» философские вопросы о смысле жизни, о смерти и бессмертии, о счастье, о любви, о взаимодействии человека и природы. Последняя тема была особенно интересна и значима для Ю.П. Казакова. Размышлениями над ней проникнуты многие рассказы писателя. В работах Н.А. Куделько, Е.В. Чебраковой, И.Г. Штокмана частично освещены некоторые грани указанной проблемы. Ввиду сложности и многоаспектности темы нам представляется важным дальнейшее ее осмысление, с учетом влияния на творческое сознание молодого писателя Ю.П. Казакова взглядов маститого художника К.Г. Паустовского.

Время научно-технического прогресса породило в литературе 1950-1970-х годов массу размышлений о разрыве связей современного человека с миром природы. Ю.П. Казаков не разделял общепринятой в советской литературе точки зрения о том, что к природе следует относиться утилитарно-прагматически, что это – стихия, которую нужно усмирить и подчинить своим интересам. Напротив, рассказы Ю.П. Казакова пронизаны бережным и внимательным отношением его героев к природе, малейшим ее изменениям, тонким проявлениям. Природа в казаковских произведениях – это всегда особый мир, значимая нравственная и эстетическая ценность, живительный источник покоя, добра, красоты и гармонии. И Ю.П. Казаков дает возможность своим героям созерцать его, почерпнуть из этого родника новые силы, почувствовать, как душа наполняется незримым светом, любовью к людям и окружающему миру.

У писателя Ю.П. Казакова свое, уникальное «чувство природы» (Гумбольдт), унаследованное им от талантливых классиков русской литературы XIX и XX веков (М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина, М.М. Пришвина и др.) и трансформированное в индивидуальную «гипотезу бытия» (Мусатов). В этом бытии особая роль отводилась человеку, «взятому с некоторой точки зрения, во взаимодействии подобранных писателем признаков» (1). Действительно, Ю.П. Казаков в своих рассказах отдавал предпочтение человеку мыслящему, с богатым внутренним содержанием, умеющему найти общий язык с природой и услышать от нее «вещий отклик» (Кузьмичев). Поэтому так сильно в казаковских героях стремление к преодолению отчуждения от природы, а в ряде случаев очевидно максимальное сближение души человеческой и природной.

«Чувство предельной слитности» человека и природы «начинается с особой позиции автора, с особой точки зрения и осмысления мира» (2). Подобную же мысль однажды высказал и один из учителей Ю.П. Казакова писатель К.Г. Паустовский: «Природа требует пристального глаза и непрерывной внутренней работы по созданию в душе писателя как бы «второго мира» этой природы, обогащающего нас мыслями и облагораживающего нас увиденной художником ее красотой» (3).

К.Г. Паустовский, будучи умным и проницательным человеком, разглядел в молодом начинающем писателе Ю.П. Казакове личность неординарную, художника «большого, зор-

кого, с поразительной для его возраста зрелостью» (4). В своей статье «Беспорные и спорные мысли» К.Г. Паустовский уверенно называет в ряду «талантливой, передовой, умеющей по-настоящему работать» (5) молодежи Ю.П. Казакова.

Ю.П. Казаков, всегда с особым трепетом и уважением относившийся к К.Г. Паустовскому, прислушивался к его творческим советам, внимал его словам. «Я не был учеником Паустовского в прямом смысле, – признавался Ю.П. Казаков, – <...> не занимался у него в семинаре <...> да и литературно я, по-моему, не близок ему <...> Но <...> во многих статьях Паустовского называли моим учителем. В высшем смысле это правда – он наш общий учитель, и я не знаю писателя <...> который не воздал бы ему в сердце своем» (6). Следуя наставлениям К.Г. Паустовского, Ю.П. Казаков как-то заметил, чтобы вдохновенно писать «...о земле, надо чувствовать ее всем телом – ногами, глазами, ушами, руками, надо падать на нее в изнеможении <...> надо ходить по ней, смотреть на нее неустанно...» (7).

Осознание особого единства человека и природы определило концепцию «естественного», «природного» человека в прозе писателя. «Естественный человек» у Ю.П. Казакова – это личность, которая живет и формируется в тесной взаимосвязи с жизнью не социальной, а природной. И потому внутренние, душевные свойства такого человека определенным образом воплощают отдельные ее черты. Художник уделяет большое внимание именно тем особенностям внешности и характера героев, которые были определены и развиты самой природой, незбылемыми постулатами ее жизни.

Подобного рода героиня представлена Ю.П. Казаковым в рассказе, посвященном К.Г. Паустовскому, «Манька» (1958). В характере и поведении простой сельской девушки-письмоносца автор постоянно подчеркивает «дикость», «необычность», все то, что, с точки зрения устоявшихся общественных норм, является странным, непонятным и даже пугающим: «Дикость какая-то есть <...> в Маньке. Дремучесть, затаенность чувствуется в ее молчании, в неопределенной улыбке, в опущенных зеленоватых глазах» (8, 107).

Художник намеренно акцентирует внимание читателя на тех чертах внешности Маньки, которые доказывают ее близость к природе: «Выгорают за лето ее волосы, краснеют, а потом темнеют ноги и руки, истончается, худеет лицо, и еще зеленой, пронзительней становятся глаза» (8, 108). Ю.П. Казаков зорко подмечает родство психологического состояния «природного человека» и окружающего мира. Писатель мастерски изображает нравственную чистоту и раскрепощение Маньки среди лугов, трав и цветов: «По берегам темных речушек <...> зацветают к августу пышные алые цветы. Рвет тогда их Манька, навязывает из них тяжелые букеты. Или, отдыхая в тени серых <...> елок, украшает себя ромашками, можжевелником...» (8, 108).

Нарастание чувства любви в душе героини показано автором в непрерывной параллельной связи с морской стихией. Вначале Маньке становится жутко от осознания любви к Перфилию, но сами собой приходят на ум «дикие и вещие слова», услышанные ею когда-то от старой бабки. Пытаясь разобраться в себе, Манька убегает на берег моря и подолгу смотрит на его «сине-зеленоватую гладь». Море «было неподвижным, шелковистым, едва заметно поднималось и опадало...» (8, 110). Многие тайные силы заложены в душе девушки, и такой же непознанной загадкой предстает в рассказе бушующая морская пучина. Манька «влюбленно глядела в закинутое, решительное, красное от напряжения лицо Перфилия» (8, 113); «Ни неба, ни облаков, ни моря вдали не было видно. Было что-то черное, туманное, бесстыдно, нагло возбужденное, взлохмаченное» (8, 114). Используя прием олицетворения (море «дышало», «ревело, будто громадный буйный зверь»), эксп-

рессивную лексику, Ю.П. Казаков сумел показать развитие любовного чувства в душе Маньки и ее близость необузданной природной стихии.

Подводя итог, следует отметить, что Ю.П. Казаков являлся глубоким и талантливым художником своего времени. Это, в частности, отмечал один из его наставников писатель К.Г. Паустовский. Во многих рассказах Ю.П. Казакова присутствует ощущение таинственной и одновременно нерасторжимой связи человеческой души и природы, вера в мудрость и красоту живого, бесконечно обновляющегося природного мира.

Учитывая традиции классической литературы в решении проблемы взаимодействия человека и природы, Ю.П. Казаков пытался по-своему осветить ее. Размышления писателя привели его к образу «природного человека», который не скован принятыми в обществе поведенческими нормами. Он находится в глубоком «сопряжении» с природой, и только она формирует человека, помогает ему раскрыться. «Естественный» герой Ю.П. Казакова так же нравственно чист, открыт, непосредственен, как и мир природы, по законам которого он живет.

Литература:

1. Гинзбург Л.Я. *О литературном герое* / Л.Я. Гинзбург. – Л., 1979. – С. 5.
2. Белая Г.А. *Человек и природа в интерпретации современной прозы* / Г.А. Белая // *Литературное обозрение*. – 1979. – № 2. – С. 13.
3. *Цит. по: Кузьмичев И. Мечтатели и странники: Литературные портреты* / И. Кузьмичев. – Л.: Сов. писатель, 1991. – С. 43.
4. Паустовский К.Г. *Кому передавать оружие?* / К.Г. Паустовский // *Мир Паустовского*. – 1995. – № 6. – С. 5.
5. Паустовский К.Г. *Бесспорные и спорные мысли* / К.Г. Паустовский // *Литературная газета*. – 1959. – 20 мая.
6. *Воспоминания о Константине Паустовском*. – М.: Сов. писатель, 1983. – С. 265.
7. Казаков Ю.П. *Две ночи* / Ю.П. Казаков. – М.: Современник. – 1986. – С. 254.
8. Казаков Ю.П. *Избранное* / Ю.П. Казаков. – М.: ИТРК, 2004.

ГЕРОЙ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ В ПОВЕСТЯХ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «КАРА-БУГАЗ» И «КОЛХИДА»

Мантрова С.А.,

*учитель русского языка и литературы
Тамбовского областного государственного образовательного учреждения –
общеобразовательной школы-интерната
«Мичуринский лицей-интернат» (г. Мичуринск, Тамбовская область)*

В повестях К.Г. Паустовского «Кара-Бугаз» (1932), «Колхида» (1934) нашли отражение идеи 30-х гг. XX в. о необходимости освоения и преобразования окружающего мира.

Главный конфликт произведений – борьба человека с природой. Природа совершила ошибку, сделав непригодными для жизни районы «мертвых пространств» (1, 461)* с

* Здесь и далее цитируется по изданию: Паустовский К.Г. *Собр.соч. в 9 т. М.: Худож. лит. 1981-1986. Первая цифра в скобках указывает на номер тома, вторая – на страницу.*

богатейшими полезными ископаемыми (нефтью, газом, мирабилитом), заболотив плодородные колхидские земли, превратив их в «непроходимые и мертвые» леса (1, 506). Человеку не нужно приспосабливаться к окружающей действительности. Он может влиять на природу, изменять ее на благо: «Веками пустыня лежала нетронутая. Веками она копила богатства. Теперь мы их отнимаем. Мы находим способы превращать самые страшные свойства пустыни в источник жизни» (1, 462). Человек должен «исправить грубую ошибку природы, отнявшей воду у богатейших в мире залежей «периодического минерала» (1, 490).

Преобразования совершаются не ради сиюминутной выгоды, не «ради своего месячного оклада» (1, 497). Паустовский утверждает: «...работа в пустыне – дело славы, дело высокого племени новых людей» (1, 497).

Изображая героев «Кара-Бугаза» и «Колхиды» сжато, лаконично, Паустовский выдвигает несколько принципов, определяющих место и роль персонажей произведений и авторское отношение к ним. В центре внимания люди науки – инженеры, исследователи, ученые.

Герои-преобразователи в прозе К.Г. Паустовского имеют вполне определенные характеристики.

С точки зрения писателя, ученому необходимо быть профессионалом, глубоким специалистом. Автор считает, что ученый должен много знать из смежных наук, иметь пытливым ум, непрерывно учиться.

Так, инженер Габуня изучает труды Гиппократ, Страбона, Гомера с целью получения информации о климате, геологии и истории Колхиды. Другой герой повести «Колхида» – Лапшин – слишком узкий специалист. Он занимается изучением микроклимата и практически больше ничем не интересуется. На слова Елены Сергеевны Невской: «Хороший специалист может очень многое узнать по своей специальности от людей, которых он считает невежами» (1, 541) – и предложение поехать на курсы по усовершенствованию ботаников он машет рукой, потом обижается и престаёт с ней разговаривать. Лапшин не раз демонстрирует свою ограниченность.

Ученый должен уметь прогнозировать свою деятельность, моделировать ситуацию. Нужна ли людям науки фантазия, чтобы заглянуть в завтрашний день, совершить открытие?

На этот вопрос Паустовский отвечает положительно. Если Шацкий считает: «Мы должны держать фантазию на тугой узде» (1, 454), то Габуня, герой Колхиды, уверен в обратном. «Не было бы фантазии – не было бы кольматажа, как не было бы и эвкалиптовых лесов в Колхиде», – утверждает он (1, 574).

Герои Паустовского – оптимисты, умеющие за фантазией видеть светлую реальность будущего: «Невская была ботаником и привыкла к дисциплине ума, но обладала склонностью к волнующим обобщениям. Кольматаж она восприняла не как новый способ осушки болот, а как нечто более значительное: как полную власть человека над природой, как создание невиданных ландшафтов» (1, 526). Ученый ощущает себя хозяином природы, способным изменить, улучшить ее и жизнь людей. Мысли Невской созвучны убеждениям автора, общественным настроениям, научным мнениям той поры. Ни героям писателя, ни ему самому негативные последствия преобразований природы не были видны, отсюда такая уверенность в необходимости власти человека над природой. Эта власть, данная знаниями, – созидаящая. Герои уверены в способности разума преобразовать окружающую действительность на пользу людям.

Ученому необходимо не только аналитическое мышление, но и поэтическое видение мира. Проблема творчества интересовала Паустовского всю жизнь – это утверждение ста-

ло хрестоматийным. Писатель ценил в людях способность видеть прекрасное, получать эстетическое наслаждение от искусства, творчества.

Лапшин не способен чувствовать живопись, музыку, слово. Чтение его статей вызывает у Невской головную боль. Лапшин – педант и формалист: «Этот человек не понимал главного. Он ковырялся в мелочах с нудной аккуратностью аптекаря. Он не видел будущего и не понимал жизни растений, а их, по мнению Невской, надо было любить и знать, как людей» (1, 543).

На смену «отживающему типу специалиста-одиночки» (1, 543) приходит коллектив исследователей. Ученому-ремесленнику (Лапшину) противопоставляется творческая личность (Габуня, Невская, Ремизов из «Кара-Бугаза» и др.) Николай Ремизов считает науку, которой занимается – метеорологию – искусством. В его дневнике наблюдений не сухие сводки, а поэтические описания: «Песчаные пустыни – единственные движущиеся пространства суши. Это материки, взлетающие во время ураганов на воздух и создающие необыкновенные цветовые эффекты, носящие имя закатов» (1, 426). Художественный стиль, не характерный для научных трудов, выдает творчески одаренную натуру героя.

Истинный ученый бескорыстно служит высоким идеалам, обладает волей, способен на смелые, решительные поступки. Николай Ремизов, узнав о сигнале бедствия с острова Кара-Ада, осознавая опасность предприятия и не раздумывая ни секунды, спешит на помощь.

Паустовский не раз подчеркивает волевые качества ученых-героев, стремительность их решений, смелость поступков. Инженера Хоробрых и ученого Давыдова автор сравнивает с полководцами, определяя тем самым социальную значимость роли персонажей. По мнению одного из героев повести «Кара-Бугаз», самой сильной волей обладают исследователи. Можно предположить, что так считал сам автор.

Настоящий ученый не может оставаться равнодушным к несправедливости и злу, заниматься только «чистой наукой» и быть в стороне от социально значимых проблем. Так геолог Прокофьев спасает вдову Начар от смерти и выступает на суде с пламенной речью в защиту женщин, Хоробрых вместе с заведующей женотделом Бариль борется с неграмотностью населения и предрассудками отсталого пустынного края.

К.Г. Паустовский наделяет героев-преобразователей лучшими качествами (личностными и профессиональными), создает образы ученых будущего, неравнодушных, знающих, деятельных. В характерах героев прослеживаются свойства, созвучные времени и представлениям К.Г. Паустовского о человеке будущего.

АНАЛИЗ РАССКАЗА К.Г. ПАУСТОВСКОГО «РАССКАЗ О ЛИМОНЕ» (1944). К вопросу о философских и фольклорных основах прозы писателя

Летохо Е.В.,

*аспирант Московского педагогического
государственного университета (г. Москва)*

«Рассказ о лимоне» (1944) сочетает в своей жанровой форме элементы реалистического рассказа и сказки. Настя, девушка «с синими, как цветы литовского льна глазами» тяжело больна: помочь ей может сок лимона. Достать лимон в военное время было почти нереально. Чудо-лимон оказывается в доме юного Стася, чистильщика сапог, живущего со своим старым дедом.

Дерево действительно непростое: от него ведется отсчет годам в семье Стася. Именно поэтому, пытаясь вспомнить что-то, дед Стася бормотал: «Когда же это было? До того, как Марыся посадила лимон или после?». «Дед был очень старый, – подчеркивает автор, – он «никак не мог разобраться в своей прошлой жизни»¹. Следом идет фраза о «возрасте» лимона, которая и подчеркивает его необычный статус: «А лимону было тоже немало лет. Дед ждал, когда лимон зацветет».² Жизнь дерева связана с жизнью рода, лимон – свидетель всех событий, происходивших с родственниками Стася. Изменение листьев, цветение, появление плодов ожидаются и воспринимаются как изменения в жизни членов семьи. Перед нами то самое «живое вещество», о котором писал В.И. Вернадский.³

Дерево реагирует на все происходящее вокруг. «Цветок осыпался как раз в тот день, когда впервые на городок упали с неба немецкие черные бомбы».⁴ Война нарушает естественный ход жизни природы, однако уничтожить саму природу, как и историю семьи, рода, она не в силах. Цветок осыпался, но «завязь осталась». Чудо-лимон продолжает жить, как и продолжает сохраняться уважительное отношение к нему. «И не думай к нему прикасаться, – предупреждает Стася дед. – Пусть он сам созреет и упадет»⁵. Свой запрет дед обосновывает. На слова Стася о том, что «на настоящих деревьях лимоны срывают» (6;341) отвечает: «Так то на настоящих. А это дерево не настоящее. Оно волшебное. Если его тронет злая рука, – оно высохнет, лимон сморщится и сок его делается ядом». Предупреждение деда напоминает сказочный запрет.

Но не только сам образ дерева и запрет на срывание с него плода напоминает сказочную организацию сюжета. Образ регулировщицы Насти и ее появление в жизни Стася тоже можно назвать сказочными. Ее облик (глаза цвета литовского льна) и поступки («Настя часто махала Стасю рукой со своего перекрестка и приносила ему по утрам хлеб, сахар» и даже конфеты (выделено мной. – Л.Е.), – чем не сказочные подарки для 1944-го года.

В это похожее на сказочное повествование врывается жестокая реальность: Настя исчезает. Со временем Стась узнает, что девушка ранена и находится в лазарете. Посетить Настю ему не удастся, но он слышит, как медсестры говорят о том, что девушке необходим лимонный сок.

Как подобает благородному рыцарю или сказочному принцу, Стась спасает Настю. Лимон, который «уже совсем созрел и висел тяжелый среди легких листьев»⁶ будто ждет своей участи. Он играет роль волшебного предмета, спасающего героиню.

Однако решение сорвать лимон дается юному сапожнику нелегко: «Стась долго ходил по городу, боясь возвращаться к деду, даже плакал от страха...» (6; 342).

Но волшебный лимон сорван доброй рукой для благого дела, а добро и волшебство неисчерпаемы. Поэтому, вернувшись из лазарета, Стась видит чудесную картину: «...за

¹ К. Паустовский Собр. соч. в 8 т.– М., 1983. Т.6. – С. 340

² Там же.

³ См. об этом В.И. Вернадский Живое вещество. Биосфера. – М., 1989.

⁴ См. сн.1

⁵ К. Паустовский Собр. соч. в 8 т.– М., 1983. Т.6. – С. 341

⁶ Там же – С.342

⁷ В скандинавской мифологии мировое дерево – ясьень Иггдрассиль (Иггдразиль), это «всемирное дерево», ветви которого «тянутся через всю вселенную» (Афанасьев 1986: 171). Аналог мирового дерева в Карелло-финской мифологии-гигантский дуб (сказание Калевалы о гигантском дубе также упоминаются А.Н. Афанасьевым). «Зендская мифология знает священное дерево жизни, от которого произошли на земле все целебные растения» (там же: 171).

окном уже синела заря, чуть-чуть освещала каморку, и в свете этой зари цвело десятками белых цветов лимонное дерево... Каморка деда пахла как райский сад» (6; 342).

Настя (имя героини означает «воскресшая»), узнав о поступке Стася, говорит, что у него «золотое сердце» (6;343). «Так началась их дружба – на зависть всем, кто думает, что уже давно исчезли из нашей жизни сказки» (6; 343).

Необычный статус дерева сближает повествование со сказочным (запрет на срывание плода, чудесное цветение, роль чудесного помощника). Миф лежит в основе образа – миф о чудо-дереве, нашедший отражение во многих произведениях русской литературы («Дерево превращений» Н.С. Гумилева, «Чудо-дерево» К.И. Чуковского).

А.Н. Афанасьев исследовал различные мифологические образы, отмечал общность трактовки тех или иных сюжетов в мифологии различных стран. Миф о мировом древе (о нем А.Н. Афанасьев говорит в своей работе «Народ-художник») известен в культуре многих стран. Мировое древо – символ первоначала и вечной жизни⁷. Своеобразным аналогом мирового древа служит лимон в рассказе Паустовского.

Таким образом, в данном рассказе своеобразно переплетены романтические (рыцарство Стася) и фольклорные («чудо-дерево») мотивы, диссонансом к которым не звучит идея биосферы В.И. Вернадского. Проблема (философские основы прозы писателя), заявленная в данной работе, в дальнейшем станет предметом более подробного описания и позволит рассмотреть творчество К. Паустовского в ином свете.

Литература:

1. Вернадский В.И. Живое вещество. Биосфера. – М., 1989.
2. Паустовский К.Г. Собр. соч. в 8 т.– М., 1983.
3. Афанасьев А.Н. «Народ-художник». – М.,1991

К. ПАУСТОВСКИЙ В ГОДЫ ОТТЕПЕЛИ

Рудик И.В.,

*студент факультета русской филологии и национальной культуры
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)*

Константин Георгиевич Паустовский – одна из самых бесспорных фигур в русской литературе советской эпохи. Актуальным остается вопрос о гражданской позиции и творческом поведении писателя в 60-е гг. 20 века, в годы «оттепели», которые стали знаковым явлением русской культуры.

Одним из символов того, что русская литература в сталинскую эпоху не погибла, стал роман «Доктор Живаго», напечатанный впервые за рубежом. Но Пастернак надеялся напечатать свой роман и в Советском Союзе, ведь напечатал же Паустовский «Повесть о жизни», где, в сущности, тот же сюжет: судьба интеллигента, оставшегося самим собой в тоталитарных условиях. Жизнь Паустовского очень напоминала эту сюжетную канву.

В 1962 году на вопрос министра культуры Франции писателя Андре Мальро: «Отчего советская литература столь уступает литературе прошлого века?» - Паустовский ответил: «Нашей главной задачей было спасти культуру»

Главным источником этического авторитета, приобретенного Паустовским в конце 50-х–начале 60-х гг. было его общественное поведение: выступления в прессе в защиту родной природы, общегуманистических ценностей, чистоты русского языка. Большую роль сыграло и заступничество за В. Дудинцева на обсуждении его романа «Не хлебом единым». Паустовский говорил о Дроздовых – собирательных советских номенклатурщиках по имени персонажа романа, с подобными которых Паустовский встретился в заграничном путешествии на корабле «Победа»: «В нашей стране безнаказанно существует и даже процветает новая каста обывателей. Это новое племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашей страной, ни с социализмом. Эти циники и мракобесы, не боясь и не стесняясь никого, на той же «Победе», вели совершенно погромные антисемитские разговоры. Таких Дроздовых тысячи, и не надо закрывать глаза. Это темная опара, на которой взошли люди, начиная с 1937 года. Обстановка приучила их смотреть на народ как на навоз. Они дожили до наших дней, как это ни странно. Они воспитывались на потворстве самым низким инстинктам, их оружие клевета, интрига, моральное убийство и просто убийство». На собрании Паустовскому «было рекомендовано» поправить собственные слова, сказав, что он «не призывал к истреблению кадров (...) ратовал за то, чтобы кадры в большей мере отвечали тем высоким задачам, какие ставит (...) идейно выросшее советское общество» (В. Рудный, редактор «Литературной Москвы», 1). Паустовский взял слово вторично, но не исправил того, что сказал в предыдущем выступлении.

Паустовский искренне стремился сделать литературу более человеческой, свободной от идеологического диктата. В его текстах, высказываниях появляется критика партийной номенклатуры. Так, он горячо воспринял арест рукописи романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»: «Паустовский был в такой ярости, в какой мне никогда не приходилось видеть его раньше. Тогда он сказал, что «они», то есть руководство страны, долго не продержатся, что они (...) будут сметены, как это случилось с их предшественниками», – вспоминает Л. Левицкий (1).

Паустовский в годы «оттепели» старался быть подчеркнuto нестоличным, провинциальным. Его «жизненное поведение» базировалось на принципах и традициях русской интеллигенции: дистанцирование от власти, критика ее, борьба за человеческое достоинство. Писатель большей частью жил в калужской Тарусе и превратил этот тихий дачный городок в литературную мехку шестидесятников. Ведь литературная оттепель началась с легендарного альманаха «Тарусские страницы», выпущенного в 1961 г. Калужским книжным издательством. Составителем сборника значился Н. Оттен, в редакционную коллегию, кроме него, входили В. Кобликов, Н. Панченко, К. Паустовский и Арк. Штейнберг. «Тарусские страницы» учитывали опыт предшествовавших им двух выпусков альманаха «Литературная Москва» (материалы которого были раскритикованы, а намечавшийся выход очередного выпуска запрещен). Расчет издателей, по всей видимости, строился на том, что издание готовится вдалеке от Москвы, то есть вдали от чересчур бдительной столичной цензуры. В журнале, как бы уравновешивая смелые художественные материалы, составители уделили большое место вполне лояльным очеркам и публицистике.

Но именно эта подчеркнутая аполитичность а также двусмысленная параллель «тарусского кружка» с дореволюционной художественной интеллигенцией и бросались в глаза. К тому же опубликованные на страницах сборника стихи и проза были для своего времени

Комкова А.В.,*ученица Гремячковской средней общеобразовательной школы
(Скопинский район, Рязанская область)***Безрукова Е.В.,***учитель Гремячковской средней общеобразовательной школы
(Скопинский район, Рязанская область)*

острыми, иногда заведомо полемичными (В.Корнилов «Шофер», Б. Окуджава «Будь здоров, школяр», стихи Н. Коржавина). В таком контексте в глазах цензоров приобрели незапланированную остроту и произведения вполне нейтральные: три рассказа Ю. Казакова, повесть Б. Балтера «Трое из нашего города» (впоследствии публиковавшаяся под названием «До свидания, мальчики») и маленькая повесть В. Максимова «Мы обживаем землю». Двойственную природу сборника подтверждает и участие в нем фрондирующих, однако ни при каких обстоятельствах не идущих на конфронтацию с властями Е. Винокурова и Ю. Трифонова. С другой стороны, даже взятые для публикации главы из мемуарно-публицистической книги К.Г. Паустовского «Золотая роза» были в определенном смысле полемичны, например, такие, где героями выбраны И.А. Бунин и Ю. Олеша. И здесь скрытая полемичность заключалась не столько в тексте, сколько в теме, доселе запретной либо не поощряемой.

Расчет редакционной коллегии не оправдался, сборник оказался замечен не только читателями, но и бдительным начальством. Последовали резкие оргвыводы. Директор Калужского книжного издательства А. Сладков получил строгий выговор, главный редактор издательства Р. Левита освобожден от занимаемой должности, секретарю обкома КПСС по идеологии А. Сургакову поставлено на вид. Более строгие меры (вплоть до специального постановления), запланированные Бюро ЦК КПСС по РСФСР, где рассматривались материалы сборника, были отменены Н.С. Хрущевым после того, как у него на приеме побывал К.Г. Паустовский. То есть, несмотря на разногласия с властью, Паустовский все же искал у нее защиты.

Один из мемуаристов приводит и такое свидетельство: к Паустовскому пришли двое крымских татар, принеся письмо с просьбой заступиться за их народ: «Паустовский, глаза которого увлажнились, сказал, что информация, содержащаяся в письме, для него не в новинку. С первой минуты, как до него дошло известие о поголовном выселении крымских татар из родных мест, что стало известно ему в конце войны, Константин Георгиевич был возмущен этим (...) произволом Сталина. Тогда невозможно было об этом публично заикнуться. Другое дело сегодня. Он был в отчаянии, что возраст и болезни лишают его возможности действительно заступиться за крымских татар» (1). Его фамилией начинается список 82 литераторов, подписавших обращение к съезду писателей с предложением обсудить широко известное ныне письмо Солженицына. Прикованный болезнью к кровати, он заступился за Синявского и Даниэля, а потом за Галанскова и Гинзбурга.

В заключение нашей работы мы можем отметить, что в годы «оттепели» отношения К. Паустовского с властью и господствующим идеологическим диктатором были достаточно сложными: несмотря на подчеркнутое дистанцирование от власти, Паустовский все же искал защиты у Хрущева, однако продолжал делать то, чем занимался раньше: «спасал культуру». Он стремился сделать литературу свободной и более человеческой. В его текстах, высказываниях появляется критика партийной номенклатуры, он активно защищал людей, пострадавших от нее.

Литература:

- 1. Левицкий Л. Голос Паустовского // Вопросы литературы. – 2004. – № 2.*
- 2. Оттепель. 1960-1962. Страницы русской советской литературы. М., Московский рабочий, 1990.*
- 3. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., РОССПЭН, 1997.*

Паустовскому с детства было свойственно обостренное чувство природы: «Это было как раз то «несерьезное», что, по мнению близких, коренилось во мне и мешало мне жить. Как я мог объяснить им, что в этом моем ощущении природы было нечто большее, чем удивление перед ее совершенством, что это было не бесцельное любование, а сознание среды, без которой человеку нельзя работать в полную меру сил», - писал Константин Георгиевич. Природа нередко присутствовала на страницах его ранних новелл. В критике, которая имела в виду произведения Паустовского 20-х годов, отмечалось его тяготение к экзотическому пейзажу с характерной для такого пейзажа экспрессией и яркостью красок. Но только позже, с 30-х годов, когда Паустовский начинает смотреть на природу не глазами неприкаянного романтика-«скитальца», а глазами своего современника, она входит в его книги как их неотъемлемая часть. Если по книгам Паустовского этого периода присмотреться к маршрутам рабочих его поездок по территории страны, то даже в них заметно, на карте России, определенное смещение: с юго-востока, от Каспия, на юго-запад, к Черному морю, затем на север, - в Карелию, Прибалтику, и, наконец, к самому центру, ближе к небольшим старинным городкам с их «смешными и милыми именами Петушки, Спас-Клепики, Крапивна, Железный Гусь».

Утверждение пейзажа становится одним из краеугольных камней эстетики Паустовского, приобретая сознательный и программный характер. Природа у Паустовского - «мудра», она не размагничивает, не обрекает на прекраснодушное созерцание, но заставляет стремиться к лучшему, высшему, сообщая дух бодрости и веру в свои силы.

Пейзаж Паустовского глубоко оптимистичен, хотя писатель - подлинный певец осени, самого грустного времени года. К созерцанию природы у Паустовского всегда примешивается налет грусти от бессилия передать увиденное сразу всем людям. Приобщение к подлинной красоте вызывает мысли о ее быстротечности, о недостижимости совершенства. Но главное чувство - обыкновенная человеческая радость от сознания того, что есть в мире прекрасное и что надо сделать его достоянием многих. Ощущение незамутненной свежести и радости бытия, эмоциональной взволнованности создается благодаря умению художественно изобразить день природы, как он прочувствован и увиден в блеске осеннего воздуха, услышан в чуть медлительном ритме, в тонком восприятии всего человеком, который, как бы улыбаясь, ликуя и немного грустя, стоит за этой великолепной картиной. По-своему передано ощущение воздуха - прозрачности, чистоты, насыщенности всего воздушной атмосферой. Солнечные пятна на реке и лесах: золотые, синие, радужные, разгорающиеся или меркнувшие в зависимости от освещения. Звуки: звон воздуха, разрезаемого крыльями, и сразу представляется, какая стояла тишина в этом лесу, что слышен был шелест крыльев. Запахи, лесные ароматы, замешанные на травах, грибах. В критической литературе, рассматривающей русский пейзаж Паустовского, специально

отмечается свойство писателя воспринимать природу в свете, краске, звуке и запахе. Картина природы потому особенно впечатляет, что насыщенность образами не выходит за грани легко усваиваемого, образы, метафоры не утяжеляют стиля, но совершенно органично и легко воспринимаются: лес и река, «играющие» солнечными бликами, сухая ветка сосны, как бы «выкованная из заржавленного железа». Лирическая интонация создается и светлым поэтическим видением героя, и музыкальностью ритма. Паустовский не скрывает, что искусству рисовать природу он учился у живописцев: «Живопись важна для прозаика не только тем, что помогает ему увидеть и полюбить краски и свет. Живопись важна еще и тем, что художник часто замечает то, чего мы совсем не видим. Только после его картин мы тоже начинаем видеть это и удивляться, что не замечали этого раньше». Рисуя пейзаж, писатель не стремится тщательно выписать все его подробности. Он выбирает что-то одно, какую-то одну деталь, именно ту, которая лучше других способна пробудить эмоциональный отклик в душе читателя, и уж ее подает крупно и настойчиво, как лейтмотив.

В своей манере живописать природу Паустовский следует лучшим традициям русской классической литературы: простоте, лаконизму, художественной выразительности. Мастерство пейзажиста, сочетание зрительной точности и лирической зыбкости описания говорит о продолжении традиций прозы Чехова, Бунина, Горького, Пришвина. У Чехова Паустовский учится сдержанной эмоциональности и вместе пластичности, картинности пейзажного изображения. Ощущение красок, освещения Паустовский очень ценит у Бунина, мастера ритмической прозы, музыкального пейзажа. Музыкальной отточенностью фразы, мастерством красочного динамичного пейзажа в совершенстве владеет и Паустовский. Его пейзаж более эмоционален, открыто лиричен, это пейзаж романтика и в художественном «открытии» природы, и в отборе изобразительных средств. Характерное, особенное в пейзаже Паустовского - его порой уходящая в подтекст, порой открытая эмоциональность, праздничная приподнятость, порой гиперболичность и субъективная окрашенность и, главное, глубокий лиризм, определенная музыкальная настроенность. В это новом качестве пейзажа, присущего именно Паустовскому, безусловно использованы, но по-своему преломлены и простота, и прелесть чеховского пейзажа с его скупостью в отборе деталей, и горьковская красочность, яркость, пластичность, социальная осмысленность, и аллегорический пейзаж Пришвина, и психологизм, лиричность бунинских, гриновских описаний с богатством и разнообразием цвета, световых эффектов, лирической открытостью.

Паустовский мастерски владеет словом. Истоки этого мастерства - в прекрасном знании русского языка. Паустовский - знаток языка в его самых глубинных народных источниках. Поэтическая свежесть пейзажей Паустовского объясняется умением писателя улавливать и передавать тончайшие оттенки, которые часто не замечаются в его повседневном употреблении. Под пером Паустовского оживает все богатство и великолепие русского языка.

У Паустовского-пейзажиста нет мертвой природы. Ее живые картины всегда согреты любовью, теплым участием, восхищением, преклонением, наконец, гордостью, потому что это природа родной страны, родины.

Литература:

1. Касаткин В. «Вторая родина» Константина Паустовского». - Рязань, 2004.
2. Трефилова Г.К. Паустовский. Мастер прозы. - М., 1983.
3. Сумайлов А.Ф. Наедине с Паустовским. - М., 1990.

4. Алесканян Е.А. Константин Паустовский - новеллист. - М, 1969.

5. Ачкасова Л.С. Гуманизм в творчестве Паустовского. - Казань, 1972.

6. Кременцов Л.П. К.Г. Паустовский (талант - мировоззрение - мастерство). Материалы к спецкурсу. - Ростов-на-Дону, 1975.

МАСТЕРСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Магомедова Я.К.,

учитель русского языка и литературы Малиновской основной общеобразовательной школы (Михайловский район, Рязанская область)

Нет! Человеку никак нельзя жить без Родины,
Как нельзя жить без сердца.
Мне хочется хотя бы маленькой, но светлой
Памяти о себе.

К.Г. Паустовский

Константин Георгиевич Паустовский за свою большую писательскую жизнь побывал во многих уголках страны. «Почти каждая моя книга – это поездка. Или, вернее, каждая поездка – это книга», – говорил К.Г. Паустовский. Такова природа его художественного «жизневедения», столь волнующая, приковывающая к себе читателей книг.

Но особенно горячо любил он Мещеру – сказочно красивый край между Владимиром и Рязанью, – куда приехал впервые в 1930 году. К.Г. Паустовский писал, что Мещере он «обязан многими своими рассказами, «Летними днями» и маленькой повестью «Мещерская сторона». Завершая повесть «Мещерская сторона», К.Г. Паустовский писал: «Если придется защищать свою страну, то где-то в глубине сердца, я буду знать, что я защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзначай оно на вид ни было, – это лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забудется первая любовь».

Солотча – особая глава в жизни Паустовского. Здесь, в Рязанской области, он жил в доме академика живописи И.П. Пожалостина. Здесь писатель навсегда любил Мещерский край.

Мещера стала вдохновляющей, «второй его родиной». Писатель жил в Мещере и там до конца понял, «что значит любовь к своей земле, к каждой заросшей гусиной травой колее дороги, к каждой старой ветке, к каждой чистой лужице, где отражается прозрачный серп месяца, к каждому присвисту птицы в лесной тишине...». Сложился особый, мещерский этап в творчестве художника.

Многообразна и плодотворна была писательская жизнь К.Г. Паустовского. Два романа, более десяти повестей, свыше полтораста очерков и рассказов, несколько пьес – таков итог его неутомимого тридцатилетнего труда, пример постоянной деятельной связи художника со своей эпохой, с Родиной, народом.

Книги Паустовского прославляют созидательный труд людей, раскрывают их душевную красоту, пробуждают патриотическое чувство, учат любить родную природу, быть

наблюдательным, видеть в обычном необычное и уметь фантазировать, быть добрым, честным, способным признать и самому исправить свою вину. Они свежи, солнечны, в них сжата пружина молодой энергии, они искрятся, они волнуют, в них нет усталости, в них по – прежнему юный соленый запах моря, блеск жаркого юного полдня.

Герои всегда соучастливы, мужественны, скромны и лиричны. Добр и пейзаж – пусть не покажется это странным. Неразделимо и герои и пейзаж несут этот эмоциональный заряд человеколюбия, который неизменно вызывает ответную эмоциональную волну. И это – качество тонкого писателя...

Паустовский – писатель и Паустовский – человек слиты воедино. Он открыт и щедр как человек.

Паустовский прекрасный знаток сложнейшего процесса – творческого труда писателя. Родина, ее природа и человек – неизменная и постоянная тема его творчества.

Все критики особо отмечают Паустовского – пейзажиста. Он обладает таинственным необыкновенным даром предавать звуки, краски и запахи природы, рисовать ее таинственный и пленительный мир. Недаром Константина Георгиевича называют поэтом в прозе.

Его произведения поэтичны, проникнуты гуманным чувством и тонким юмором, пленяют свежестью языка и необычайной наблюдательностью художника. Они переведены на многие языки. И – последний портрет. Суровый, требовательный взгляд сквозь стекла очков. Взгляд – напоминание, завет: «Мы жили на этой земле. Не отдавайте ее в руки опустошителям, пошляков и невежд».

Наследие К.Г. Паустовского, вечно живое, вдохновляющее, продолжает привлекать сердца миллионов читателей.

ТЕМА ИСКУССТВА В ТВОРЧЕСТВЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Зыкова Е.А.,

*студент факультета русской филологии и национальной культуры
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)*

Искусство – особая сфера жизни, оказывающая влияние на людей, загадочная и манящая, вызывающая желание раскрыть тайну творчества. Тема искусства появляется в произведениях многих художников, и каждый находит в ней что-то свое. Мы рассмотрели, как воплощается эта тема в творчестве К.Г. Паустовского, какова позиция писателя в определении роли искусства.

У К. Паустовского размышления об искусстве слова стали лейтмотивом цикла «Повесть о жизни»; поэзии и живописи посвящены повести о Кипренском, Левитане, Шевченко, Лермонтове, пьеса о Пушкине. Очерки о деятелях искусства являются не только биографическими набросками, но и рассуждениями о неразрывной связи художника с жизнью. Творческое начало в личности притягивало К. Паустовского, поэтому многие близкие ему герои – творцы: художники, поэты, писатели, композиторы. Счастливы одаренные, они обычно несчастливы в жизни, даже если и добиваются успеха. Драма творческой личности, по Паустовскому, – обратная сторона острого восприятия красоты, тоски по гармонии и совершенству. Особое внимание писатель уделяет живописцам. Им он посвятил целую книгу и говорил, что писатель должен учиться у живописцев видеть краски в их оттенках и перехо-

дах, уметь словами нарисовать картину так, чтобы ее могли увидеть как бы воочию.

Призвание, талант, поэтическое видение мира – на этой почве созревает искусство. Но этого недостаточно для того, чтобы заниматься литературой. К. Паустовский считает, что одним из залогов творческих побед служит биография писателя: чем больше за душой, тем шире художественные возможности. Отсутствие жизненного опыта не могут компенсировать одаренность, блестящее владение пером, старание. «Просто писатели живут, страдают, думают, радуются, участвуют в больших и малых событиях, и каждый день оставляет, конечно, в их памяти и сердцах свои заметы и зарубки на сердце».

К. Паустовский выдвигает на первый план «не искусство для искусства, а искусство для человека». Красота – это путь к добру, дело художника – через красоту ощущений укрепить и воспитать красоту чувств. Сам убежденный «хранитель прекрасного», Паустовский будит в читателях желание сберечь красоту, «показать весь мир в красоте» и, если нужно, бороться за нее.

По мысли писателя, искусство рождается из потребности «обессмертить» мгновение утекающей в смерть жизни. «Задача искусства – остановить мгновение и сделать его предметом вечного созерцания». Художник у К. Паустовского – творец жизни, он занимает и активную жизненную позицию, представляя себя участником общенародного созидательного труда.

Главная книга К. Паустовского о труде писателя – «Золотая роза». Она открывается историей о мусорщике. Жан Шамет рассказал девочке Сюзанне легенду о золотой розе, которая приносит счастье каждому, кто ее коснется. Позже девушка стала дорога ему. Шамет начал собирать пыль в ювелирных мастерских и в своей лачуге просеивать ее, получая золотой порошок. Из него ювелир сделал розу. Но Шамет умер, не встретив больше Сюзанну. Золотую розу ювелир продал пожилому писателю. Устами литератора Паустовский говорит: «Золотая роза Шамета! Она отчасти представляется мне прообразом нашей творческой деятельности... Подобно тому, как золотая роза старого мусорщика предназначалась для счастья Сюзанны, так и наше творчество предназначается для того, чтобы радость земли, призыв к борьбе за счастье, радость и свободу, широта человеческого сердца и сила разума преобладали над тьмой, как незаходящее солнце». В этих словах писатель выразил свое понимание цели творчества: искусство должно нести свет и счастье в жизнь людей. Но чтобы выковать золотую розу, нужны длительные, самоотверженные усилия. Роза, в которую вложили труд, любовь, надежду, обрела бессмертие: радовала каждого, кто с ней встречался. Такова награда художника.

В «Золотой розе» К. Паустовский рассматривает разные виды искусства. Литература – исследование мира средствами слова: «...если писатель хорошо видит то, о чем он пишет, то самые простые и порой даже стертые слова приобретают новизну, действуют на читателя с разительной силой и вызывают у него те мысли, чувства и состояния, какие писатель хотел бы ему передать». Живопись «важна для прозаика не только тем, что помогает ему полюбить краски и свет. Живопись важна еще и тем, что художник часто замечает то, чего мы совсем не видим. Только после его картин мы тоже начинаем видеть и удивляться, что не замечали этого раньше». Архитектура – область продуманных прекрасных форм. Литературе есть чему поучиться у нее: «Писатель, полюбивший совершенство классических архитектурных форм,

не допустит в своей прозе тяжеловесной, неуклюжей композиции. Он будет добиваться соразмерности частей и строгости словесного рисунка. Он будет избегать обилия разжижающих прозу украшений. Композиция прозаической вещи должна быть доведена до такого состояния, чтобы ничего нельзя было выбросить и ничего нельзя прибавить без того, чтобы не нарушался смысл повествования и закономерное течение событий». Но особенно обогащает прозаика, по мысли Паустовского, знание поэзии. Она учит улавливать мельчайшие оттенки настроения, возвращает слову «первозданное» звучание и учит располагать его с абсолютной точностью. «Самым высоким, покоряющим явлением в литературе, подлинными счастьем может быть только органическое слияние поэзии и прозы, или, точнее, проза, наполненная сущностью поэзии, ее животворными соками, прозрачным воздухом, ее пленительной властью», – заключает книгу писатель.

К. Паустовский показывает: красота разлита во всем мире; человек, наделенный художественным даром, обладающий особо восприимчивым зрением к прекрасному, должен выражать ее в произведениях, будить лучшие чувства в сердцах людей. При этом художник дарит бессмертие тому, о чем пишет. Писатель мечтал о гармонии с миром, в его книгах творчество рассматривается в самом широком смысле, как относящееся ко всему живому. Особые требования предъявляются к творческой личности – правдивость, искреннее служение народу, стремление способствовать достижению общего счастья, умение увидеть и передать истинную красоту каждой частички окружающего мира.

ИМПРЕССИОНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Ведищева С.А.,

*студент факультета русской филологии и национальной культуры
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)*

Множество исследований посвящено творчеству Константина Георгиевича Паустовского (1892 - 1968). Особенно часто авторы монографий и статей обращают внимание на удивительную способность писателя «живописать словом», использовать цветные прилагательные в произведениях и т.п. Но нет в этих работах разговора об импрессионистическом мировосприятии Паустовского, хотя сам писатель считал импрессионизм исключительно важным достоянием культуры. «Импрессионизм принадлежит нам, как и все остальное богатое наследие прошлого, – писал он. – Отказываться от него – значит сознательно толкать себя к ограниченности» [1. С. 514].

Импрессионизм – это направление в искусстве конца XIX – начала XX вв., сложившееся во французской живописи. Для него характерны свежесть и непосредственность восприятия жизни, стремление передать явление в отрывочных, мгновенно фиксирующих каждое впечатление штрихах. При этом главным является умение улавливать тончайшие оттенки изображаемой реальности. Литературный импрессионизм до сих пор не имеет однозначного истолкования, свидетельство тому – работы отечественных литературоведов: И.В. Корецкой, В.Т. Захаровой, Л.В. Усенко и др. [2], в которых указывается, что «беспримесный импрессионизм», не обладающий чертами

других литературных направлений, – явление очень редкое. По словам литературоведа З.Я. Холодовой, «в России импрессионизм не сложился в четко обозначенных границах художественной школы» [З. С. 98], что вызывает проблемы в определении творческого метода писателя.

К. Паустовскому импрессионизм как один из способов познания окружающего мира был близок прежде всего вниманием к мельчайшим деталям и мгновениям действительности, которые часто не заметны, трудно уловимы. Такую особенность мы встречаем в живописи французских художников-импрессионистов: Мане, Сислея, Гогена, Ренуара, у которых Паустовский и учился рисовать природный мир. Он писал: «Живопись важна для прозаика не только тем, что помогает ему увидеть и полюбить краски и свет. Живопись важна еще и тем, что художник часто замечает то, чего мы совсем не видим» [1. С. 514].

Способность К. Паустовского с необыкновенной силой улавливать мгновения жизни, не замечаемые другими, отмечали многие исследователи его творчества. Л. Кременцов писал, что пейзажные зарисовки писателя признаны совершенством «по редкой выразительности деталей, по какой-то необыкновенной художественной простоте» [4. С. 44]. Литературовед Т. Хмельницкая отметила: «... оттенки цвета в воплощении природы часто передают у Паустовского то неясное, тревожное, еле уловимое состояние души, которое он называет «ощущением красоты и ожиданием встречи с нею» [5. С. 692].

Невозможно не заметить, как виртуозно К. Паустовский владеет словесной палитрой. Его описания лесов, лугов, заката, рек изобилуют оттеночными эпитетами, в его пейзажах мы часто встречаем не яркие цвета, а лишь их отсветы и полутоны. Например: «В Урженском озере вода фиолетовая, в Сегдене – желтоватая, а в озерах за Прой – чуть синеватая. В луговых озерах летом вода прозрачная, а осенью приобретает зеленоватый морской цвет...». Или: «Закат тяжело пылает на кронах деревьев, золотит их старинной позолотой. Внизу, у подножия сосен, уже темно и глухо. Бесшумно летают и как будто заглядывают в лицо летучие мыши. Какой-то непонятный звук слышен в лесах – звучание вечера, догоревшего дня». У Паустовского много характерных для импрессионистического стиля метафоричных образов: Мещера – «остаток лесного океана», леса – «кафедральные соборы» [6. С. 27, 28, 30].

Но как же К. Паустовскому удавалось подмечать малейшие отблески света, полутона красок? Как мы знаем, писатель встречался с большим количеством людей. Рыбаки, лесники, местные жители – все они, беседуя с писателем, обращали его внимание на такие особенности родного им края, которые не может заметить человек, впервые побывавший в нем. Паустовский же перенимал эти знания и, увидев впоследствии все своими глазами, с необыкновенной чуткостью передавал в словах выразительные детали местности, волшебную красоту природы.

Произведения К. Паустовского имеют много сходного с методом импрессионистического повествования. Это – зарисовка с натуры, метафорическая структура образа, многозначность деталей, полутона и оттенки цветовой картины мира. Наиболее ярко черты импрессионизма прослеживаются в таких повестях писателя, как «Кара-Бугаз», «Колхида», «Мещерская сторона», «Летние дни», «Повесть о лесах» и многочисленных рассказах, написанных во второй половине 30-х годов. В этих произведениях Паустовский не ставит острых социальных проблем, он любит красоту родной природы, заражает читателей необыкновенной любовью к Родине.

Литература:

1. Паустовский К. Книга о художниках. – М., 1966.
2. См.: Корецкая И.В. Импрессионизм в поэзии и эстетике символизма // Литературно-эстетические концепции в России конца 19 – начала 20 вв. – Л., 1975; Захарова В.Т. Импрессионистические тенденции в русской прозе начала XX века. – М., 1993; Усенко Л.В. Импрессионизм в русской прозе начала XX века. – Ростов-на-Дону, 1988 и др.
3. Холодова З.Я. Художественное мышление М.М. Пришвина. – Иваново, 2000.
4. Кременцов Л.П. К.Г.Паустовский. Жизнь и творчество. – М., 1982.
5. Хмельницкая Т. О Паустовском // Пришвин М.М. Паустовский К.Г. Повести. Рассказы. – М., 1997.
6. Паустовский К. Ильинский омут. – М., 1984.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Курина И.П.,

магистр филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)

К периферии литературного варианта русского языка относятся диалектизмы, специфические для местных говоров слова и выражения. Диалекты – в своей основе – это говоры крестьянского населения, являющиеся средством устного общения среди значительной части населения. Диалектные слова не являются стилистически нейтральными, их стилистическая значимость определяется в современной речи экспрессивными и экспрессивно-оценочными оттенками значений. Многие же из этих слов воспринимаются как нейтральные, и то, что они проникли в литературный язык из местных народных говоров, устанавливается лишь на основании показаний старых словарей, отдельных замечаний в художественных произведениях и других данных.

В художественной речи диалектизмы выполняют важные стилистические функции: помогают передать местный колорит, особенности речи героев. Использование диалектизмов в русской художественной литературе имеет свою историю. Поэтика XVIII века допускала диалектную лексику только в низкие жанры, в комедии; диалектизмы были отличительной особенностью нелитературной речи персонажей. При этом часто в речи одного героя смешивались диалектные черты различных говоров. Писатели-сентименталисты, предубежденные против грубого, «мужицкого» языка, ограждали свой слог от диалектной лексики.

Интерес к диалектизмам был вызван стремлением писателей-реалистов правдиво отразить жизнь народа, передать «простонародный» колорит. Диалектная лексика является лексикой внелитературной, лексикой устной разговорно-бытовой речи какой-либо части русского народа, объединенного территориальной общностью.

Диалектизмы в произведениях К.Г. Паустовского осознаются как чужие и сторонние литературному языку, своеобразные языковые инкрустации, употребляемые обычно в определенных стилистических художественно-выразительных целях.

В лексике произведений К.Г. Паустовского выявлено 99 диалектных слов, например:

Баштан (диал.) – то же, что бахча.

А я любил шум дождей, проселочные дороги, речные туманы, волны пшеницы и треск кузнечиков на знойных **баштанах** [VI, 336].

Баржа (диал.) – грузовое судно, обычно плоскодонное.

– Если бы адмирал Эбергардт, – опять сказал с подоконника горбоносый, – знал твои следовательские таланты, Саша, то не миновать тебе **баржи** [III, 503].

Гуторит (диал.) – говорить, разговаривать.

Об чем **гуторили**, никому не известно [IV, 589].

Жито (диал.) – всякий хлеб в зерне или на корню.

Жито колосилось на полях [II, 532].

Жупан (диал.) – у украинцев и поляков: старинный полукафтан.

И внешность у Гиляровского (я впервые увидел его уже стариком) была заметная и занятая – сивоусый, с немного насмешливым взглядом, в смушковой серой шапке и **жупане**, – он сразу же поражал собеседника блеском своего разговора, силой темперамента и ясно ощутимой значительностью своего внутреннего облика [IV, 586].

Зыбун (диал.) – трясына, легкий почвенный слой на заболачивающихся озерах, реках.

Он знал, что в Сибирь уезжает много народу, но ни разу не видел, чтобы из Сибири возвращались. И отец говорил, что в Сибири народ тонет, как в **зыбуне**, в болоте [IV, 513].

Дощаник (диал.) – большая плоскодонная лодка.

Мы сели в **дощаник** и поплыли, все время пересекая реку от одного берега к другому и вглядываясь в воду [II, 537].

Жалейка (диал.) – народный музыкальный духовой инструмент в виде деревянной трубки с раструбом из коровьего рога или бересты.

И поют в туманах за околицами пастушьи **жалейки** [II, 569].

Дробный (диал.) – расчлененный, разделенный на мелкие части, пункты.

Зачерпнув пену, я увидел в ней красную, очень **дробную** рачью икру и подивился тому, что икра может существовать в столь едкой воде [I, 411].

Изморозь (диал.) – снежный слой, образующийся на поверхности из оседающих влажных частиц воздуха в туманную морозную погоду, род инея.

Зима вступила в свои хмурые права. Густой дым клубился над крышами. Весь день горели на улицах высокие фонари, и, как всегда зимой, особенно сильно парили трубы пароходов и катеров. **Изморозь** трещала под ногами на каменных молах [II, 175].

Среди диалектизмов у К.Г. Паустовского преобладает лексика южных говоров. Описывая жизнь и быт людей юга, автор использует диалектные слова намеренно, с целью более яркого изображения действительности, вводя их в речь персонажей, а также в авторскую речь.

Диалектная лексика в произведениях К.Г. Паустовского в большинстве случаев не носит узко местного характера. Она понятна и хорошо знакома большому кругу людей.

Писатель пользуется ею очень умеренно, с большой осторожностью, включая в основном в речь персонажей из народа.

Литература:

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Гослитиздат, 1957-1958.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТОНИМОВ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА В «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Витько Н. Н.,

студент Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)

Фещенко Ю. В.,

магистрант Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)

Антонимы – яркое стилистическое средство языка. В произведениях К.Г. Паустовского их употребление придает речи выразительность, способствует всестороннему выяснению понятия.

Важнейшую роль играют антонимы в создании психологического портрета героя, передаче его настроения и эмоционального состояния. В «Повести о жизни» К.Г. Паустовского мы находим множество примеров использования автором антонимов именно с этой целью. При этом антонимы чаще всего применяются К. Паустовским как средство портретной характеристики героев произведения. Изображая отца, автор вспоминает его «немного **сутулым**, но **стройным**» (1, 7). При этом видимое противоречие понятий «сутулость» и «стройность» только подчеркивает индивидуальность персонажа. Внешняя, портретная характеристика отца писателя дополняется коротким, но емким описанием его характера, стиля мышления; все это усиливается антонимической парой: «мой отец был по существу совсем не **статистиком**, а **поэтом**» (1, 8). Иногда антонимы отражают возрастные особенности героев: «Но сейчас бабушка не **помолодела** от этого платья, как молодела раньше, а **постарела**» (1, 196). В некоторых случаях ряд эпитетов приобретает контекстуальный антонимический характер и дает полную и объемную характеристику героя. Таким например, мы видим портрет императрицы: «За полковником, Николаем Вторым, вошла, кивая, очень высокая сухая женщина в белом твердом платье, с огромной шляпой на голове. Страусовые перья свешивались с полей ее шляпы. Лицо у женщины было **мертвое, красивое и злое**. Это была императрица» (1, 208).

Антонимы используются для передачи психологических особенностей личности героя с помощью изображения его одежды: «За ней стояла высокая, величественная, как памятник, старая дама в **белоснежной** крахмальной кофточке с **черным** галстуком-бабочкой – жена профессора» (1, 27). Чтобы создать картину религиозного паломничества во всей его противоречивости, К. Паустовский тоже использует антонимическую пару: «Впереди ползла седая женщина с **белым испуганным** лицом. Она держала в руках **черное** деревянное распятие» (1, 24). В этом случае антонимия используется в виде такого приема, как контраст, передавая жесткость, сухость характера героини. Особую роль играют антонимы при создании портрета матери героя. Начитанная женщина, она искренне любит свой народ: «**Библию**» ей заменял спрятанный в окованном сундуке «**Кобзарь**» Шевченко» (1, 4). Переживание героини К. Паустовский изображает при помощи контекстуальных разнокорневых антонимов: «Мать **осунулась, почернела**, но уже **не плакала**, только часами **сидела** на отцовской могиле» (1, 9). Одежда матери и отца также является средством их характеристики: «Мама надевала свое праздничное серое платье, а отец – **черный** костюм с **белым** жилетом» (1, 29).

С помощью антонимов возможно противопоставление героя другому герою или группе лиц: «Нас удивила разница между царем и его свитой. Николай, **невзрачный** и даже **мешковатый**, терялся среди обширной свиты. Свита **звенела и сверкала золотом** и сереб-

ром, лакированными голенищами сапог, лядунками, аксельбантами, темляками, саблями, шпорами, ментиками и орденами» (1, 208).

Антонимы могут служить для передачи противоречивости характера героя. В «Повести о жизни» мы находим много таких примеров: «Большинство санитаров и врачей относились к Соколовскому с добродушным любопытством. Их забавлял этот раздерганный безусловно **талантливый**, но **пустой** человек» (1, 37).

Часто для характеристики персонажа используются антонимические пары глаголов со значением движения. Об одной из своих родственниц автор пишет так: «Она не **входила** – она **влетала**, как тонкая сверкающая птица, в белом платье из легкого шелка» (1, 30). Антонимическая пара здесь передает стремительность, порывистость характера и поведения героини.

Иногда антонимы помогают передать мечты и желания, стремления героев романа. Так, одна из героинь произведения утверждает: «Сейчас я обернулась **нищенкой**, но стоит мне сбросить лохмотья, и я превращусь в **принцессу**» (1, 150).

Антонимы могут отражать систему взглядов и убеждений героев романа. О гимназическом учителе Клячине автор пишет: «Он был **живым анахронизмом** и вместе с тем самым **передовым человеком** из наших учителей» (1, 208). Передавая особенности мировоззрения бабушки, писатель также использует антонимическую пару – антитезу: «**Религиозность** удивительно уживалась в бабушке с **передовыми идеями**» (1, 22). Антонимический ряд передает особенности характера и взглядов на мир отца: «Как говорил отец, он не боялся ни **бога**, ни **черта**, ни смерти» (1, 36). В «Повести о жизни» К. Г. Паустовского антонимы используются для передачи эмоционального состояния как отдельных персонажей, так и народа, толпы: «**Плач**, который нельзя было отличить от **смеха** (а может быть, это был действительно **смех** изголодавшихся людей, вдохнувших запах горячей говядины), стоял над толпой» (1, 50). Эмоциональное состояние, чувства автора передают антонимические пары: «В начале этой книги я писал: «Я верил, что жизнь готовит мне много очарований, встреч, **любви** и **печали**, **радости** и **потрясений**, и в этом предчувствии было великое счастье моей юности. «Сбылось ли оно – покажет будущее» (1, 130).

Литература:

1. Паустовский К.Г. Собрание соч. в 6-ти томах, Т. I. Повесть о жизни. – М.: ГИХЛ, 1957 – 1958.

ЗАИМСТВОВАННАЯ (ФРАНЦУЗСКАЯ) ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Лященко А.А.,

студент факультета русской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)

Румянцева Т.М.,

студент факультета русской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)

Займствованием называется перемещение из одного языка в другой различных элементов: слов, морфем, звуков и значений. Обычно заимствуются слова в целом. В произведениях К.Г. Паустовского мы наблюдаем заимствования из славянских и неславянских

языков. Самыми многочисленными являются заимствования из французского языка. Французские слова стали появляться в русском языке в допетровскую и петровскую эпоху, но особенно много пришло их в русский язык в конце XVIII – начале XIX века.

В произведениях К.Г. Паустовского мы наблюдаем слова бытового характера, относящиеся к жилищу, одежде, украшениям, туалету, предметам кухни и стола, к светскому обиходу: терраса, шинель, комбинезон, одеколон, парфюмерия, маникюр, мармелад, вишнегрет, лимонад, десерт, вальс; термины искусства (особенно театрального): партер, фойе, афиша, эстрада, экран; слова из общественно-политической жизни: бюрократ, политика; слова, относящиеся к военному делу: атака, баррикада, патруль, авиация, база, бивак, гарнизон, пистолет; слова, относящиеся к торговле, промышленности, транспорту: магазин, киоск, монтер, экипаж, депо, багаж, купе, метро.

Например:

Абажур (франц.) – колпак из металла, стекла, бумаги, шелковой и пр. ткани, надеваемый на лампу для отражения света в определенном направлении и для защиты глаз от света.

Всю ночь в кабинете Флобера, заставленном экзотическими вещами, горела лампа с зеленым **абажуром** [IV; 387].

Абордаж (франц.) – атака корабля противника при непосредственном сближении с ним для рукопашного боя.

Я читал ... о парусных капитанах, прокопченных пороховым дымом в **абордажных** боях [II; 86].

Абсент (франц.) – спиртной напиток.

Ривьер выпил рюмку **абсента** [IV; 445].

Аванложа (франц.) – небольшое помещение перед видом в театральную ложу.

Я взглянул на себя в тусклое зеркало в **аванложе** [III; 173].

Аванс (франц.) – деньги (или другие ценности), выдаваемые вперед в счет заработка, причитающихся кому-нибудь платежей.

Война – никаких **авансов!** [III; 545].

Авантюра (франц.) – беспринципное, рискованное, сомнительное по честности дело, предпринятое в расчете на случайный успех.

Да и где я возьму денег на эту **авантюру?** [II; 111].

Бандероль (франц.) – 1. Бумажная обертка широкой лентой, или конвертом. 2. Небольшое почтовое отправление в бумажной обертке. 3. Ярлык на товаре в знак уплаты акциза или пошлины.

Кипы чайных **бандеролей** [II; 113].

Вальс (франц.) – танец трехдольного вращательного движения; получил широчайшее распространение в музыке XIX и XX веков; в форме вальса имеются художественные музыкальные произведения лучших композиторов.

Оркестр играл так далеко, что незаметные воздушные токи перепутывали его звучание, и можно было только догадаться, что оркестр играет **вальс** [II; 465].

Галета (франц.) – 1) род печенья; 2) большие сухие лепешки, приготовленные чаще всего из пшеничной муки, для морских плаваний, для продовольствия армии во время голода и в осажденной крепости и т.п.; готовятся также в другом составе для собак и лошадей.

Цены росли, и питались мы преимущественно сельтерской водой с **галетами**. Эти соленые, морские галеты целыми ящиками добывали в складах и делили поровну [III; 523].

Наиболее употребляема французская заимствованная лексика в «Северной повести» К.Г. Паустовского. Сюжет «Северной повести» и его развитие определяется с объективной стороны показом широкого круга исторических событий XVIII – XX веков.

Камчатский полк стоял в то время на Аландских островах, в городке Мариегамне (Голландия). Отсюда в речи героев повести много французской и голландской заимствованной лексики.

*В «Северной повести» К.Г. Паустовского мы наблюдаем наиболее разнообразную категорию слов. Среди них мы наблюдаем слова бытового характера: **каземат** (франц.) – одиночная камера в крепости для содержания заключенных узников; и **слова общественно-политические: дуэль** (франц. duel поединок, дуэль) – поединок между двумя противниками по вызову одного из них на заранее определенных условиях: Бестужев решил затянуть **дуэль** до того времени, пока не будут спасены офицер и матрос [II; 203]. Он был убит на **дуэли** из-за столкновения с командиром полка [II; 206]; **военные термины: артиллерия** (франц.) – артиллерийский полк; **термины искусства и науки: пастель** (франц.) – мягкие цветные карандаши для живописи, а также сам рисунок, выполненный такими карандашами (пейзажные пастели).*

В «Северной повести» К.Г. Паустовского отчетливо видно, что процесс заимствования может быть обусловлен как внеязыковыми, так и языковыми причинами. Внеязыковыми являются причины социально-исторического характера – разносторонние связи между народами; торгово-экономические, политические, культурные.

Литература:

1. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: В 6-ти томах. – М.: Гослитиздат, 1957-1958.

ЭКСПРЕССИЯ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДИЙ К. Г. ПАУСТОВСКОГО (Художественное мастерство К. Г. Паустовского)

Ершов Н.Н.,

*учитель русского языка и литературы муниципального
общеобразовательного учреждения
Кораблинская средняя школа №2
(Кораблинский район, Рязанская область)*

Проза К.Г. Паустовского поражает своей красочностью, точностью слов. Она насыщена массой знаний и тем легким поэтическим вымыслом, от которого прозаическая строка начинает фосфоресцировать таинственным зыбким блеском. Сам писатель – конечно же романтик по своей рыцарской верной любви к прекрасной музе странствий, а главное, по возвышенному благородству своего духа, мятежности темперамента, презирающего покой, и прекрасной человечности. В каждом произведении Паустовского проявляется его любовь и внимание к тайной красоте одухотворенной жизни природы земли, населенной людьми, тонко чувствующими и понимающими неиссякаемую музыку окружающего мира, стремящихся запечатлеть ее в своих художественных шедеврах. Еще раз необходимо выделить здесь главную мысль эпиграфа: без людей нет прекрасного в жизни. О них, о героях произведений Паустовского эта работа.

Образы его рассказов, новелл, повестей многочисленны. Герои могут быть французами, англичанами, скандинавами, русскими, но всех их объединяет отвага, мужество, стремление восхититься красотой земли, величественными проявлениями стихии. Одолеть и познать их. Экзотикой веет описание морских ураганов и яростных штормов.

И все-таки мужественные герои Паустовского выходят в море, борются со стихией, иногда гибнут, оставляя после себя легенды, песни, мифы, то, что живет веками.

Об этом, о таких людях рассказывается в повести «Золотая роза» в главе «Надпись на валуне». Читаешь эти строки, и мрачный холодный пейзаж зимней Балтики встает перед мысленным взором.

«Балтика зимой пустынна и угрюма... По горизонту весь день лежит слоями тяжелая мгла. В ней пропадают очертания низких берегов. Только кое-где в этой мгле опускаются над морем белые косматые полосы – там идет снег... Море уходит на сотни миль в черно свинцовые дали. На нем не видно ни одного огонька».

В это беспокойное, неприветливое море постоянно уходят на своих кораблях моряки, рыбаки. Многие не возвращаются, тонут в море, как это случилось с экипажем «Русалка», гибель которого так ярко описал Паустовский.

Всем уходящим в море посвящена надпись на гранитном валуне, лежащем на берегу моря: «В память о всех, кто погиб и погибнет в море».

Когда Паустовский узнал об этой надписи, она показалась ему печальной. Но с ним не согласились. Один латышский писатель высказал следующее: «Наоборот, это очень мужественная надпись. Она говорит, что люди никогда не сдадутся и, несмотря ни на что, будут делать свое дело. Я бы поставил эту надпись эпитафией к любой книге о человеческом труде и упорстве».

В книгах Паустовского очень много картин природы необыкновенной волнующей красоты, величественности, блеска. Многие герои произведений навсегда бывают поражены роскошью природы, и в их сердцах светлой музыкой запечатлевается свежесть утра, ласковый шелест дождей, океанский прибой шумящих лесов. Конечно, к таким людям относится сам Паустовский.

С какой восторженностью и поэтичностью написана им живописная картина Кара-Дага в повести «Черное море».

«Стены Кара-Дага были во многих местах рассечены от вершины до поверхности моря прямыми трещинами. Иные утесы стояли одиночными колоннами, высотой в сотни метров. Было непонятно, почему они не обрушиваются от малейшего колебания воздуха».

...В сотый раз я пожалел, что не родился художником. Надо было в красках написать эту геологическую поэму. В тысячный раз я почувствовал вялость человеческой речи. Не было ни слов, ни сравнений, чтобы описать могущество кратеров, дыхание моря, влитого в их пропасти, крики орлов и тысячи малейших ласковых вещей – всплесков воды, прозрачных струй, солнечных зайчиков и нежнейших водорослей и медуз, сообщавших величавому пейзажу оттенок простоты и безопасности».

Страстная влюбленность в природу Земли, тонкое и чуткое проникновение в красоту пейзажей заставляли Паустовского искать и находить точные слова для описывания живых, переливающихся различными красками картин окружающего мира, развивать в себе художническое видение. Об этом рассказ «Рассуждение о красках и бронзе», где героиней является художница Сметанина. «Я доказывал..., что художники должны учиться чувству красок около моря».

И дальше следует поэтичное, блестящее изображение красочной жизни моря: «Неизмеримые просторы воды создают глубину красок, которой не хватает иным художникам. Сложный мир отражений и различного по силе и по углам падения солнечного света, отблески берегов, сумрак туч и сверкание огней, резкая раскраска морских животных, красные скалы и белые пески – все это заключено в пространство воздуха, то полного влаги, то резкого, как дыхание пустыни. Краски или расплываются в неясные пятна, или высыхают и горят напряженным цветом, или, наконец, покрываются тусклостью, свойственной древним странам земли».

Паустовский делает художников, музыкантов героями своих рассказов, повествует о том, как они помогли увидеть окружающее по-иному. В повести «Золотая роза» есть глава «Искусство видеть мир». Паустовский начинает с утверждения, что в нашей литературе есть немало книг, написанных как будто слепыми. А нужно учиться видеть и передавать увиденное. В этом могут помочь художники.

Счастливы те, утверждает писатель, кто может так остро и пристально вглядываться в мир. Они принесут людям радость первооткрытия, сделают окружающее наряднее, веселее. Часто после картин люди тоже начинают видеть эти краски и удивляться, что не замечали этого раньше. Так произошло, например, с картиной французского художника Моне. Паустовский рассказывает, как он приехал в Лондон писать Вестминстерское аббатство.

Когда картина была выставлена, она произвела смятение среди лондонцев. Они были поражены, что туман у Моне был окрашен в багровый цвет, тогда, как всем известно, что цвет тумана серый.

И все-таки сомневающиеся, потом, приглядевшись, обнаружили, что туман действительно багровый. Этот цвет туману сообщают красные кирпичные лондонские дома. Моне впоследствии даже прозвали «создателем лондонского тумана».

Сам Паустовский увидел все разнообразие красок русского ненастья после картины Левитана «Над вечным покоем». До тех пор ненастье у него было окрашено в один унылый цвет. Но Левитан увидел в этом унынии некий отпечаток величия, даже торжественность и написал картину чистыми красками. С тех пор Паустовский полюбил ненастье за чистоту воздуха, холод, когда горят щеки, оловянную рябь реки, тяжелое движение туч.

При созерцании прекрасного возникает тревога, которая предшествует нашему внутреннему очищению. Будто вся свежесть дождей, ветров, дыхания цветущей земли, полноты неба и слез, пролитых любовью, проникает в наше благодарное сердце и навсегда завладевает им».

Много нового в узнавание Земли, говорит дальше писатель, внесли импрессионисты. Они как бы залили в свои полотна солнечным светом. Это привело к тому, что земля на их картинах предстала в каком-то ликующем освещении.

Со страниц книг Паустовского веет романтикой дальних путешествий, во всей своей прекрасной неповторимости встает Земля, предстают люди, влюбленные в голубые дали, прекрасные города, в свои высокие мечты. В романе «Блестящие облака» герои произносят здравицу за прекрасных людей всей земли, за умение видеть весь мир, отрешаться ради него от своих ежедневных скучных трудов и обязанностей.

Еще раз открываю «Зарубки на сердце». Вижу, как работал Паустовский над образом, как ради создания упругой, энергичной, литой прозы отказывался от множества эффектных подробностей, отбирая только те «мелочи», которые подобно лучам света, могли вырвать из темноты хаоса «быстротекущей жизни» человека или явление. Понимаю, как «труден подъем к простоте».

Общение с Паустовским – это не только открытие необыкновенного в обыкновенном. Это и познание себя, мучительный поиск красоты и истины, постижения мира сквозь магический кристалл настоящего искусства.

Литература

1. Паустовский К.Г. Золотая роза; Улан-Удэ, 1986.
2. Паустовский К. Потерянные романы; Калуга, 1962.
3. Паустовский К. Мещерская сторона; Москва, 1974.
4. Паустовский К. Повесть о жизни; Москва, 1962.
5. Паустовский К. Черное море; Лениздат, 1979.
6. Паустовский К. Блистающие облака; Санкт-Петербург, 1995.
7. Паустовский К. Телеграмма; Владимир, 2002.

ПОРТРЕТНЫЕ ОПИСАНИЯ В РАССКАЗАХ К. ПАУСТОВСКОГО

Литвин И.Н.,

доцент кафедры общего и русского языкознания
Черкасского национального университета
имени Богдана Хмельницкого (Украина, г. Черкассы)

К. Паустовский обладал удивительным даром – видеть человека, чувствовать его, улавливать источники людских переживаний. Именно этот дар помог писателю создать убедительные словесные портреты своих героев.

Портретное описание включает внешние характеристики персонажа (лицо, тело человека; прическу, одежду, аксессуары; кинетику) и внутренние (психологические). Для портретных описаний идиостиля К. Паустовского характерно соединение лексики, изображающей и внешние (соматические), и внутренние (рациональные, сенсорные) признаки человека в пределах одной синтаксической конструкции: Это **была высокая, весьма решительная женщина в пенсне** (История одной повести, 59); Мадам Левкович – еще **не старая, игривая, но очень скупая** женщина (Первый рассказ, 31). В плане стилистики такое переплетение лексики внутреннего и внешнего портрета передается К. Паустовским при помощи зевгмы – «соединения грамматически и семантически разнородных слов и словосочетаний» [3, 111]: К старухе неожиданно приехал из Парижа сын-художник, **бородастый, веселый и чудной** (Драгоценная пыль, 12); Слуга был под стать гостинице – **ленивый, всегда навеселе, нечистый на руку, но с открытым, простодушным лицом** (Ночной дилижанс, 159). В портретных характеристиках К. Паустовский отдает предпочтение описанию фонационных кинем, в частности, тембра, высоты, громкости голоса: Старик **говорил зауценным, монотонным голосом** (История..., 50); Анфиса была статная девушка лет девятнадцати... **с низким голосом** (История..., 50); **Голос** у него был **совершенно молодой** (Давно задуманная книга, 172).

Важным моментом является прием включения портрета в текст. Для прозы К. Паустовского, наряду с автономными описаниями, характерны портретные вкрапления – отдельные штрихи в виде характеризующей детали. Так путем портретных вкраплений создан К. Паустовским образ персонажа в произведении «Первый рассказ»: Это был ни-

зенький хмурый еврей в калошах на босу ногу; ... Но человек в калошах даже не оглянулся (с. 32); ... И это Иоська! Тот Иоська, что должен был учиться на фельдшера; ... Вы же его видели? Маленький, как тот мальчик, весь рыжий, голос писклявый, (с. 35)... И он был такой веселый, Иоська, – светился, как фонарь (с. 35); ... но он сделался совсем психический и с того дня начал пить и выпрашивать у людей на хлеб (с. 37). *Портретные штрихи рассредоточиваются по всему тексту, читатель не успевает воспринимать их как статичные элементы, они «вживляются» в повествование и создают динамическую картину изменяющегося внутренне-го и внешнего состояния персонажа. Поэтому можно говорить о динамическом портрете, который помимо характеризующей функции выполняет функцию актуализатора связности текста, объединяя отдельные его фрагменты в единое портретное целое [см.: 1, 137].*

В. Кухаренко отмечает: «Портрет определяет социальную принадлежность персонажа и входит в темпоральный континуум текста, ибо в costume находит свое отражение и эпоха, и время года, и время суток» [1, 136]. Так, К. Паустовский при помощи деталей одежды подчеркивает социальный статус персонажей: Мы во все глаза смотрели на людей **в серой арестантской одежде, в серых круглых шапочках** (Бунт героев, 45); передает внутреннее состояние героя: Она ходила **в черном**, как послушница (История..., 59). *Костюм в рассказе К. Паустовского указывает на время года: За носилками идет девушка в тупулчике, в теплом платке...*

Лингвисты подчеркивают, что портрет всегда оценочен. Оценка в идиостиле К. Паустовского передается при помощи лексических и стилистических средств, рисующих костюм персонажа: Все лето она [мадам Левкович] проходила **в скрипучем корсете** (Первый рассказ, 31); Старуха была вся **в черном стеклярусе, как цирковая змея** (Драгоценная пыль, 13) – **черный цвет одежды, метафора скрипучем, сравнение демонстрируют отрицательное отношение к персонажам. Сравнение в следующем портретном описании, в основе которого уподобление губ цветку, указывает на положительную оценку персонажа: Ярче влажных лепестков были ее губы** (Драгоценная пыль, 15).

В рассказах К. Паустовского наряду с монопортретами персонажей нередко представлен групповой портрет: Старые казахи ходили по улицам в широких коротких шароварах из набивного ситца с пестрым рисунком (История одной повести, 70). Если монопортрет служит средством индивидуализации персонажа, то групповой – средством обобщения: Он уложил меня спать в маленьком зальце с портретами предков – седобородых старцев в шелковых ермолках и старух в париках и черных кружевных шالях. У всех старух были слезящиеся глаза (Первый рассказ, 32). *Групповой портрет у К. Паустовского может отражать не только группу конкретных персонажей, а представлять собой философское размышление: Поколения сменяют друг друга. Светловолосые девушки с застенчивыми глазами и певучим говором становятся обветренными старухами, закутанными в тяжелые платки. Румяные юноши в щегольских кепках превращаются в щетинистых стариков с невозмутимыми глазами* (Надпись на валуне, 20).

Таким образом, портретные описания в идиостиле К. Паустовского служат средством индивидуализации персонажа, определяют его социальный статус, входят в темпоральный континуум текста, указывают на распределение авторских симпатий и антипатий.

Литература:

1. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М., 1988.
2. Паустовский К.Г. Золотая роза: Психология творчества. – М., 1991.
3. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – Киев, 2002.

ДОПОЛНЕНИЕ К КОММЕНТАРИЮ («Кордон «273» К.Г. Паустовского)

Соколянская Е.П.,

член общества «Мир К.Г. Паустовского» (Украина, г. Одесса)

В практике преподавания русского языка как иностранного определенную трудность представляет обращение к художественной литературе. Ведь зачастую у обучаемых нет навыков чтения художественной литературы и на родном языке.

Редкое методическое пособие обходилось без упоминания имени Паустовского, но эти учебные тексты мало походили на художественную литературу. Студенты узнавали о подарке Грича для Дагни, о героической защите Одесской водоканчки, о верности Насти – кружевницы, о братьях Пироговых, о старом поваре и Моцарте, о капитане Шестакове. Но это был бледный пересказ фабулы [1], сопровождаемый указанием – по К. Паустовскому.

Положение спасали методические разработки преподавателей – руссистов, позволяющие все же читать художественный текст с адекватным его восприятием. Почитатели Паустовского не оставляли попыток приобщить иностранных учащихся к творчеству писателя.

Заметно улучшилось положение с появлением книги для чтения «Мещорская сторона», подготовленная Л.С. Ачкасовой. Книга и сейчас, спустя десятилетия после ее выхода, не утратила своей ценности. Она актуальна, как актуально творчество К. Паустовского. Но даже в самом безукоризненно выполненном труде бывают мелкие упущения. В рассказе «Кордон 273» отсутствует комментарий к поэтическим строчкам, введенным в ткань повествования. Это относится в первую очередь к «Песне цыганки» [2] Я.П. Полонского (1819-1898). Удивительна судьба этого стихотворения. Написанное в 1853 году, оно и сейчас «на слуху» в виде песни. В комментарии [3] к нему читаем:

«Музыка Чайковского (1886), Гоффман, Лишина, Метнера, Флярковского. Популярен как цыганский романс на музыку неизвестного композитора в обработке Пригожего, а также на музыку Ф. Садовского (из репертуара В. Козина)».

Яков Петрович Полонский родился в Рязани и прожил там до девятнадцати лет, затем поступил на юридический факультет Московского университета. В студенческие годы подружился с А. Фетом, А. Григорьевым. Тогда же познакомился с И.С. Тургеневым, дружба с которым прошла через всю его жизнь. Н.В. Гоголь записывает себе в тетрадь полюбившееся стихотворение из первого сборника Полонского «Гаммы» (1844):

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей...

А. Блок записывает в своем дневнике понравившиеся строки Полонского:

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен, мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

Ф.М. Достоевский восхищался «Колокольчиком» Полонского. Ввел его в ткань повествования романа «Униженные и оскорбленные». А столетие спустя вдруг далеко не сентиментальный И. Бунин весенней парижской ночью вспоминает «Зарницу» Полонского, и рождается прелестный рассказ «В одной знакомой улице», парафраза знаменитого стихотворения, ставшего острожной песней, а затем романсом, который пели в студенческой среде в 1840-1860 годы.

Надо полагать, что К. Паустовский из шести куплетов «Песни цыганки» выбрал именно полюбившиеся строки третьего куплета, и они «завучали» в рассказе «Кордон «273». Можно сказать, что эта цитата – дань памяти Полонского, славного сына рязанской земли.

Литература:

1. Галева М., Иевлева З., и др. Сборник текстов для чтения / для чтения студентов – иностранцев / - М., 1966. – с. 160. – с.180. – с. 181-183. – с. 203-204. – с. 206-208. – с. 218-220.

2. Паустовский К., Мещорская сторона: Книга для чтения с комментарием. – М.: Русский язык, 1984. – с. 97-112.

3. Русский романс. – М. 1987. – с. 591

СПОСОБЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБОБЩЕНИЯ У К. ПАУСТОВСКОГО (повести 20-30-х годов)

Логвин Г.Л.,

*Киевский открытый международный университет
развития человека «Украина» – Николаевский филиал*

К.Г. Паустовский – признанный писатель-романтик, один из основоположников романтического течения в русской литературе 20-30-х годов XX века – сформировался в условиях беспокойной революционной действительности, сумев сохранить романтически-созерцательный взгляд на жизнь, гуманистическое мировоззрение. Это видим уже в первых его крупных произведениях «Романтики» (1923) и «Блистающие облака» (1928). Так, герой «Романтиков» Максимов в поисках идеала мечется в выборе между двумя женщинами Наташей и Хатидже, но они не идеальны, и его мечта не осуществляется. Специфика романтического недовольства действительностью состоит и в «зараженности» мечтой о втором мире. И она присуща как Максиму, так и героям «Блистающих облаков» писателю Батурину и Бергу. Их романтическая настроенность выражается «острым ощущением иных эпох», когда «бродячие рыцари, поверившие в девственность Марии, ... целовали, скрежеща ржавыми латами, истлевшие ее покровы»¹.

Герои Паустовского – раннего – это современные ему «рыцари», искатели прекрасного, необычные люди, не от «мира сего», несколько «странные», бродячие мечтатели, далекие от повседневности, которые тоскуют по тому, чего нет.

Три героя «Блистающих облаков»: Батурин, Берг и Кравченко посвятили себя розыску пропавших дневников летчика Нелидова, имеющих значение для воздухоплавания и изучения взаимосвязи человека с воздушным пространством. Это и обуславливает их путе-

¹ Паустовский К.Г. Романтики. Соб. Соч. в 8 тт. 1967, т. 1, 248. в дальнейшем том и страница этого издания указаны в тексте.

шествие. На поиски из вдохновляет сестра Нелидова. При этом у каждого из них свое отношение к встречающимся явлениям новой, послевоенной и послереволюционной действительности, а у Берга и Батурина – и свои «романы».

Особенности произведений Паустовского связаны с романтическим данным художественным обобщением. Л. Ачкасова верно заметила, что «Паустовского интересует духовный мир художника-романтика...» и «мы имеем здесь дело не с реалистической типизацией, а с романтическим художественным принципом обобщения»². Но романтизму свойственен не один вид обобщения: здесь встречаются и художественная идеализация, и романтическая типизация, и эмоциональная поэтизация действительности. Предельный максимализм героев, наличие призрачного в реальном («вещие» сны, предчувствия, вся абстрагированность высказанного в раннем творчестве К. Паустовского, свидетельствует о том, что в его произведениях 20-х годов обобщение происходит прежде всего путем художественной идеализации («проекция» романтического героя на реальную действительность, выбор «идеальных моментов, резкий контраст прекрасного и безобразного, «излучение» из авторской личности двух-трех романтических героев и другие приемы, которые сочетаются с натурально-грубым»). В частности языку раннего Паустовского еще присущи бытовизмы, иногда богемные слова: «бросить» (человека), «вранье», «прет», «коробка» (вместо голова) и т.д., как дань «портовой» лексике 20-х годов; встречаются и неоправданные параллели, например: «Идет вот такой мужичонка, порты подтягивает, – смотришь на него и дрожишь, может быть в душе-то он Толстой или Горький» (т. 1, с. 388). Сам Паустовский считал эти свои ранние произведения еще слабыми. И они уступают его произведениям 30-х годов, хотя представляют большую эстетическую ценность. В языке этих произведений Паустовского видим цветистость, приподнятость: «Прекрасная страна, а сила в ней – рыжая, тугая ... румянец в щеки так и прет» (т. 1, с. 388).

Образы, структура художественной ткани, композиция, жанровые и языковые особенности произведений К. Паустовского 20-х годов связаны с такими приемами как романтический контраст, близость героя к природе, романтическая отъединенность его от общества, сужение мира и др. «Двоемирие» и «отстраненность» тоже усиливают романтическое звучание, служат средствами художественной идеализации. Романтика Паустовского чутка к социальным преобразованиям 20-х годов. Используя, наряду с романтическими, реалистические приемы обобщения, К. Паустовский правдиво изобразил исторического, современного ему человека, как свободную, «потенциальную» развивающуюся личность. Писатель здесь шел от романтики абстрактной к романтике конкретной, к поэтизации действительности.

Таким образом, в произведениях К. Паустовского 20-х годов выделение «идеальных» моментов в жизни героев происходит путем художественной идеализации, а изображение реальной действительности, «объекта» совершается романтической типизацией и поэтизацией действительности.

Последнее все более становится заметным в его произведениях 30-х годов. Концепция человека в «Кара-Бугазе» – 1932, «Колхиде» – 1934, «Черном море» – 1934, «Северной повести» – 1939 – это утверждение человеческой гордости и достоинства, но это и необычные характеры, их поэтическая преобразованная сущность.

Оставаясь «странником», человек Паустовского 30-х годов становится исследовате-

² Ачкасова Л.С. Ранняя проза Паустовского К.Г. (1912-1932) // Вопросы романтизма в русской литературе. Сб. 2. Уч. записки Казанского университета, Т. 124, кн. 5. – Казань, 1964, с. 126.

лем старины и деятелем истории и современности. Шацкий, Жеребцов, Прокофьев, Габуния, Невская, Шмидт, Бестужев – все это герои духовного богатырства и красоты, которые живут с напряжением всех своих душевных сил, побеждая невзгоды, совершая подвиги во имя человечества – людей, которых любят больше, чем самих себя.

Так, во время восстания в Севастополе в 1907 г., лейтенант Шмидт принял на себя командование крейсером «Очаков», а затем и флотом, тогда, когда судьба восстания была предreshена, для того чтобы спасти матросов, пострадав (вместе с Частником и другими вожаками) за них.

Офицер Бестужев, жертвуя собой, спасает участника декабристского восстания Щедрина, которому помогает шведская девушка Анна Якобсен пробраться в Стокгольм, тоже рискуя жизнью ради любимого человека (Бестужева) .

Более «спокойны» Прокофьев, Габуния, Гарт, Невская, но и они прекрасны всякий раз по-своему.

Об изображении женских характеров надо сказать особо. В них заметны простота, мужество и красота. Только в «Черном море» художница Сметанина, которая вовремя подает нужные советы то писателю Гарту (прототип А. Грин), то автору-повествователю, хотя и учится у них жизни. Сметанина скупа на выявление своих чувств; она изображена лаконично, предельно «внешне», «силуэтно», «просто».

Мужество женщины подчеркнуто образом пилота Зои; за всеми ее переживаниями стоит лирическая женственность. Гимном мужеству женщины зазвучит позднее образ Аграфены («Повесть о лесах»), подвиги совершают Невская, спасая капитана Чепу («Колхида»), Анна («Северная повесть») и др.

Образы женщин романов и повестей Паустовского – это дифирамб женской красоте и природе, которая ничуть не ниже мужской и не менее (а скорее более) романтична.

В этом смысле произведения К. Паустовского имеют неоценимое воспитательное значение, ибо, как известно, «Красота спасет мир».

МОЯ ДОРОГА К ПАУСТОВСКОМУ

Башкарев П.Г.,

научный сотрудник музея К.Г. Паустовского (Украина, г. Одесса)

Мы приходим к Паустовскому. Паустовский приходит к нам. Между этими понятиями не должно быть границы.

Первый раз я познакомился с творчеством Константина Георгиевича, когда мне посчастливилось подписаться на шеститомник его произведений. Потом я уже следил и доставал новые его произведения. Можно, конечно, читать всевозможные детективы, можно читать эротические романы, можно вообще ничего не читать. Включил телевизор... Только потом с ужасом удивляемся: малыши дошкольного возраста или школьники младших классов задушили своего сверстника...

А можно читать Паустовского.

В начале мая 2002 года ко мне обратились с вопросом:

– Как ты относишься к Паустовскому?

– Однозначно. Мы воспитывались на его произведениях.

А нужно было оказать посильную помощь в праздновании 110-й годовщины со дня рождения писателя. Я принимал участие в обсуждении мероприятия, а потом пришел на торжество с фотоаппаратом.

31 мая в золотом зале литературного музея города Одессы проводился «круглый стол» по случаю юбилея К.Г. Паустовского. Символично то, что после этого выступил молодежный вокальный ансамбль одесской филармонии «Возрождение». Таким образом, я второй раз пришел к Паустовскому. И он меня благословил.

В институте я преподавал математику. Но увлекался также фотографией, историей родного края. Встречался с интересными людьми. Об этом я любил рассказывать своим студентам. В советское время на кураторских часах. После развала Союза в Одесской академии пищевых технологий организовали на общественных началах университет культуры. Преподаватели проводят «семинары по увлечениям», чтобы не дать пропасть интеллекту. Не секрет, что СССР был высоко интеллектуальной страной. Когда я заметил, что мои доклады пользуются интересом, я стал их записывать, а потом набирать на компьютере. В конечном счете, я вышел на новый уровень. Стал печатать свои воспоминания в газете и на страницах альманаха «Южный город». 23 января 2004 года проходила презентация третьего выпуска сборника «Южный город». В нем была напечатана моя заметка о выдающемся советском фотохудожнике Валерии Александровиче Шишине. Приведу свое выступление на этой презентации.

Товарищи, я хотел бы, нет, не поблагодарить, а сказать большое спасибо присутствующим и в первую очередь Павлу Анатольевичу Мацкевичу (редактору) за то, что мы имеем возможность держать в руках эту книгу.

– Почему?

– Конечно, приятно написанное тобой увидеть напечатанным. Вдвойне приятно, если там воспоминания твоей юности. И все-таки, не это самое главное.

С развалом Союза ушла целая эпоха в истории государства и в нашей жизни. Уже успело вырасти новое поколение. А что оно знает о том периоде?

– Что был какой-то холокост, что был голодомор тридцатых годов (о голодоморе девяностых, очевидно, начнут смаковать лет через 70), что были еще какие-то жуткие мос-

кали. Но мы жили в то время. И если современной молодежи только снится свет в конце туннеля, то нам светило огромное солнце. Да, мы чувствовали и видели недостатки; да, мы жили небогато, но очень интересно. У всех было полноценное школьное образование, и мы с уверенностью смотрели в будущее.

В 2002-ом году я впервые попал у нас в Одессе в музей Паустовского (кстати, там и остался). А перед этим мне задали такой вопрос: «Как ты относишься к Паустовскому?» Я пожал плечами. – Действительно, как? – Однозначно. Мы воспитывались на Паустовском. С Константином Георгиевичем мне встречаться не довелось. Но было очень много других интересных людей, которые по духу были очень близки к Паустовскому. В мою бытность студентом очень многие мои знакомые ходили «на Шишина или Пикерсгиля». Часть из них называла себя учениками Шишина или Пикерсгиля (доцент кафедры автоматизации Одесского института пищевых технологий, но в Советском Союзе его знали как собирателя великолепной музыки).

Здесь я хотел бы провести некоторую параллель между Шишиным и Паустовским. Паустовский – художник слова, Шишин – фотохудожник. Паустовский в поездки всегда брал с собой фотоаппарат, для Шишина фотоаппарат был как бы продолжением его самого. И тот, и другой были неординарными личностями, интересными собеседниками, прекрасными людьми. Для себя Валерий Александрович иногда делал записи. Это были краткие и очень меткие характеристики кого-то или чего-то. Одним словом: набор великолепных афоризмов. Если бы их издать, был бы замечательный литературный памятник его эпохи.

А однажды (в студенческие годы) в моей жизни был удивительный день. Нет, ничего особенного в тот день не произошло. Интересные встречи были потом. А тогда мы шли от квартиры Шишина на Свердлова, 43 (сейчас это улица Канатная) к университету пешком. По дороге, естественно, кого-то встречали. В тот день мы встретили около десяти знакомых Шишина. И каждый задавал ему один и тот же вопрос: «Валерочка, мы так давно не виделись. Когда сможем встретиться?» И для всех был один и тот же ответ: «Ну, давай, как всегда, в среду в три часа». А когда мы отходили, он обращался ко мне: «Ты его знаешь?» – «Откуда?» – «Так это же заслуженный артист (или художник, или одесский поэт или писатель)» – Все это были известные личности. Я шел, не чувствуя земли под ногами. Как намекнуть, что я тоже хотел бы прийти? Я искал и не мог придумать повод. Но когда мы уже расставались, он сам обратился ко мне с вопросом: «Надеюсь, ты тоже придешь?» – Конечно! – вырвалось у меня. Так я попал на Шишинские среды. ... Люди менялись. Беседы были незабываемые. Вот бы все это записывать! Но даже знакомства наши ограничивались лишь именами. Было достаточно того, что нам хорошо. Жизнь казалась бесконечной.

МОТИВЫ И ОБРАЗЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЫ К.Г. ПАУСТОВСКОГО 1930-Х ГОДОВ В ПОВЕСТИ «МЕЩЕРСКАЯ СТОРОНА»

Касаткин В.М.,

*краевед, член Союза журналистов России
и Рязанского исторического общества (г. Рязань)*

В главной книге своей «Повести о жизни» К.Г. Паустовский описал такой эпизод – в московском магазине ему завернули кусок голландского сыра в обрывок географической карты средней России. Как истинный природолюб, заядлый рыболов и путешественник, Пау-

стовский стал внимательно изучать клочок карты «такой заповедной страны - и не выдуманной, а действительно существующей - лежал передо мной. Бесконечные леса, озера, извилистые реки, едва намеченные пунктиром заросшие дороги, пустоши, деревушки, лесные кордоны и даже настоящие дворы - все, о чем я мечтал в своей жизни, было собрано здесь.

Обрывок карты относился к Мещерским лесам.

В конце лета (1930 года) я поехал туда, и с тех пор вся моя жизнь круто изменилась, окрепла, приобрела новую ценность, - впервые я узнал как следует Среднюю Россию. С тех пор сильнейшее чувство любви к ней, к своей, до тех пор неизвестной, но родной родине, ни на минуту не покидало меня, где бы я ни был...»

Эта встреча с Мещерской стороной, поселком Солотча, что «в лесной глуши, на север, за Рязанью», - стала как перст судьбы. Приехав сюда впервые, он остался здесь на два с лишним десятилетия (1930–1954 годы), а «Мещерская тема» стала главной в его творчестве и самой плодотворной порой жизни Паустовского.

В первые свои два приезда в Солотчу писатель жил в доме «вековушки» М.М. Костиной (ул. Порядок, 74).

Поселок Солотча, расположенный на южной окраине Мещерских лесов, и окружающие его живописные пейзажи сразу пленили Паустовского.

В начале писатель освоил ближнюю, а потом и дальнюю округу Солотчи. Отсюда, из Солотчи, потянулись в разные стороны «тропы Паустовского».

Первые свои впечатления о Мещере Паустовский отразил в очерке «Мещерский край», опубликованный в 1931 г. в журналах «Наши достижения» (№ 4) под редакцией А.М. Горького и «На суше и на море». Этот очерк был «первой пробой пера», подступом к теме «Мещерской стороны». Написан он в стиле «строгой очерковости», близкой к документальному повествованию. Он писал о поселке Солотча и его достопримечательностях, о живописной природе, упоминает дом с мезонином гравера И.П. Пожалостина (1837-1909), в усадьбе которого, в бревенчатой баньке, он поселился с осени 1932 года. Здесь он написал рассказ «Медные доски» - о бывшем хозяине дома Пожалостине, о его гравюрах и картинах, о необходимости их сохранения как народного достояния в музее.

Наиболее плодотворно работал Паустовский над «Мещерским циклом» произведений во второй половине 1930-х годов. В 1935-36 годах он написал и опубликовал несколько рассказов о своей жизни в Солотче в журналах «Мурзилка», «Пионер» и «Смена». В 1937 году они вышли отдельной книгой под названием «Летние дни» с авторским предисловием (рассказы: «Барсучий нос», «Золотой лить», «Кот-ворюга», «Последний черт» и «Резиновая лодка»).

В этом сборнике рассказов Паустовский повествует о своей веселой, полной разных приключений летней жизни в Мещере вместе со своим другом писателем Р.И. Фраерманом. Действующими лицами этих рассказов являются люди, животные и природа. Они проникнуты любовью и радостью жизни, добрым юмором, милосердием к «братьям нашим меньшим». Рукой зрелого мастера он живописует поэтические картины мещерской природы.

Тесно примыкают, а точнее - дополняют и продолжают цикл «Летние дни» другие рассказы писателя - «Акварельные краски» («Молодая гвардия», 1936, № 6), «Желтый свет» («Пионер», 1936, № 11), «Ленька с малого озера» («Правда», 1937, 18 окт.) и «Семья Зуевых» («Комсомольская правда», 1938, 29 окт.).

Художник-пейзажист Берг, ежедневно тесно общаясь с природой мещерского поля, не только мечтал работать над этюдами «как одержимый», но у него проснулось ра-

достное чувство родины. И это преображение удивило самого художника-скептика («Акварельные краски»).

Повествует Паустовский о семье простого лесника Семена Зуева, «тараканья жизнь» которого до революции не заглушила в нем стремление к образованию и чтению. Все его дети «вышли в люди», получили высшее образование. А младший сын (описанный под разными именами - Ваня, Ленька, Вася) - любознательный парнишка, прекрасно знавший свои родные места, - стал проводником писателя по мещере («Ленька с малого озера», «Семья Зуевых»).

Художественное освоение Паустовским темы Мещерского края, начатое в очерках и рассказах 1930-х годов, завершилось повестью «Мещерская сторона», которая вышла отдельной книгой в издательстве «Детская литература» в 1939 году, которая по справедливости считается высшим достижением лирико-романтической прозы писателя конца 1930-х годов, является подлинным его шедевром.

Многие образы героев, темы, эпизоды, события, фразы, даже целые фрагменты предшествующих произведений вошли в состав повести «Мещерская сторона».

В строгом смысле слова «Мещерская сторона» повестью не является, так как здесь нет сюжета, - это первая особенность книги. Вторая особенность состоит в том, что главным «действующим лицом» повести является природа. Жанр «Мещерской стороны» можно определить как яркий образец художественного краеведения, художественного природоведения.

Сам К.Г. Паустовский в статье «О новелле» так написал о своей книге: «Я сделал опыт работы над книгой, которая вся строится на пейзаже, - писал Паустовский, - «Мещерская сторона». Я очень боялся: на чем же будет книга держаться и возможно ли будет ее еще читать? Ведь здесь три печатных листа сплошного пейзажа, - а книга выжила. Я иногда сам над этим задумываюсь: почему? И, думаю, потому, что этот край для меня является своего рода второй родиной».

Выход книги вызвал ряд положительных откликов в прессе. Приведем одно высказывание о повести «Мещерская сторона»: «Это и есть собственная страна писателя, открытая им для себя и для нас и открывающая нам Паустовского как истинного художника. В этом рассказе есть простое течение природы, воссозданное Паустовским с такой воодушевляющей прелестью, которая лишь изредка удается художнику слова» (А.П. Платонов).

На страницах повести «Мещерская сторона» мы вновь встречаемся с персонажами его мещерских рассказов, живыми прототипами которых были жители поселка Солотча и его округи. Среди них «Ленька, сын сапожника» из рассказа «Кот-ворюга» (настоящее имя Алексей Васильевич Самарский), это Семен и Ленька Зуевы из рассказов «Ленька с Малого озера» и «Семья Зуевых». Но в повести они названы своими подлинными именами - Кузьма Леонтьевич и Василий Кузьмич Зотовы. Упомянут и молодой тогда поэт Константин Симонов, отдохнувший летом 1938 года в обворожительной Солотче.

Литература:

1. Паустовский К.Г. Мещерский край // Наши достижения. - М., 1931. - №4.
2. Паустовский К.Г. Собр. сочинений в 9 томах. - М.: Художественная литература, 1982-1983. - т. 3. - С. 600-631; т. 5. - с. 511-512; т. 6. - с. 111-114, 137-155, 169-174; 200-204; 1984. - т. 8. - с. 350.
3. Паустовский К.Г. Семья Зуевых // Комсомольская правда. - 1938. - 29 окт.; сокр. // Мир Паустовского. - М., 1995. - № 5. - С. 5-6.
4. Платонов А.П. Константин Паустовский // Детская литература. - М., 1940. - № 9.

ОНИ ОБА БЫЛИ ПЕВЦАМИ РОДНОГО КРАЯ

*Афанасьев В.М.,
краевед (г. Рязань)*

Вспоминаются строки поэта Евгения Маркина, посвященные Паустовскому в стихотворении «Листопад»:

«Пламенеть листопаду!
Пламенеть, пламенеть...
Журавлиным отрядам
Грусть прощальную петь.
Перламутровым росам
Вызреть до утра...
Ах осень,
Золотая пора!»

К.Г. Паустовский Рязанский край называл «второй Родиной». Ему Рязанский край был дорог не только Солотчей, но и городом Рязанью, где жили родственники его жены, у которых неоднократно останавливались супруги Паустовские. Первая жена К.Г. Паустовского Е.С. Загорская-Паустовская происходила из рязанских мест. Она родилась в с. Подлесная Слобода Рязанской губернии, сейчас Луховицкий район Московской области.

Отец ее С.А. Загорский был здешним священником, мать М.Я. Городцова – сельской учительницей. Церковь и здание школы сохранились до наших дней. В этой церкви летом 1916 года венчались Константин Паустовский и Екатерина Загорская. В 2002 году в день 110 годовщины со дня рождения К.Г. Паустовского на храме открыта мемориальная доска об этом событии. В 1923 году после скитаний по югу страны К.Г. Паустовский вместе с женой попадает в д. Екимовку Рязанской губернии, к дяде жены – местному священнику. Этот период жизни под Рязанью он описал в «Книге скитаний» в главе «Полевая тишина». Паустовский пишет, что в центре России почувствовал себя «русским человеком до последней прожилки», и осознал свою любовь к родной земле и ее природе, народу. Он писал: «Я испытывал непрерывную радость от близости к земле, к России. Тогда я полностью почувствовал, что она действительно моя. Великие судьбы и потрясения ждали ее, я же твердо знал, что прелесть ее полей, ее далей, ее небес всегда останется удивительной и неизменной».

В приложениях ко второму тому издания «Повести о жизни» есть немало писем о Рязанском крае.

В 1932 году К.Г. Паустовский, оставив службы в журналистике, целиком посвятил себя писательскому творчеству, о котором писал позже: «Писательство соединяло в себе привлекательные профессии мира. Тогда я еще не знал, что писательство – это труд, тяжкий и расточительный, что даже одна-единственная крупница правды, утаенная писателем от людей – преступление перед собственной совестью».

Он поселился в поселке Солотча в усадьбе И.П. Пожалостина под Рязанью. К.Г. Паустовский пишет: «Впервые я попал в Мещерский край с севера из Владимира. За Гусем-Хрустальным, на тихой станции Тума я пересел на поезд узкоколейки. Это был поезд времен Стефенсона».

В «Книге скитаний» К. Паустовский высказал признание о том, какое влияние на него оказал С. А. Есенин. «Есенину я обязан многим. Он научил меня видеть небогатую и просторную Рязанскую землю – ее синеющие речные дали, обнаженные ракиты, в которых посвистывал октябрьский ветерок, пожухлую крапиву, перепадающие дожди, молочный дым над селами...».

Несколько лет я прожил в есенинских местах вблизи Оки. То был огромный мир грусти и тишины, слабого сияния солнца и разбойничьих лесов». Есть глубинная связь наследия Есенина и Паустовского. В повести «Мещерская сторона» в разделе «Родина талантов», так он назвал Рязанскую землю, – наряду с Анной Голубкиной, Иваном Пожалостинным, Абрамом Архиповым, Филиппом Малявиным назвал и Сергея Есенина.

Вспомним один из шедевров Есенина:

«Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?
А за ним,
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз».

Паустовского и Есенина, возможно, в какой-то мере лирически внешне, связывала «стальная конница»: первый приехал в Мещерский край от Тумы до Солотчи по узкоколейной железной дороге, а второй, учась в Спас-Клепиках, возможно добирался до села Криуши, а далее до родного Константинова, через леса и луга на «смешном дуралее». А они оба возвращали и возвращались в эту «сосновую благодать», как писал Евгений Маркин.

Есть еще какая-то внутренняя связь лириков поэзии и прозы – С.Есенина и К. Паустовского. Их роднит патриотизм к родной земле, ее народу и красоте ее просторов.

Первый родился в этих краях, второй назвал их «Второй Родиной» и они как бы встретились в этих местах. Есенин в своих стихах сказал:

«Тебе одной плету венки,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся - далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая».

Паустовский писал: «Я не знаю страны, обладающей такой огромной лирической силой и такой трогательно живописной – со всей своей грустью, спокойствием и простором, – как средняя полоса России. Величину этой любви трудно измерить. Каждый знает это по себе. Любишь каждую травинку, поникшую от росы или согретую солнцем, каждую кружку воды из лесного колодца, каждое деревцо над озером, трепещущее в безветрии листьями, каждый крик петуха и каждое облако, плывущее по бледному и высокому небу.

И если мне хочется иногда жить до 120 лет, как предсказывал мне дед Нечипор, то только потому, что мало одной жизни, чтобы испытать до конца все очарование, всю исцеляющую силу нашей русской природы».

С открытием для себя Мещерского края писатель вошел в один из самых счастливых и плодотворных периодов своего творчества. Повесть «Мещерская сторона», цикл рассказов становятся как бы первыми главами той большой лирической поэмы о Родине, которую Паустовский будет создавать всю жизнь.

В память о пребывании К.Г. Паустовского в г. Рязани по инициативе общественности, в 110 годовщину со дня рождения писателя, на одном из зданий города открыта мемориальная доска, а областной юношеской библиотеке присвоено его имя.

БЕЛАЯ НОЧЬ ПАУСТОВСКОГО

Линник Ю.В.,

*доктор философских наук,
преподаватель Карельского государственного
педагогического университета (г. Петрозаводск)*

1. Белая ночь для К.Г. Паустовского – мистерия, таинство, откровение. Описывая это состояние природы, писатель выявляет свою модель мира, главная черта которой – её двуплановость: за непосредственно данным сквозит иное. Белая ночь способствует этому чудесному проступанию. Она как бы трансцендирует: переходит сама – и переносит чуткого созерцателя – за грань яви. Она вся иносказательна. И потому – символична. Подобное мироощущение – с характерной для него дихотомией бытия на явное и неявное – восходит к Платону. Романтизм и символизм – его наследники. В русле этой традиции находится созданный К.Г. Паустовским образ белой ночи. Понятно, что в эпоху воинствующего материализма писатель о многом умалчивал – но сегодня мы можем открыто сказать: К.Г. Паустовский близок платоникам – как и они,

исподволь он возводит нашу мысль к высшему, идеальному. Белая ночь под его пером становится тончайшим средостением, сквозь которое пробивается загадочный свет инобытия. Мы навсегда попадаем под гипноз этого света.

2. Платон заронил в человеческую душу томление о нездешнем, запредельном. Точные координаты этим устремлениям невозможно задать. Отсюда неопределённость романтического порыва. В «Повести о лесах» К.Г. Паустовский пишет о том, что белая ночь – источник «таких вот неясных человеческих состояний»¹. Надо ли пытаться наводить на резкость весеннюю дымку? Это пустое дело. Иносказанию всегда присуща некоторая размытость. Инобытие с нами говорит именно на языке иносказаний.

3. А.А. Потенба пишет: «необходимо указать на основное условие существования поэзии, вне чего поэзия превращается в прозу, а именно: иносказательность»². Проза К.Г. Паустовского обладает всеми признаками поэзии. А это означает, что слову тут возвращается первожданность, когда оно – согласно А.А. Потенбе – было двоящимся внутри себя символом, а не мёртвым однозначным ярлыком. Слову-символу соответствует мир-символ. Трактовка мира как текста – причём заведомо поэтического, а не прозаического – искони соприсуща культуре.

Через посредничество К.Г. Паустовского белая ночь помогает нам уловить сокровенный символизм бытия. Она двоится между реальным и мнимым, вещественным и сновидческим. Противоположности в ней амбивалентны. Само словосочетание – «белая ночь» — есть оксюморон. Оно парадоксально. Для К.Г. Паустовского белая ночь является фактом поэзии.

4. Феномен поэзии понимался К.Г. Паустовским расширенно. Это не просто ритмизованная и рифмованная речь, а особое состояние души, проецируемое на мир и передающееся ему. Вот строка Гёльдерлина, над которой много размышлял М. Хайдеггер: «поэтически жительствоует человек на земле»³. Вначале этот способ обитания поэт относил к звёздам. Но потом оно было «присвоено смертным»⁴. Поэзия как бы опустилась на землю – и простой человек ощутил себя небожителем. Нечто подобное мы находим у К.Г. Паустовского. Для трансцендирования ему не нужна потусторонняя реальность. Онтологическая граница, которую Платон искал в немыслимых высях, у него может проходить через соседнюю опушку – заросший пруд – крылья стрекозы. Намечала её и белая ночь. Небесное она вплотную приближала к земному – неисповедимо растворяла разделяющую их границу. Где источник вдохновения? Мифы отвечают: в небесах. Белая ночь позволяет черпать из него непосредственно. К.Г. Паустовский вспоминает, как он «слушал старую сказительницу из Заонежья, чьи песни рождались из северной ночи»⁵. Природа сейчас потворствует художественным озарениям. В её свете играючи возникает затейливый деревянный узор. Его набрасывает угольком пожилая женщина.

— А как же она работает? – спросила Тая.

— Сначала тоскует. Сидит иной раз до полуночи на крыльчке, на востоке в избу, всё томится. Ночью у нас по лету всё в свету, в белизне. В такие ночи дыхание у человека воздушное, как сквозь сон какой-то.

Сколь своеобразно тут раскрывается психология творчества! Замечательно сказано о томлении – белая ночь наполнена им всклень. Томная черемуха – томное марево – томные дрозды. Попадая в плен этого настроения, душа испытывает катарсис, приносящий чувство свободы и раскованности.

5. Белая ночь К.Г. Паустовского преображает мир. Будто мы оказываемся на новой земле и под новыми небесами. Материя стала другой — и перестала гравитировать. Читаем в «Повести о лесах» про белую ночь: «Всё было чисто и невесомо — и песчаный берег, и гладь воды, и мгла, порождаемая каждым открытым пространством»⁷. Далее описываются грузные баржи, стоящие на Большой Невке: они «казались сейчас, в свете ночи, совершенно невесомыми»⁸. Узы тяготения сошли на нет. Мнится, что всё находится в состоянии свободного парения — и поэтому теперь можно обойтись без Пегаса. Мир открыт. Белая ночь дематериализует пейзаж. Вещество начинает сквозить, просвечивать. В момент этого развоплощения его застаёт кисть художника: «Величественные здания, окружавшие Мари, казались нарисованными акварелью»⁹. Это из «Северной повести». Здесь говорится о «странном освещении» белой ночи¹⁰. Пользуясь удачным термином В.Б. Шкловского, о белой ночи можно сказать так: она мастер остранения. Блестяще пользуясь этим приёмом, белая ночь превращает знакомое в неузнаваемое — отсюда эффе́кт новизны бытия, его первосотворённости. К.Г. Паустовский говорит о свете белой ночи: «Нельзя было догадаться, откуда он исходил»¹¹. Белая ночь А.А. Ахматовой похожа на белую ночь К.Г. Паустовского:

И всё перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

Параллель к необычной озарённости белых ночей мы находим в «Откровении» Иоанна Богослова: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его» (20, 23). Великий визионер переносит нас в Небесный Иерусалим. Разве белая ночь не пророчествует о нём? Иоанн Богослов описывает эсхатологическое Преображение. Белая ночь — пролог к нему.

6. Находясь в Петрозаводске, К.Г. Паустовский заинтересовался слюдой — необычный северный минерал действовал на него колдовски. Благодаря ему у писателя появилось новое изобразительное средство. Серебро — фольга — олово: в северных пейзажах К.Г. Паустовского они играют роль красок. Теперь к ним прибавилась слюда. Вот Петрозаводск, увиденный в белую ночь: «Город весь был какой-то слюдяной»¹². Просвечивая навывлет, он уводил взгляд в романтическую даль Онего, казавшееся К.Г. Паустовскому заколдованным. Весь космос обретал сквозящую прозрачность. Где была непроницаемость? Метаморфозу совершила поэзия. Писатель признаётся: «Знакомство со слюдой прибавило к облику Карелии несколько поэтических черт»¹³. Если поэзия немыслима без метафор, то её предшественница здесь — природа: слюду можно назвать метафорой и белой ночи, и двуровнего мира в целом. Она побуждала К.Г. Паустовского на философские размышления. Писателя удивляло, что пластинки минерала, будучи отделены «от большого и тяжёлого куска совершенно чёрной слюды, оказывались белыми и прозрачными»¹⁴. Слюда сочетает в себе противоположные качества. И ведь сколь контрастные! Чёрное и белое — как в знаке ян и инь — обнаруживают свою взаимобратимость. Слюда предстала К.Г. Паустовскому овеществлённым оксюморонам. В своей светлой ипостаси она символизировала предельное уточнение материи. Работа писателя над словом шла в этом же направлении. Субстанция слова, слюды, белой ночи: общее тут — напитанность несказанным светом. Эта необычная инвариантность задаётся поэзией.

7. К.Г. Паустовский и М. Хайдеггер были современниками. Между ними много перекличек. Вот что М. Хайдеггер пишет о творчестве Гёльдерлина: им «движет специальное

поэтическое предназначение — опозитизировать сущность поэзии»¹⁵. Как это подходит к К.Г. Паустовскому! Поэзия для него тотальна. Она пронизывает и мир, и язык, и экзистенцию. Удержание бытия в таком состоянии и есть Преображение. Сегодня это удаётся сделать разве лишь на мгновение. Его называют прекрасным. К.Г. Паустовскому было дано дольше других находиться внутри чудесных мигнов. Через них приоткрывалась вечность. Но время всё равно брало своё. Лирическая печаль о преходящем полнит многие страницы К.Г. Паустовского. Вот его признание: «Человек не может примириться с неизбежным исчезновением этой красоты, этих очарованных ночей». 16. И ещё: «Я не знаю, как лучше назвать томительный свет белой ночи. Загадочным? Или магическим?»¹⁷. П.А. Флоренский писал о том, что пространство может двоиться между «есть и не есть»¹⁸ — белым ночам поручено свыше передавать эту неразличимость действительного и мечтательного. Они грезят наяву — и эти грёзы не иллюзорны: они пророчат о Преображении, творимом орфической силой поэзии. Книгам К.Г. Паустовского этой силы не занимать.

Литература:

1. Паустовский К. Г. Собр. соч. Т. 3. М., 1982. С. 47.
2. Потебня А. А. Мысль и язык. М., 1999. С. 233.
3. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 295.
4. Там же. С. 296.
5. Паустовский К. Г. Собр. соч. Т. 5. М., 1982. С. 534.
6. Там же. С. 479.
7. Паустовский К. Г. Собр. соч. Т.3. С. 46.
8. Там же. С. 48.
9. Паустовский К. Г. Собр. соч. Т. 2. М., 1981. С. 257.
10. Там же. С. 257.
11. Там же. С. 257.
12. Паустовский К. Г. Собр. соч. Т.3. С. 276.
13. Паустовский К. Г. Собр. соч. Т. 5. С.536.
14. Там же. С.536.
15. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина. СПб., 2003. С.67.
16. Паустовский К. Г. Собр. соч. Т. 3. С.275.
17. Там же. С.275.
18. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М., 1991. С.60.

ЛИВЕНСКИЕ ПРОТОТИПЫ ГЕРОЕВ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Беляева Л.А.,

краевед (г. Ливны, Орловская область)

В апреле 1924 года К.Г. Паустовский приехал в Ливны, маленький уездный город Орловской области, чтобы, как говорил он сам, «отдышаться после тяжелой зимы в Москве».

Здесь жила давняя знакомая молодой семьи Паустовских Нина Дмитриевна Нацкая – врач железнодорожной больницы. Их дружба началась в 1914 году, когда Н.Д. Нацкая, К.Г. Паустовский и Е.С. Загорская – будущая жена Константина Георгиевича, служили в передвижном госпитале – санитарном поезде № 226.

В дневниках Константина Георгиевича за 1916-17 г.г. встречаем краткие пометки: «Звонил Нине...», «В Гиреево на даче Нина Нацкая и Крол» (так он называл Е. Загорскую), «Утро. У дверей Нина Нацкая» и т.п.

Фронтное знакомство переросло в настоящую дружбу. Он дарил ей каждую свою вышедшую книгу с трогательными автографами. Часть этих книг Нацкая передала в Ливенский народный краеведческий музей. Из автографов видно, с каким уважением Паустовский относился к Нацкой. Я приведу в этой подборке некоторые из них:

«Встречные корабли», повести и рассказы. М., 1928 г.

«Старому другу Нине Нацкой», 15 сентября 1928 г.

«Ценный груз» М., 1931 г.

«Нине Дмитриевне взамен писем (временно)» 30 апреля 1932 г.

«Кара-Бугаз» М., 1932 г.

«Дорогой Нине Дмитриевне на добрую память о лете в Заливенке» в 1931 г., ноябрь 1932 г.

«Колхида», М., 1934 г.

«Нине Дмитриевне Нацкой – в знак дружбы» ноябрь 1934 г.

«Как я работаю над своими книгами» М., 1934 г.

«Нине Дмитриевне Нацкой – в знак того, что идея «Кара-Бугаза» зародилась у нее в Ливнах».

Упоминание о Нине Дмитриевне мы встречаем в «Девонском известняке», «Ливенских грозах». Узнаем ее в образе Нины Порфирьевны из книги «Повесть о лесах».

В Ливнах Нина Дмитриевна жила в своем доме на улице Акатовской вместе с матерью Варварой Петровной и братом Александром Дмитриевичем Нацким – известным геологом, исследователем Туркмении и Западного Казахстана. Во время одной из экспедиций он попал в плен к басмачам, претерпел жестокие пытки и тяжело заболел.

Нацкий показал Паустовскому свои научные труды, карты и сотни фотографий, сделанных им в Закаспии, поведал о своих странствиях. К.Г. Паустовского больше всего заинтересовал залив Кара-Богаз-Гол. Впоследствии он писал об этом: «Замысел новой книги родился у меня в голове... Через некоторое время эти мысли вылились в замысел «Кара-Бугаза». Паустовский навсегда сохранил чувство глубокой благодарности к ученому из Ливен. Он писал о А.Д. Нацком в «Повести о жизни», в «Золотой розе», в статьях «Как я работаю над своими книгами» и «О новелле». Геолог Нацкий стал прототипом геолога Шацкого в повести «Кара-Бугаз».

В 1954 году Константин Георгиевич пишет в письме Правительству РСФСР с просьбой увеличить пенсию Нацкому следующие слова: «Ему я, по существу, обязан своей книгой «Кара-Бугаз», встретившей общее признание в стране и среди писателей, начиная от Алексея Максимовича Горького до Романа Роллана».

К.Г. Паустовский совершил поездку на Мангышлак, собрал большой материал, а писать книгу приехал в Ливны. «В силу чего – не знаю. Может быть в силу прямой противоположности ливенских мест Закаспийской пустыни».

На сей раз летом 1931 года Паустовский приехал в Ливны всей семьей – с женой Загорской Екатериной Степановной и сыном Вадимом. Поселились они на окраине города в слободе Заливенской в доме Бондарева Ивана Тихоновича, стоявшем на крутом берегу реки Быстрая Сосна. Сейчас на этом доме по ул. Аникушкина, 17 висит мемориальная доска: «В этом доме в 1931 году жил и работал известный советский писатель Константин Георгиевич Паустовский».

Паустовским отвели большую комнату с тремя окнами, выходившими на запад. Позднее описание этого дома встречается неоднократно в произведениях Паустовского и его сына Вадима Константиновича.

Константин Георгиевич подружился с хозяином дома Иваном Александровичем, с которым частенько подолгу разговаривали – неторопливо, обстоятельно, с уважением выслушивая друг друга. Паустовский увлекался рыбной ловлей. Рыбу он ловил с Иваном Александровичем или с его сыном Георгием. Обычно плавали на лодке-плоскодонке на Адамовскую мельницу. Сцену рыбалки на Сосне Паустовский описал в рассказе «Старик в потертой шинели». Вадим Константинович вспоминает, что героя этого рассказа отец встретил в Ливнах.

Паустовский помногу писал, иногда по ночам. Работал он очень сосредоточенно, никому не позволяя себя отвлекать.

Из этого дома он писал Е.С. Загорской: Ливны 14 сентября 1931 г.

«С твоим отъездом в доме стало тихо и мертво. Оживление вносит только Дим.... Вчера начал писать книгу о «Кара-Бугазе»...».

Константина Георгиевича заинтересовало увлечение дочери хозяев Анфисы живописью. Он помог ей подготовить документы для поступления в Московское училище, а Екатерина Степановна отнесла в училище работы Анфисы и сообщила в Ливны, что она принята.

Читая «Повесть о лесах», мы находим много общего в образе одного из героев Николая Никитовича с Иваном Александровичем Бондаревым.

А образ смелой и решительной девушки Анфисы мы встречаем в «Повести о лесах», «Ливенских грозах», «Лето в Ливных».

К.Г. Паустовский не был в Ливнах после 1931 года.

В 1962 году участники литературного объединения «Проталинка» при газете «Знамя Ленина» готовились отмечать 70-летие писателя. Послали приглашительные билеты К.Г. Паустовскому и Н.Д. Нацкой.

Нина Дмитриевна сообщила, что Константин Георгиевич лежит в Кремлевской больнице. У него инфаркт. А сама она приехать не может.

30 мая в Доме культуры собрались почитатели творчества К.Г. Паустовского. Вдруг появился почтальон с телеграммой. «Ливны литературному объединению при газете Знамя Ленина Беляеву Юрию Николаевичу».

Часто вспоминаю Ливны, милых Ливенцев, в частности чеховского самоотверженного врача Нину Дмитриевну Нацкую, реку Быструю Сосну, вездесущих ливенских мальчишек, жаркий городской сад, где я писал в ветхой беседке свою первую большую книгу. Спасибо за память, привет Вам, Могилевцевой, Смирнову и всем участникам литературного вечера.- Паустовский- ».

Ливенцы бережно хранят память о К.Г. Паустовском. Одна из библиотек носит его имя.

А 2-4 августа 1996 года в Ливны съехались почитатели таланта писателя на Российский литературный праздник. Прошла научная конференция, встречи, вечера, экскурсии по местам Паустовского.

Но самой интересной и незабываемой стала теплая встреча через 65 лет: встретились Вадим Константинович Паустовский и Алиса Ивановна Бондарева в старом доме над Сосной, где жила семья Паустовских в 1931 г.

ПАУСТОВСКИЙ И МУЗЫКА

Коровникова З.Н.,

*учитель Сохинской общеобразовательной школы
(Старожилковский район, Рязанская область)*

Гребенникова З.С.,

*учитель Сохинской общеобразовательной школы
(Старожилковский район, Рязанская область)*

Муравьева Н.В.,

*организатор воспитательной работы
Сохинской общеобразовательной школы
(Старожилковский район, Рязанская область)*

Летом 2002 года учителя литературы, музыки, библиотекари школ Старожилковского района своеобразно отметили 110-летие со дня рождения замечательного мастера слова, неповторимого стилиста, романтика и патриота, воспевшего в своей поэтической прозе красоту родной земли, в том числе и нашего Рязанского края, Константина Георгиевича Паустовского.

Методический кабинет управления образования района организовал для нас познавательную экскурсию в Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского. Большое впечатление на нас произвели содержательная экскурсия, интересные экспонаты, а самое главное – душевность и радушие, с которыми нас, рязанцев, встретили сотрудники музея. Встретили как земляков его второй родины – Мещеры, как людей, близких по духу, как родных. Мы были очень растроганы таким теплым, неофициальным приемом.

Подвижность сотрудников музея подтолкнуло нас к мысли о более глубоком изучении наследия Паустовского в школе. О том, что нам удалось сделать за прошедшие 5 лет, мне и хочется рассказать.

В этом году мы снова отмечаем юбилей любимого писателя: 31 мая 2007 года исполняется 115 лет со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского.

К.Г. Паустовский и школа... как соотносятся между собой эти два явления? Одним из секретов этого писателя, его творчества является то, что имя его, его книги могут занять достойное место на полках не только учителей словесников и начальных классов, но и учителей географии, истории, МХК и музыки... и потому кажется несправедливым, как обидно мало отводится места в школьных программах изучению произведений Паустовского. Мы, учителя Сохинской основной школы: преподаватель исто-

рии, музыки и МХК Гребенникова З.С. и преподаватель русского языка и литературы Коровникова З.Н. – решила хоть как-то исправить эту несправедливость. Те, кто внимательно читает книги К.Г. Паустовского, всегда отмечают его восторженную любовь к искусству в особенности к музыкальному. Любовь писателя скромна, сдержанна, глубока. Для героев Паустовского музыка – опора в жизни, помогающая им побеждать недуги, быть великодушными в любых обстоятельствах, даже самых тяжелых. Опора, дарящая радость, обогащающая духовно, дающая веру.

В процессе нашего знакомства с творчеством К.Г. Паустовского в школе детям предлагаются рассказы «Беглые встречи», «Поводырь», «Тост», «Молитва мадам Бовэ», «Повесть о моей жизни», «Черное море», сказка «Растрепанный воробей», в которых «звучит» музыка Прокофьева, Шостаковича, Чайковского, Верди, знакомые и незнакомые песни, романсы. Вся наполнена музыкой Чайковского «Повесть о лесах», в школе изучается отрывок из нее под названием «Скрипучие половицы». И хотя в них нет каких-то пространственных объяснений музыки, восхищенных слов, сама словесная ткань очень музыкальна, поэтична и вызывает у детей возвышенные, восторженные чувства.

К.Г. Паустовский недаром считается одним из самых музыкальных русских писателей: в его рассказе «Струна» звучит мелодия П.И. Чайковского, в рассказе «Корзина с еловыми шишками» — музыка Э. Грига, в рассказе «Старый повар» – музыка В.А. Моцарта.

Чтобы дети прочувствовали музыку, звучащую в произведениях К.Г. Паустовского, мы, педагоги, должны настроить их на ее восприятие.

Поэтому при подготовке к урокам по творчеству Паустовского учителю литературы нелегко обойтись без участия учителя музыки, который даст грамотный совет, поможет найти нужные музыкальные записи, примет активное участие в подготовке и проведении интегрированного урока литературы и музыки.

Таким образом, у нас с Зоей Николаевной сложился творческий союз по изучению произведений литературы о музыке, композиторах и музыкантах. Мы с ней вместе решали непростую задачу как провести уроки, совмещая литературу и музыку.

Конечно же, начинаем с подбора произведения, затем находим нужную музыкальную запись, иллюстрации, продумываем ход рассказа, работаем над выразительным чтением рассказа. Обращаемся, например, к рассказу Паустовского «Старый повар». Художественное чтение учителя литературы сопровождается прекрасной музыкой (звучит фрагмент из 2-й части симфонии «Юпитер» Вольфганга Амадея Моцарта).

Каждый раз трудно предугадать, как закончится урок в том или ином классе, насколько глубоко воспримут учащиеся рассказ К.Г. Паустовского и музыку Моцарта, захочется ли им прочитать и другие произведения писателя и слушать классическую музыку. В зависимости от эмоционального настроения ребят мы повторяем слушание этой музыки или даем им послушать еще какое-нибудь произведение Моцарта или другого композитора. Но чаще всего урок заканчивается в полной тишине, дети находятся под глубоким впечатлением от музыки Моцарта и музыки мастера поэтического слова Паустовского.

Таким образом, создается возможность проложить путь к следующему подобному уроку и рассказать детям о том, что музыку Моцарта любил известный русский композитор Петр Ильич Чайковский, который всегда хотел, чтобы его музыка прино-

сила людям «подпору и утешение» и мы эту возможность использовали не раз для разработки и реализации цикла уроков по теме «Паустовский и музыка». Следуя логике, следующий урок посвящаем рассказу К. Паустовского «Скрипучие половицы» и музыке П.И. Чайковского.

При чтении рассказов К. Паустовского «Корзина с еловыми шишками», «Старый повар», «Скрипучие половицы», «Струна» мы замечаем одно важное обстоятельство: речь в низ идет о музыке и музыкантах. В большинстве произведений Паустовского музыка помогает понять характер героев, их переживания, делает текст более поэтичным и возвышенным.

А только ли этот писатель берет музыку в союзники, стремясь сделать прозу поэтичной? Мы, учителя музыки и литературы, предлагаем детям сначала поискать такие рассказы, а потом и самим сочинить лирические миниатюры, в которых описание музыки передавало бы эмоциональное состояние героев при помощи возвышенной лексики. Учитель литературы готовит учащихся к выполнению такого задания, применяя методы, используемые в системе работы по развитию речи.

И вывод о том, что без музыки литературное искусство не только потеряет прекрасные рассказы о музыкантах и композиторах, но и утратит важные выразительные средства собственно литературного языка, станет для учащихся более осязаемым. Кроме того, в сознании школьников постепенно будет формироваться понимание того, что и музыка, и литература, и живопись отражают жизнь людей, только средствами выражения мыслей и чувств у каждого вида искусства свои.

Поскольку главный герой рассказа «Корзина с еловыми шишками» Эдвард Григ, на уроке звучат фрагменты сюиты «Пер Гюнт» Грига. С некоторыми из них, как и с самим термином, школьники знакомятся со второго класса. Многие учителя начальной школы и учителя филологи знают и любят оркестровую пьесу «Утро», часто включают ее в ткань своих уроков. Яркая изобразительность музыки Грига может пробудить фантазию самого неэмоционального человека. Каждый учитель как литературы, так и музыки может найти свой путь изучения творчества К.Г. Паустовского и знакомства с музыкой, которая живет в его произведениях. Главное, не надо забывать наследие этого замечательного, глубокого писателя. Важно использовать его в полной мере для воспитания чувства прекрасного у наших детей и научить их видеть это прекрасное в жизни и создавать его, как это делал Константин Георгиевич Паустовский.

Нам удалось заинтересовать учащихся творчеством К.Г. Паустовского. Многие из них после уроков, посвященных его творчеству, стали активными читателями школьной библиотеки, выбирая для чтения книги любимшего писателя. Школьный библиотекарь Муравьева Наталья Викторовна умело поддерживала интерес детей к творчеству Паустовского, знакомя с его необычной биографией, организуя внеклассные мероприятия с опорой на интересные детям факты жизни и творчества писателя, тесно связанные с Рязанским краем.

Так, в 2002-2003 учебном году проводилась областная игра среди детских общественных организаций «Сокровища земли Рязанской», посвященная 225-летию образования Рязанской губернии, и наши ребята с библиотекарем решили принять в ней участие. Одно из заданий игры – «Мещерская сторона» – имело целью формирование устойчивого интереса к историческому и культурному наследию Рязанского края, развитие познавательной активности у детей. Выполняя это задание, ребята решили боль-

ше узнать о писателе, который в своих произведениях много внимания уделял описанию мещерского края. Ученица 7 класса Гребенникова Ксения от имени всех ребят написала письмо сотрудникам Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского с просьбой заочно рассказать нам о жизни и творчестве писателя.

Сотрудники музея с удовольствием откликнулись на просьбу и прислали богатый материал (журналы, статьи, газеты, буклеты) о Паустовском. Весь этот материал мы использовали в библиотеке. Была организована выставка, с учащимися старших классов проводилась литературная гостиная, а учащиеся начальных классов совершили заочное путешествие по Рязанскому краю с остановками в интересных местах, в том числе и тех, которые связаны с именем писателя.

Мы благодарны сотрудникам музея за их внимательное отношение к нашей просьбе. Весь присланный материал хранится в школьной библиотеке и используется на уроках и внеклассной работе.

В наших планах на будущее стоит задача возобновить связи с Московским литературным музеем-центром К.Г. Паустовского и повторить ту незабываемую экскурсию в музей, но уже с детьми своей школы. Надеемся, что наша мечта сбудется.

УРОКИ ПАУСТОВСКОГО

Силкин А.В.,

руководитель клуба «Летописцы родного края»

Дома детского творчества р.п. Гусь-Железный

(Касимовский район, Рязанская область)

В 1975 году в Рязани родился новый областной подростковый лагерь – «Аргонавты». Основной особенностью лагеря было то, что в отличие от своих стационарных собратьев у него не было заборов, он был передвижным, а маршрут проходил по наиболее живописным местам Рязанской Мещеры: Клепиковское озерное кольцо, красавица Пра, Окский государственный заповедник, Кочемарские луки в долине Оки, нижнее течение реки Гусь. Таким образом, помимо освоения основ туризма и приобретения навыков безопасной деятельности в условиях природной среды, маршрут позволял практически познакомиться подросткам с разнообразием Мещеры: голубой гладью озер, сосновыми борами, таинственными болотами, разноцветьем приокских заливных лугов.

Напряженная походная жизнь с постоянной занятостью от подъема до отбоя значительно затрудняла организацию воспитания чувства прекрасного в окружающей природе. И тогда на помощь пришли страницы произведений Константина Паустовского. Конечно, учитывалась то, что знакомство с рассказами и повестями писателя у ребят уже состоялось. Так родились «Уроки Паустовского».

Первый урок начинался обычно на кордоне 273, описанию которого Константин Георгиевич посвятил отдельный рассказ. Здесь летом жили родственники «дяди Леши» – главного героя рассказа. В первый же сезон лагерь принял активное участие в заготовке сена, которое, согласно указаниям лесного начальства, должен был заготовить лесник Петр Желтов – старший сын дяди Леши. После уборки сенокосного луга состоялась продолжи-

тельная беседа с Петром Желтовым, живым свидетелем посещения кордона Константином Паустовским.

После беседы участники лагеря посетили ближайшие озера – Орос и Шую. На Шую ребятам было предложено внимательно осмотреть озеро и попытаться выявить его особенности. А затем зачитали описание этого озера из рассказа «Кордон «273»:

«Круглое, как чаша, с прозрачной и совершенно спокойной водой, оно отражало весь этот синий и мглистый, струящийся день, всю его глубину и свежесть. Каждый куст остролиста, белые, почти прозрачные цветы водокраса, коряги, заросшие хвощем, застенчивые незабудки во мху, стаи мальков, уткнувшихся носами в подводные корни, – все это казалось таким сказочным, что мы говорили вполголоса. Будто нас впустили в дремучий светлый край, где можно увидеть, как на глазах раскрываются лесные цветы, как с них медленно стекает на подставленную ладонь роса, как шевелится бурый лист и из-под него прорастает, выпрямляя плечи под своим маленьким коричневым армячком коренастый гриб боровик».

И в последующие дни участники лагеря вновь сверяли свои впечатления с оценкой писателя. Так, например, после прохождения лесо-лугового участка вспоминали следующие строки:

«Лесные запахи набегали волнами. Подчас трудно было определить эти запахи. В них смешивалось все: дыхание можжевельника, вереска, воды, брусники, гнилых пней, грибов, кувшинок, а может быть, и самого неба...».

А после выхода на просторы Оки, вечером, глядя с высоты правого берега на разноцветные огни бакенов и перевальных знаков, как-то по-новому воспринималось следующее определение:

«В сумерки луга похожи на море. Как в море, садится солнце в травы, и маяками горят сигнальные огни на берегу Оки. Так же как в море, над лугами дуют свежие ветры, и высокое небо опрокинулось бледной зеленеющей чашей».

Представление о море особенно усиливалось при прохождении пассажирских тепловых, огни которых долго выписывали светящие линии по петлям Оки.

Двадцать лет строки, написанные Константином Паустовским, сопровождали рязанских «аргонавтов». Финансовые изменения в стране прекратили походы. Сейчас, в более скромных масштабах, каждое лето эстафету «аргонавтов» продолжает лагерь «Мещера», созданный на базе воспитательного центра при рязанской школе № 34. Проводится определенная работа и в других учреждениях образования. Так в Касимовском районе ребята регулярно участвуют в эколого-краеведческих экспедициях, районном конкурсе «Родные истоки» и других массовых мероприятиях.

Но сегодня этого недостаточно. И хочется верить, что придет время, когда появятся массовые летние учебно-просветительные лагеря – малые академии социальной и прикладной экологии – как наиболее эффективная форма комплексного воспитания и обучения подростков в условиях природной среды. И пусть главной задачей этих лагерей станет практическое воспитание любви к родному краю. А среди основных учебных пособий по углубленному изучению Мещеры будут книги Сергея Есенина, Василия Пескова, Ивана Назарова, Евгения Маркина, Григория Рыженкова и, конечно, Константина Паустовского. И возможно, будут найдены новые педагогические приемы, которые позволят найти более эффективные тропинки к сердцам подростков. Чтобы они, как и выдающийся писатель «в глубине сердца», тоже прониклись тем, что есть «...этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать

прекрасное, как бы невзрачно на вид оно не было, – этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь». Ибо без любви к родному краю невозможно по-настоящему прочувствовать понятия: «своя страна», Родина.

Вайсберг Б.С.,

писатель, краевед (г. Екатеринбург)

Осенью 1963 года я читал в журнале «Новый мир» очередную книгу Паустовского – «КНИГУ СКИТАНИЙ». Читал, как обычно, с упоением, наслаждаясь, кроме всего, и стилем любимого писателя. Но – несколько отстраненно. И вдруг остановился, пораженный! Паустовский пишет об истории издания романа «КАРА-БУГАЗ»:

«Издано его детское издательство. Редактором был бывший балтийский моряк, эстонец Генрих Эйхлер. Его хорошо помнят все так называемые детские писатели старшего поколения. Он всем им сделал много добра. В начале войны он был сослан под Караганду и там вскоре умер. Сослали его потому, что кто-то донес, будто он не эстонец, а немец».

Минуточку, это же наш Генрих! Учитель литературы в нашей карагандинской школе №3 им. Крылова. В те годы, конец 40-х – начало 50-х, я учился в этой школе.

Мы, пацаны, конечно, выделили Генриха Леопольдовича Эйхлера из числа учителей. Любили его, девчонки – те вообще были влюблены в него. Про Генриха ходили легенды: ученик Короленко, ... участник штурма Зимнего..., воевал под командой Федора Раскольникова и Ларисы Рейснер... работал с Горьким... Друг Паустовского, Гайдара и многих писателей... сам редактор Детиздата.

Но верилось во все это с трудом. Время было смутное, народу в карагандинских краях пребывало много, в том числе и ссыльного.

Память у меня оказалась хорошая. Много запомнилось. И позднее все легенды оказались правдой!

После того, как я прочитал у Паустовского в «КНИГЕ СКИТАНИЙ» о нашем Генрихе Эйхлере, я написал Паустовскому восторженное письмо. Да, да, это наш Генрих, наш учитель литературы! Все правильно, удивительный был человек, любимый учитель. Спасибо Вам, дорогой Константин Георгиевич, за память о Вашем редакторе и издателе.

На это письмо ответа не было, да я и не ожидал. Слишком далек был любимый писатель. Слишком многие ему писали. И занят он, конечно, был. Да и здоровьем не блистал.

Однако что-то свербило, мешало. На фоне потрясения от публикации оно забылось. И лишь отправив письмо Паустовскому и перечитывая роман вообще и «мое» место в частности, я заметил неточности.

И вдогонку написал Константину Георгиевичу второе письмо. Все правильно по оценке места Эйхлера в литературе, но немножко неточно по его биографии, писал я автору.

Все же был Эйхлер не эстонцем, а немцем. Если точно, то полунемцем (по отцу) –

полурусским (по матери). Сослан Эйхлер был, это верно, под Караганду, но затем перебрался в сам город и умер уже в Караганде в феврале 1953 года. То есть не вскоре после начала войны, а почти через восемь лет после ее окончания.

И сослан он был не по чьему-то доносу, а по общему указу о высылке всех российских немцев в Сибирь и Среднюю Азию. Все это надо бы учесть, писал я Паустовскому уже более спокойно, при издании романа отдельной книгой.

И на это письмо тоже ответа не было. Возможно, не доходили мои письма. Потому что в отдельной книге было в точности повторены те слова об Эйхлере. Замечательная общая оценка, но мелкие неточности в биографии.

... Прошли годы. Я сам стал писать. Выпустил несколько книг. Был принят в Союз писателей. И понял, наконец, почему меня, инженера, потянуло в писательство. Влияние Эйхлера!

Взяв отпуск, поехал в город своей юности, нашел вдову Эйхлера, был допущен к его огромному домашнему архиву. И первое, что я нашел среди бумаг учителя: письма от Паустовского! Шесть писем, точнее, пять писем и открытка.

У меня подрагивали пальцы, когда взял в руки эти листки. «Кто, кроме, естественно, Генриха и Вас, – спросил я у Нины Федоровны, – видел эти письма?» – «Никто. Ты первый...». Журналисты, поисковики, писатели поймут меня, услышавшего эти слова: «Ты первый...».

Дальше было дело техники. Нашел сына Паустовского – Вадима Константиновича. Встретился с ним в Москве, привез ему эти письма. И они были опубликованы в 9-ом томе собрания Константина Паустовского в 1986 году.

Оказался в примечаниях и ваш покорный, как поднявший из архива и передавший письма составителям. Можете представить состояние человека, увидевшего себя в собрании сочинений любимого писателя!

Пригласил Вадима Паустовского к себе в Свердловск. Он жил у меня дома, знакомясь с бумагами Эйхлера. Там много о его отце. Потом мы вместе поехали в Караганду, выступали в школе с рассказами об Эйхлере, о Паустовском.

А Вадим Константинович пригласил меня к себе в Москву, привел в музей Паустовского. Там хранится то издание «КАРА-БУГАЗА» 1932 года, о котором писал Паустовский в своей «КНИГЕ СКИТАНИЙ» и где указано: «Редактор – Г.Л. Эйхлер».

И кстати, еще одна маленькая неточность в первых словах Паустовского об Эйхлере: «Издано его Детское издательство». Издательством было «Молодая гвардия», а «Детиздат» открылся чуть позднее, в 1933 году».

Зная, что книги Константина Паустовского переиздаются регулярно, я написал в одно из изданий, близко связанного с именем писателя. Перечислил все мелкие неточности, которые следовало бы как-то оговорить в примечаниях.

К тому времени я уже глубоко знал биографию Эйхлера, написав о нем несколько книг. Нашел письма Эйхлера к Паустовскому. Ответили мне так: это же художественное произведение, автор вправе домысливать.

Странно! Не секрет, что Паустовскому-романтику была присуща повышенная фантазия. Увлекаясь, он иногда невольно искажал реальные факты. Часто это не мешало, но порой бывали и конфликты.

Вдова Эйхлера Нина Федоровна рассказывала мне. Живя близко друг от друга, Паустовский и Эйхлер часто провожали друг друга. Однажды Эйхлер пришел и сказал жене:

«Ах какой фантазер Костя! Талантлив невероятно, стилист потрясающий, но и фантазер не меньший!..»

Это и сказалось на самом Эйхлере через много лет, когда, говоря об истории издания романа «КАРА-БУГАЗ», и дав замечательную общую характеристику своему редактору, Паустовский по памяти рассказал некоторые детали из его жизни, приукрасив и невольно исказив их.

Пришлось поспорить с тем уважаемым изданием. Напомнить, что мне, члену Союза писателей, известны законы художественного творчества и соотношение его с документализмом. Паустовский просто ошибся, ничего страшного нет, если будет исправлено.

И еще – великому Паустовскому это ни сколько не навредит, а об Эйхлере надо все же сказать правду. Наконец, я был услышан. Во 2-м томе нового собрания сочинений К.Паустовского в примечаниях о героях его сочинений указаны верные сведения об Эйхлере.

Сейчас я пишу новую книгу: «ЧИТАЯ ТОМ ДЕВЯТЫЙ» (Письма К.Паустовского к Г. Эйхлеру»). Там вся эта история будет рассказана подробнейшим образом.

Международная научно-практическая конференция

**Наследие К.Г. Паустовского и современность:
экология, культура, нравственность**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Тираж 250 экз.

Отпечатано: ИП Жуков В.Ю.. Тел. 76-76-58